

70 ЛЕТ ЯЛТИНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ СТРАН АНТИГИТЛЕРОВСКОЙ КОАЛИЦИИ

Материалы
международной научной конференции
Екатеринбург, 24 декабря 2015 г.

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ Б. Н. ЕЛЬЦИНА

Институт социальных и политических наук

Департамент международных отношений

Кафедра теории и истории международных отношений

Уральское региональное отделение Ассоциации европейских исследований

Уральское региональное отделение Российской ассоциации содействия ООН

70 лет Ялтинской конференции стран антигитлеровской коалиции

Материалы

международной научной конференции

Екатеринбург, 24 декабря 2015 г.

Екатеринбург

Издательство Уральского университета

2016

УДК 327(063)

ББК Ф4(0),30Я43

С309

Редакционная коллегия:

В. И. Михайленко, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории международных отношений УрФУ;

В. Д. Камынин, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений УрФУ;

Е. В. Лазарева, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений УрФУ (отв. редактор);

К. Г. Муратишина, кандидат исторических наук, ассистент кафедры теории и истории международных отношений УрФУ

Научный редактор *В. И. Михайленко*

С309 70 лет Ялтинской конференции стран антигитлеровской коалиции : материалы междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 24 дек. 2015 г.) / [науч. ред. В. И. Михайленко]. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. – 245 с.

В сборнике представлены доклады научной конференции, состоявшейся 24 декабря 2015 г. в Уральском федеральном университете. Материалы включены в тематические разделы, посвященные Ялтинско-Потсдамской системе международных отношений и современным международным отношениям в постбиполярном мире. Третий раздел содержит тезисы докладов студенческой секции.

Для специалистов по международным отношениям и всех интересующихся проблемами мировой политики и историей международных отношений.

УДК 327(063)

ББК Ф4(0),30Я43

ISBN 978-5-7996-1735-6

© Издательство Уральского университета, 2016

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF THE RUSSIAN FEDERATION
URAL FEDERAL UNIVERSITY NAMED AFTER THE FIRST RUSSIAN PRESIDENT B. N. YELTSIN

Institute of Social and Political Sciences

International Relations Department

Chair of International Relations Theory and History

Ural regional branch of the Association of European studies

Ural regional branch of the United Nations Association of Russia

70th Anniversary of Yalta Conference

Collection of articles
of the International scientific conference
Yekaterinburg, December 24th, 2015

Yekaterinburg
Ural University press

2016

УДК 327(063)

ББК Ф4(0),30Я43

C309

Editorial board:

Professor V. I. Mikhailenko, head of the Chair of International Relations
Theory and History, Ural Federal University;

Professor V. D. Kamynin, professor of the Chair of International Relations
Theory and History, Ural Federal University;

E. V. Lazareva, associate professor of the Chair of International Relations
Theory and History, Ural Federal University (publishing editor);

K. G. Muratshina, assistant lecturer of the Chair of International Relations
Theory and History, Ural Federal University

Scientific editor *V. I. Mikhailenko*

C309 70th Anniversary of Yalta Conference : Collection of articles of the international scientific conference (Yekaterinburg, Dec. 24th, 2015) / [ed. by V. I. Mikhailenko]. – Yekaterinburg : Ural University press, 2016. – 245 p.

The collection of articles includes the reports presented by the participants of the international scientific conference "70th Anniversary of Yalta Conference", that had been held at the Ural Federal University on December 24th, 2015. The articles are divided into two sections: the first is devoted to Yalta-Potsdam system of international relations and the second covers the problems of international relations in modern post-bipolar world. The third section contains the reports of students.

The book is aimed at international relations experts and everyone interested in world politics and the history of international relations.

УДК 327(063)

ББК Ф4(0),30Я43

ISBN 978-5-7996-1735-6

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.	9
--------------------------	---

Раздел 1

ЯЛТИНСКО-ПОТСДАМСКАЯ СИСТЕМА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Антошин А. В. Возвращаясь к временам Александра Благословенного? Место СССР в Ялтинско-Потсдамской системе международных отношений в оценках публицистов парижской газеты «Русские новости».	11
Калинин Д. М. Дорога к Мальте: формирование политики Дж. Буша в отношении СССР в 1989 г.	15
Капуциан Р. Роль Героя Советского Союза генерала Людвиг Свободы в освобождении Чехословакии.	20
Князева С. Е. Либеральная традиция в евроатлантическом пространстве после Ялты.	23
Коптелов А. О. Американская историография нацизма в 30–60-е гг. XX в.	30
Сорвина М. Ю. Судьба Южного Тироля в контексте решений Ялтинской конференции. ...	34
Тави Л. The Southern Kurile islands dispute: a historical analysis for a better understanding of the Yalta secret protocol.	40
Чесноков А. С. Кения во Второй мировой войне.	49

Раздел 2

СОВРЕМЕННЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ПОСТБИПОЛЯРНОМ МИРЕ

Анарбаева Г. А. Истоки и современное состояние взаимодействия кочевых и оседлых традиций в Ферганской долине.	55
Астафьева Е. М. Сингапур: внешнеполитический курс на «баланс между реализмом и идеализмом».	61
Бибнев А. А. Проблемы Карибской интеграции на рубеже XX–XXI вв.	65
Грибан И. В. «Он снова здесь?» Сатирический образ А. Гитлера в восприятии современных немцев.	69
Довжик Н. Р. Военно-стратегические вопросы в Стратегии национальной безопасности Польши 2014 г.	75

Йоксимович О. Бомбардировки НАТО Сербии и их гуманитарные, экологические и экономические последствия.	79
Камынин В. Д., Папоян А. Р. Превращение Республики Армения в актора международных отношений в 90-е гг. XX столетия.	83
Козыкина Н. В., Гёзлер С. Борьба курдов в Турции.	86
Козыкина Н. В., Пеллинен Т. Активность ВВС России как инструмент внешней политики в регионе Балтийского моря в 2014 г.	91
Кочнев А. В. Исламский экстремизм в Узбекистане.	98
Красавин И. В., Даминов И. Р. Перспективы финансово-экономического сотрудничества РФ и КНДР.	102
Лазарева Е. В. Проблема миграции из Центральной Азии на Средний Урал в контексте региональной безопасности.	108
Лазарева Е. В., Суваннагул Р. Участие Таиланда в международных режимах по противодействию трансграничной преступности.	115
Лапанович Е. А. Курдский фактор в регионе Ближнего Востока в контексте угрозы «Исламского государства».	119
Лушников О. В. Евразийская интеграция: региональные и международные аспекты.	125
Лямзин А. В. Основные направления деятельности России по обеспечению безопасности в Центральной Азии в начале XXI в.	130
Михайленко В. И. Ценностные основания Ялтинского и нового мирового порядка.	136
Михайленко Е. Б. Теории регионализма в современных исследованиях международной интеграции.	143
Москаленко М. Р., Кропанева Е. М. Военно-стратегические вызовы для современной России и системный кризис общества.	149
Муратшина К. Г. Азиатский банк инфраструктурных инвестиций как новый актор международных отношений в АТР.	152
Муратшина К. Г., Пруткина Н. М. Челночный бизнес в российско-китайских торгово-экономических отношениях в 1990-е гг.	156
Мусихина Т. П., Мамин Н. В. Партизанские войны как «войны четвертого поколения»: теоретический аспект.	159
Пахомова М. А. Концептуальные основы современной политики КНР в отношении государств Арабского Востока.	163
Победаш Д. И., Пиксаева К. Ю. Политика США в бывших испанских колониях после 1898 г. по настоящее время (на примере Гуама и Пуэрто-Рико).	166

Пунгчинггам К. Развитие россиеведения в Таиланде и его значение для российско-тайландского гуманитарного сотрудничества.	171
Родионов В. А. Китайский фактор в политическом процессе современной Монголии.	175
Сомкамнерд Н. Особенности сотрудничества Таиланда со странами – членами АСЕАН в сфере защиты прав человека.	179

Раздел 3

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ СТУДЕНЧЕСКОЙ СЕКЦИИ

Ахунова А. А. Проблема урегулирования отношений Западной Германии с Нидерландами после окончания Второй мировой войны.	183
Брусенкова Е. А. Роль Казахстана в центрально-азиатской стратегии Китая.	186
Васильева Т. В. Деятельность ЮНЕСКО по реализации права на образование в первое послевоенное десятилетие.	189
Волкова Д. А. Участие Италии в гражданских миссиях ЕС.	193
Гаева Ю. Д. Значение контактов лидеров двух сверхдержав Дж. Ф. Кеннеди. и Н. С. Хрущева для разрешения кризисных моментов холодной войны.	196
Гладкая В. Э. Эволюция процессов регионализма на Ближнем Востоке.	198
Гусейнов К. К. Дискуссия в рамках «большой тройки» о месте Франции в послевоенном мироустройстве.	202
Иванова А. Е. Роль китайской диаспоры в отношениях Индонезии и КНР.	207
Ильиных В. А. Участие Испании в военном конфликте на отдаленной территории на примере войны в Ираке.	209
Искендарова Д. Н. Международно-правовой статус коренных народов в документах МОТ во второй половине XX в.	211
Обанина А. А. Передача места в ООН от Китайской Республики Китайской Народной Республике.	212
Пьянкова К. А. Соперничество США И Канады в Арктическом регионе в постбиполярную эпоху.	214
Раюллина Т. Г. Отношения Мексики и США в годы холодной войны.	219
Синицына Е. И. Интеграционные процессы в Северной Америке в 1945–1988 гг. (на примере Соглашения о свободе торговли – ФТА).	221
Старикова Л. В. Испания в международной системе экспортного контроля (1945–1991 гг.).	223

Тодрик Е. А. Международная защита прав женщин в период Ялтинско-Постдамской системы международных отношений.	224
Туганов В. Б. Затянувшаяся Тихоокеанская война: случай Хироо Оноды.	228
Тулаев Ф. Р. Доктринальные основы внешней политики современного Таджикистана.	230
Чудинова А. А., Хэнсен П. В. Место Великобритании в Ялтинской системе в послевоенное десятилетие.	233
Чудинова А. А. Факторы Британской политики евроинтеграции 1970-х гг.	236
Шаламов М. А. Проблема приднестровского конфликта в контексте региональной безопасности.	242

ПРЕДИСЛОВИЕ

На протяжении семи десятилетий, несмотря на существенные трансформации, провозглашенная в Ялте система международных отношений удерживает мир от скатывания к глобальной катастрофе.

С точки зрения управления глобальными процессами Ялтинская система предвосхитила мировые тренды развития и обеспечила эволюционный характер многих сложных процессов второй половины XX в. Прежде всего это относится к национально-освободительному движению и появлению сотни новых суверенных государств.

Созданные как структурные институты Ялтинской системы Организация Объединенных Наций, Международный валютный фонд, Международный банк реконструкции и развития, Генеральное соглашение по тарифам и торговле и другие организации обеспечили устойчивое развитие мировой экономической и политической системы, смягчая самые острые политические, финансовые и экономические кризисы. Всеобщая декларация прав человека составила моральный, нравственный и правовой корпус Ялтинской системы, стала ориентиром для мирового сообщества и политиков.

На протяжении семи десятилетий ценностные основания Ялтинского мирового порядка, такие как примат прав человека, право наций на самоопределение, уважение суверенитета государств, свобода торговли, открытость морских и сухопутных коммуникаций, являлись ориентирами для межгосударственных отношений. Не будем лукавить их интерпретация зависела от идеологических и геополитических пристрастий. Помним, как в период визита во Францию новый советский генсек М. С. Горбачев пытался убедить французского президента в том, что в СССР права человека соблюдаются лучше, поскольку главной их составляющей является право на труд.

Международный Ялтинский порядок не был совершенным и статичным. В период Крымской конференции международный порядок замыслился как

кондоминиум трех (четырех) держав, соуправляющих миром. Достаточно скоро он трансформировался в биполярную систему, которая просуществовала до 1991 г. Затем наступил период однополярного мира. Наконец, с начала 2000-х гг. стала формироваться новая конфигурация, которую, к примеру, российский исследователь А. Д. Богатуров определил как «плюралистическую однополярность».

Выступая перед студентами и слушателями Дипломатической академии МИД РФ, министр иностранных дел С. В. Лавров заявил: «Объективный процесс формирования новой, более справедливой и демократической полицентричной системы мироустройства, которая отражала бы географическое и цивилизационное многообразие мира, сопровождается ростом нестабильности, турбулентности, конфликтности» [1]. Собственно, в процессе дискуссий на конференции, проходившей в Уральском федеральном университете, рассматривались как особенности функционирования Ялтинской системы в период холодной войны, так и факторы, создающие предпосылки для качественных изменений в новом мировом и международном порядке.

1. Выступление и ответы на вопросы студентов и слушателей Дипломатической академии МИД России Министра иностранных дел РФ С. В. Лаврова. Москва, 27 февр. 2015 г. // МИД РФ [официальный сайт]. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newslines/0A7E99546D45DE1743257DF900422269 (дата обращения: 15.12.2015).

**ЯЛТИНСКО-ПОТСДАМСКАЯ СИСТЕМА
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ**

УДК 94(100)“1939/45”+327.57+325.2+070.23(44)

А. В. Антошин

*Уральский федеральный университет,
Екатеринбург*

**Возвращаясь к временам Александра Благословенного?
Место СССР в Ялтинско-Потсдамской системе международных
отношений в оценках публицистов парижской газеты «Русские новости»**

**Returning to the times of Alexander the Blessed?
The place of USSR in Jalta – Potsdam system of international relations
in perception by journalists of newspaper “Russkie novosti” (Paris)**

Статья посвящена внешнеполитическим установкам старых русских эмигрантов после Второй мировой войны. Доказывается, что они находились в русле имперских концепций российских мыслителей XIX – начала XX в.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Ялтинско-Потсдамская система, русские эмигранты, «Русские новости».

The article is devoted to attitudes of old Russian émigrés after the Second World War. An author proves that these attitudes were based on imperial concepts of Russian pre-revolutionary thinkers.

Keywords: the Second World War, Jalta-Potsdam system, Russian émigrés, “Russkie novosti”.

Вторая мировая война стала временем всплеска патриотических настроений среди русских эмигрантов в разных странах мира. Особенно ярко эти настроения проявились в «столице» довоенного Русского зарубежья – Париже. Группа переживших войну старых соратников П. Н. Милюкова в 1945 г. начала издавать газету «Русские новости», позиционируя этот проект как продолжение знаменитых милюковских «Последних новостей». Просоветские настроения,

характерные для «Русских новостей», привели к тому, что историки Русского зарубежья весьма неоднозначно оценивают это издание [1, с. 179]. Однако именно анализ внешнеполитических воззрений публицистов «Русских новостей» позволяет увидеть, что в данном случае мы имеем дело не с «марионетками» Кремля (как пытались представить этих людей многие их оппоненты), а с совершенно самостоятельными аналитиками.

Вопрос о роли России (как эмигранты подчеркнуто именовали Советский Союз) в мире являлся для группы «Русских новостей» центральным, зачастую он затенял собой все остальные (именно поэтому он и смог заслонить для этих людей противоречивые аспекты сталинского политического режима). Вся атмосфера мая 1945 г. воскрешала для старых эмигрантов былые времена славы русского оружия. А вместе с этим воскресли и стали снова актуальными и те концепции, которые постоянно фигурировали во внешнеполитическом дискурсе дореволюционной России. Не последнюю роль среди них играл панславизм. Когда-то достаточно популярный среди либералов и умеренных консерваторов предреволюционной империи, но давно забытый, он вновь заиграл прежними красками после тех колоссальных геополитических изменений, которые принесла Вторая мировая война. А это не могло не поднять и старую проблему «Россия и Европа», вызвало стремление опять ответить на те вопросы, которые когда-то ставил Н. Я. Данилевский. Уже через девять дней после разгрома нацистской Германии старый русский воин вице-адмирал М. А. Кедров размышлял: «Закончились бои... Славянство на пути к объединению, а уже ползет клевета и раздается антирусская пропаганда». Международная обстановка, роль России в Европе в 1945 г. живо напомнили старому моряку атмосферу Версальского конгресса более чем вековой давности. На книгах о тех событиях поколениями воспитывались русские молодые офицеры, и у М. А. Кедрова не могли не возникнуть ассоциации: «Сильная Россия, будь то императорская или советская, редко кому нравится. Как 130 лет тому назад, во времена Александра Благословенного, у нее много врагов, но сильная Россия постоит за себя и за все славянство» [2].

Именно эти обстоятельства, по мнению «Русских новостей», и обосновывали тот факт, что фактически холодная война начиналась еще в условиях Второй мировой. Следует подчеркнуть: «Русские новости» не стремились затушевывать активный характер советской внешней политики. Для них этот характер был вполне естественным, поэтому они и не повторяли заявления советской пропаганды о «миролюбии», свойственном правительству СССР на международной арене. Они даже не акцентировали внимание на агрессивности внешнеполитического курса США, что было «общим местом» для советских пропагандистов. Естественным для старых эмигрантов было то обстоятельство, что Восточная Европа должна была контролироваться Советским Союзом. Они не обращали внимания на заявления о «народно-демократическом» характере новых политических режимов в странах региона. Тезис о том, что Советский Союз стал новым воплощением Российской империи, для этих людей все легко объяснял. СССР просто шел по тому же пути, что и старая Россия, не только восстанавливая утраченные позиции на мировой арене, но и достигая того, чего прежней Империи сделать не удалось. Фактически, прямо заявляли авторы «Русских новостей», И. В. Сталин смог добиться того, «о чем тщетно мечтали Петр Великий, Екатерина II и Александр I» [3].

При этом важно, заявляли публицисты «Русских новостей», что вся эта активная внешняя политика ведется Советским Союзом строго в рамках международного права. Как доказывали «Русские новости», именно И. В. Сталин из всех глав великих держав наиболее последовательно выполнял Ялтинские соглашения [4].

Это обстоятельство, по мнению руководства редакции парижской газеты, было одним из факторов, обуславливавших уверенность, с которой Советский Союз подходил к последнему форуму антигитлеровской коалиции – Потсдамской конференции. И здесь главный редактор «Русских новостей» А. Ф. Ступницкий в свойственном его газете стиле откровенно писал, что у Советского Союза нет никаких оснований проявлять в Потсдаме какую-либо «скромность» в формулировании своих территориальных требований: «Трудно себе предста-

вить, чтобы сейчас, после победы, в которой она сыграла решающую роль, Россия ограничилась одним лишь требованием существенного изменения в ее пользу статуса проливов Черного моря». И вновь проводя характерные для «Русских новостей» исторические параллели со старой Россией, бывший соратник П. Н. Милюкова заявлял, что перед ее новым воплощением стоят «задачи гораздо более широкие, общая задача организации морских баз на всех путях ее имперских сообщений. Эти задачи свободного и беспрепятственного выхода к открытому морю всегда понимались русской дипломатией как исторические задачи России и, несомненно, продолжают оставаться таковыми же и для советской дипломатии» [5].

Весьма характерно понятие «империи», которое прямо, не стесняясь, употреблял А. Ф. Ступницкий по отношению к Советскому Союзу. Сам язык, терминология, которыми оперировали публицисты «Русских новостей», были совершенно не типичны для стилистики текстов их коллег по другую сторону от «железного занавеса». Концептуальные построения симпатизировавших Советскому Союзу старых эмигрантов базировались на совершенно иной основе, имели совершенно иной, немарксистский источник – политическую мысль России и Европы XIX – начала XX в.

-
1. *Johnston P. H.* “New Mecca, New Babylon”: Paris and the Russian exiles: 1920–1945. Kingston; Montreal, 1988.
 2. *Кедров М. А.* Русская победа // Русские новости. 1945. 18 мая.
 3. Русские новости. 1945. 18 мая.
 4. Русские новости. 1945. 15 июня.
 5. *Ступницкий А. Ф.* Потсдам и проблемы мировой политики // Русские новости. 1945. 20 июля.

**Дорога к Мальте: холодная война и политика Дж. Буша
в отношении СССР в 1989 г.**

**The Road to Malta: Cold War and the Policy of G. H. W. Bush
towards USSR in 1989**

В статье анализируется формирование внешнеполитической стратегии администрации Дж. Буша в отношении СССР и разбираются основные точки зрения на политику М. С. Горбачева. Мальта стала индикатором нового видения американо-советских отношений, а политика Дж. Буша стала беспрецедентной, так как была нацелена на осторожную поддержку М. С. Горбачева.

Ключевые слова: Мальтийский саммит, международные отношения, Дж. Буш-старший, М. С. Горбачев.

The article is devoted to the analysis of new strategy towards USSR formation and describes main points of view within George H. W. Bush Administration on the policy of M. Gorbachev. Malta became an indicator of the new American view on US-Soviet relations. The George H. W. Bush policy was unprecedented because he was trying to support Gorbachev.

Keywords: The Malta Summit, foreign relations, US-Soviet relations, George H. W. Bush, M. Gorbachev.

В исторической и околонушной литературе получил распространение термин «от Ялты до Мальты», который обозначает рубежность двух саммитов XX в. И если Ялтинская конференция 4–11 февраля 1945 г. обозначила границы нового мирового порядка и фактически признала существование двух супердержав – СССР и США, то с Мальтийским саммитом 2–3 декабря 1989 г. все далеко не так просто. Никаких официальных соглашений подписано на встрече не было, а ее значение в окончании холодной войны, по сути, сводится к психологическому аспекту.

Однако именно встреча лидеров двух государств, противостоящих друг другу более 40 лет, СССР и США, стала показателем кардинального сдвига

в двусторонних отношениях. Принципиальным вопросом становится определение роли в этом процессе президента США Дж. Буша-старшего и его советского визави М. С. Горбачева.

Вопрос определения степени влияния в окончании холодной войны Дж. Буша остается дискуссионным в историографии. Превалирующими в ней остаются два течения. Первое за основу берет утверждение о поражении СССР в холодной войне и отдает должное за это президентам Р. Рейгану и Дж. Бушу, которые смогли извлечь максимум выгоды из ослабления СССР [1; 2]. Представители второго утверждают, что Дж. Буш был относительно непричастен к кардинальным изменениям в мире, и его вклад не может сравниться с вкладом советского лидера М. С. Горбачева [3]. Признавая правомочность обеих версий, попытаемся проанализировать формирование политики Дж. Буша по отношению к СССР, которая была продемонстрирована в ходе Мальтийского саммита в декабре 1989 г.

После вступления в должность Президента США 20 января 1989 г. Дж. Буш взял стратегическую паузу в отношениях с СССР для определения будущей политики [4, с. 223]. На практике это означало, что рейгановская стратегия американско-советской политики хоть и должна была лечь в основу новой, но, по мнению Дж. Буша, не могла адекватно функционировать без серьезной ревизии основных положений. В определении характера этой стратегии участвовало несколько американских ведомств и институтов, среди которых наибольшим влиянием пользовались Совет Национальной Безопасности (СНБ), Государственный департамент, Министерство обороны, ЦРУ. Дж. Буш, опытный политик и бывший глава ЦРУ, старался проводить осторожную политику. Сформированная им команда была более консервативной, однако и в ней были расхождения во мнениях относительно М. С. Горбачева, его внутренней и внешней политики и возможных перспектив США. Основные вопросы, которые интересовали администрацию президента, заключались в следующем: реальны ли попытки М. С. Горбачева реформировать советскую систему; какие перспективы есть у него и у политики перестройки; каковы возможные дей-

ствия США [5]. Однако главный вопрос оставался за кадром: нужно ли поддерживать М. С. Горбачева в его реформах или же усилить давление с целью извлечения максимальной выгоды.

Практически вся администрация Дж. Буша считала необходимым продолжить давление на М. С. Горбачева с целью переориентации реформ в СССР в американских интересах [6, с. 41–42]. Другое дело, «выгоден» ли был М. С. Горбачев для этих интересов. Группа скептиков, лицом которых можно назвать посла США в СССР Дж. Мэтлока, который в трех телеграммах в феврале 1989 г. изложил свое видение ситуации, считала, что поддерживать М. С. Горбачева не нужно. Мэтлок подчеркивал, что первостепенной задачей для США становится помощь реформам, а не лично М. С. Горбачеву. США необходимо двигаться к соблюдению национальных интересов, главным из которых посол считал превращение СССР в государство с эффективными ограничителями на использование военной силы за границей [7, с. 106]. К. Райс, в то время один из главных советников Дж. Буша по СССР и Восточной Европе, отмечала, что «новое мышление» Горбачева могло оказаться лишь прикрытием для политики силы, поэтому правильной стратегией была бы жесткая линия в отношении Москвы, без оглядки на личность [8, с. 73]. С ними были согласны некоторые аналитики ЦРУ. Грей Ходнетт, старший политический аналитик Бюро анализа событий в СССР, характеризовал политику М. С. Горбачева как авантюрную и рискованную и был пессимистичен в отношении его перспектив [2].

Другая точка зрения была выражена, в частности, госсекретарем США Дж. Бейкером. Он считал, что М. С. Горбачев – политик, выгодный для Запада, идущий на уступки, поэтому с ним можно и нужно расширять контакты для того, чтобы добиться своих целей, а не находиться в стратегическом ожидании [6, с. 69]. Согласны с этой позицией были и некоторые работники аппарата СНБ. Специальный помощник президента по европейскому и советскому направлению СНБ Р. Блэкуилл представил Дж. Бушу отчет, в котором настаивал на положительной характеристике М. С. Горбачева [8, с. 95].

Принципиальным вопросом остается то, как сам Дж. Буш оценивал действия М. С. Горбачева, ведь именно от этого зависел стратегический курс политики по отношению к СССР. Президент США видел в перестройке реальную попытку реформирования советского государства. На встрече с премьером Государственного совета КНР Ли Пэном 26 февраля 1989 г. Дж. Буш прямо заявлял: «мы хотим, чтобы “перестройка” продолжилась и была успешной» [9].

Встреча на Мальте 2–3 декабря 1989 г. не только продемонстрировала всю полноту изменений в советской внешней политике, но также стала индикатором новой стратегии администрации Дж. Буша в отношении СССР. Саммит показал, что по некоторым вопросам, таким как, например, советское влияние на Кубе и в Центральной Америке, Дж. Буш продолжил жесткое давление времен холодной войны. Однако в целом становилось очевидно, что по принципиальным вопросам, таким как экономика, администрация США готова была оказать поддержку М. С. Горбачеву в обмен на новые уступки [10].

Вместе с тем политика Дж. Буша была беспрецедентной, учитывая опыт холодной войны. Падение Берлинской стены 9 ноября 1989 г. открывало для США невиданные возможности в официальном подтверждении победы Запада над Востоком. Однако Дж. Буш не пошел на это, отметив, что не хотел бы усложнять политическую жизнь внутри СССР, и именно поэтому «не прыгал на Берлинской стене» [10].

1. *Schweizer P.* Victory : The Reagan Administration's Secret Strategy that Hastened the Collapse of the Cold War, N. Y. : Atlantic Monthly Press, 1994. 304 p.

2. SOV 89-10077, Central Intelligence Agency, Office of Soviet Analysis, September-1989, Gorbachev's Domestic Gambles and Instability in the USSR. URL: <https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/csi-publications/books-and-monographs/at-cold-wars-end-us-intelligence-on-the-soviet-union-and-eastern-europe-1989-1991/16526dfiles.pdf> (mode of access: 29.10.2015).

3. *Fischer B.* US Foreign policy under Reagan and Bush // Cambridge History of the Cold War. Vol 3. L. : Cambridge University Press, 2010. P. 267–289.

4. Письмо Джорджа Буша, переданное Киссинджером Горбачеву 17 января 1989 года // Отвечая на вызов времени. Внешняя политика перестройки: документальные свидетельства : По записям бесед Горбачева с зарубежными деятелями и другим материалам / Горбачев-Фонд. М. : Весь Мир, 2010. 944 с.
5. National Security Review – 3, Febr. 15, 1989. Bush Presidential Library. URL: <https://bush41library.tamu.edu/files/nsr3.pdf> (mode of access: 19.11.2015)
6. *Baker J.* The Politics of Diplomacy. N. Y. : Putnam Adult, 1995. 687 p.
7. Донесения посла США в Москве Дж. Мэтлока : Взгляд на перестройку М. С. Горбачева // Новая и новейшая история. 1996. № 1. С. 104–124.
8. *Бешлосс М., Тэлбот С.* Измена в Кремле: протоколы тайных соглашений Горбачева с американцами. М.: Алгоритм, 2010. 352 с.
9. Memorandum of Conversation with Li Peng, Premier of the People's Republic of China, 1989-02-26 // Memoranda of Meetings and Telephone Conversations (Memcons/Telcons). Bush Presidential Records. URL: <https://bush41library.tamu.edu/files/memcons-telcons/1989-02-26-Peng.pdf> (mode of access: 29.10.2015).
10. Memorandum of Conversation : Gorbachev Malta First Expanded Bilateral Meeting GB and Gorbachev in Malta, 1989.12.02 // Memoranda of Meetings and Telephone Conversations (Memcons/Telcons). Bush Presidential Records. Presidential Meetings – Memorandum of Conversations. URL: <https://bush41library.tamu.edu/files/memcons-telcons/1989-12-02-Gorbachev%20Malta%20First%20Expanded%20Bilatera0Meeting.pdf> (mode of access: 29.10.2015).

**Судьба героя Советского Союза генерала Людвиг Свободы
и освобождение Чехословакии**

**Destiny of general Ludvik Svoboda as hero of the Soviet Union
and the liberation of Czechoslovakia**

Статья посвящена биографии генерала Л. Свободы, который стоял у истоков обретения независимости Чехословакии, сначала как боец Чехословацкой дружины в годы Первой мировой войны, а затем как организатор сопротивления нацистской Германии.

Ключевые слова: Людвиг Свобода, Чехословацкий корпус, Чехословакия, СССР.

The article is devoted to the biography of General L. Svoboda, who fought for independence of Czechoslovakia, first as a soldier of the Czechoslovak Brigade in the First World War, and later as the organizer of resistance to Nazi Germany.

Keywords: Ludvík Svoboda, Czechoslovak Corps, Czechoslovakia, USSR.

Людвиг Свобода (Ludvík Svoboda) – один из тех, кто помогал с оружием в руках организовать новое государство в центре Европы в годы Первой мировой войны. Когда на Чехословакию двинулись германские нацисты, он был одним из первых, кто стал на защиту Родины. В 2015 г. ему исполнилось бы 120 лет, он родился 25 ноября 1895 г.

Он не был кадровым военным, происходил из посёлка Грознатин (Hroznatín) в сельскохозяйственном районе Чешскоморавская возвышенность (Českomoravská vrchovina), где и получил в соответствующем училище специальность агронома. После окончания школы в 1915 г. был призван в австро-венгерскую армию, где его сразу откомандовали на восточный фронт. Здесь он достаточно быстро сдался русским, как пишет во своих воспоминаниях. Потом

в 1916 г. добровольно вступил в Чешскую дружину [1], которая была позже, в 1917 г. переформирована в Чехословацкий корпус. В чехословацком корпусе во время Гражданской войны в России дослужился до звания капитана и вернулся домой как герой сражений под Зборовом и под Бахмачем в Сибири. Свобода, закончив активную службу в армии, начал управлять родным хозяйством как агроном. Но уже в 1921 г. был снова призван в строй. С тех пор ещё с несколькими небольшими промежутками служил всю жизнь Родине – Чехословакии.

Людвик Свобода не принадлежал к простым покорным солдатам, которые тупо выполняют приказы командования. Все свои звания он получил за настоящую службу Родине, которой он был глубоко предан. Даже если приказы не соответствовали с интересам Родины, он умел возражать и вышестоящим чинам. Но приказы выполнял всегда добросовестно и того же требовал от своих подчинённых.

Людвиг Свобода за свою службу в Чехословацком корпусе получил два ордена Св. Георгия за храбрость, сражаясь под Зборовом и под Бахмачем. Принимал участие в боях за Транссибирскую магистраль, дошёл успешно до Владивостока. Домой вернулся последним транспортом через Панаму в 1920 г.

Когда у него уже в немолодом возрасте спрашивали, воевал ли он в молодости против РККА, обычно, ссылаясь на свой послужной список, говорил, что был ответственным за результаты роты, которой командовал, и его солдаты воевали хорошо. В Сибири, набравшись боевого опыта в настоящих сражениях, командовал даже батальоном. Не удивительно, что мирной спокойной жизнью в родном хозяйстве ему долго жить не довелось, и он был призван как опытный фронтовой офицер на защиту границ Родины.

В 1923 г., получив приказ, он вернулся в родной третий полк Яна Жижки из Троцнова, который находился тогда в г. Кромержиж (Kroměříž). Через несколько месяцев его откомандовали на «Подкарпатскую Русь» (Podkarpatská Rus) в г. Ужгород, как тогда называлась самая восточная часть Чехословакии, где он служил на разных командных должностях на протяжении восьми лет. Как настоящий командир он стремился понимать всех своих подчинённых, по-

тому выучил здесь венгерский язык (по которому сдал государственный экзамен), так как многие из служивших здесь воинов были венграми. Интересно, что впоследствии он использовал эти знания, так как с 1931 по 1934 г. читал курс венгерского языка в военной академии в г. Границе на Мораве.

Людвиг Свобода был одним из многих офицеров, которые приветствовали подписание чехословацко-советского договора о сотрудничестве от 16 мая 1935 г. Возможная военная помощь СССР по нему допускалась только в связи с поддержкой Франции [2].

После заключения 29 сентября 1938 г. Мюнхенского договора Свобода провёл мобилизацию своего подразделения и по собственному желанию был готов защищать границу РЧС. Но поскольку на его Родине тогда не было возможности сделать это в полной мере, он ушел в Краков, где сформировал чехословацкое войско за рубежом.

После нападения нацистов на Польшу Свобода приказывает своим бойцам отступить пешком на территорию СССР. До нападения Советского Союза организует транспортировку чехословацких военных на Западный фронт воевать против фашистов. После 22 июня 1941 г. под его командой формируются первые чехословацкие полки на территории СССР [3]. Не раз его мнение расходилось с чехословацким правительством за рубежом, которое работало в Лондоне. Например, без одобрения Министерства национальной обороны по своей инициативе он передал советскому командованию заявление об уходе 1-го полевого батальона на фронт осенью 1942.

После заключения чехословацко-советского договора от 18 июля 1941, который подписали советский посол в Лондоне И. М. Майский и министр иностранных дел Чехословакии Ян Г. Масарик, следует договор, подписанный президентом Э. Бенешем и В. М. Молотовым от 12 декабря 1943 г. в Москве. Этот акт некоторые историки считают первым значительным шагом ЧСР к сближению с СССР как ближайшим союзником.

В Словакии 29 августа 1944 г. разгорелось национальное восстание, на помощь которому выступил Чехословацкий корпус с поддержкой Красной армии.

После неудачи первой атаки под командой генерала Кратохвила его 10 сентября 1944 г. заменил Людвиг Свобода, который потом руководил Чехословацким корпусом до конца войны [4]. Итогом общих усилий стало то, что в столицу ЧСР Красная армия вступила 9 мая 1945 г.

Без сильных союзников в тогдашней Европе Чехословакии не было возможности выжить. И генерал Свобода выбрал сильного союзника, который был в то время одним из наиболее реальных вариантов.

-
1. *Татаров Б. А.* Чешская (Киевская) дружина. Август 1914 – декабрь 1915 г. М : Русские витязи, 2009.
 2. Договор о взаимной помощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Республикой Чехословакией // 100 ключевых документов. URL: http://www.1000dokumente.de/index.html?c=dokument_ru&dokument=0021_tsc&object=translation&st=&l=ru (дата обращения: 14.01.2015)
 3. *Свобода Л.* От Бузулука до Праги // Военная литература. URL: http://militera.lib.ru/memo/other/svoboda_l/index.html (дата обращения: 14.01.2015).
 4. Чехословацкие формирования в составе Красной армии // РУНИВЕРС. URL: http://www.runivers.ru/doc/d2.php?SECTION_ID=6390&PORTAL_ID=6383 (дата обращения: 14.01.2015).

УДК 94(100)“1939/45”+327.5+327.2

С. Е. Князева

*Российский государственный
гуманитарный университет,
Москва*

Либеральная традиция в евроатлантическом пространстве после Ялтинской конференции

The liberal tradition in the Euro-Atlantic space after the Yalta Conference

Статья посвящена исследованию важнейших причин и факторов сотрудничества «Большой тройки» на Ялтинской конференции на основе признания либеральных традиций и демократических стандартов. Автор обращает внимание на основные уроки Ялты — привер-

женность либеральной традиции и либеральной демократии в евроатлантическом пространстве.

Ключевые слова: Вторая мировая война, конференция в Ялте, геополитика, права человека, свобода, союзники, коалиции, великие державы, европейская либеральная традиция, Хельсинкский акт, Маастрихтский договор, Лиссабонский договор.

This article deals with important causes and factors of cooperation of the Great Three at Yalta conference on the basis of recognition of liberal traditions and democratic standards. We pay attention to main lessons of Yalta – adherence to liberal tradition and liberal democracy in the euroatlantic space.

Keywords: Second World War, Conference at Yalta, geopolitics, human rights, freedom, Allies, Coalition, Great powers, european liberal tradition, liberalism, Helsinki Act, Maastricht Treaty, Lissabon Treaty.

11 февраля 1945 г. демократический мир отметил знаменательную дату – 70-летие со дня завершения Ялтинской конференции. В этот день лидеры стран антигитлеровской коалиции президент США Ф.-Д. Рузвельт, премьер-министр Великобритании У. Черчилль и генералиссимус СССР И. В. Сталин подписали итоговые документы, в частности, Декларацию об освобожденной Европе, где была поставлена цель возрождения и укрепления либеральной демократии путем совместной борьбы союзников вплоть до полного разгрома нацизма и создания демократических институтов [1]. Были заложены основы послевоенного мирового порядка, уточнены принципы безопасности, базовые положения современной демократии, согласовано решение об учреждении ООН – международной организации, целью которой стало сохранение мира и безопасности на планете посредством мирного урегулирования конфликтов [Там же].

В Атлантической хартии, принятой лидерами Великобритании и США 14 августа 1941 г., были заложены принципы борьбы за «окончательное уничтожение нацистской тирании» на основе безоговорочной капитуляции и установление такого мира, «который даст возможность всем странам жить в условиях мира и безопасности на своей территории», а также о свободе в её либеральном прочтении как о важнейшей составляющей современной демократии [1; 2,

с. 131; 3, с. 189]. 24 сентября 1941 г. к Атлантической хартии присоединился СССР, причем в Декларации правительства СССР о согласии с основными принципами хартии подчеркивалось: «Задача всех народов и всех государств, вынужденных вести войну против гитлеровской Германии... объединяет наши страны и правительства... в целях избавления наших народов и будущих поколений от... преступного нацизма... для разгрома гитлеровской агрессии...» [2, с. 129–130].

Требование безоговорочной капитуляции стран Оси было провозглашено Ф. Рузвельтом в Касабланке в январе 1943 г. [4, с. 727; 5, с. 73], а также – наряду с выраженным стремлением сохранить единство антигитлеровской коалиции – и приказе И. В. Сталина от 1 мая 1943 г. [6, с. 99–100]. А в «Декларации четырех государств по вопросу о всеобщей безопасности», принятой на Московской конференции министров иностранных дел США, Великобритании, СССР и Китая в октябре 1943 г., правительства этих стран подтвердили решимость «в соответствии с Декларацией Объединенных Наций от 1 января 1942 года и последующими декларациями продолжать военные действия против тех держав оси... пока эти державы не сложат своего оружия на основе безоговорочной капитуляции» [7, с. 346–347]. В документах подчеркивалось, что в будущем свободном мире должны соблюдаться базовые права человека, прежде всего право на свободу от страха и нужды (принуждения), на свободу волеизъявления и выбора религии (веры).

Американский историк М. Метлофф отмечал, что «Великая коалиция была военным союзом, напоминавшим брак по расчету, ибо общая опасность объединила в 1941 году США, Англию и Советский Союз, но из-за различий в традициях, политике, интересах, географическом положении и ресурсах каждая страна-участница коалиции смотрела на войну по-своему» [8, с. 22]. А крупнейший американский политик Г. Киссинджер, анализируя ситуацию, сложившуюся в отношениях стран антигитлеровской коалиции, разъяснял, что, наряду с необходимостью разгромить нацизм, правительство каждой из стран-победительниц выступало с позиций своего национально-исторического опыта,

традиций и ставило во главу угла собственные геополитические интересы. Лидер Великобритании традиционно стремился восстановить баланс сил в Европе и, пусть совместно с другой англосаксонской державой, контролировать стратегически важные зоны своего влияния в Европе и мире, противодействуя расширению советской экспансии в европейском пространстве и ключевых точках планеты. Ф.-Д. Рузвельт стремился к созданию некоего всемирного «совета директоров» (три победителя плюс Китай), который обеспечивал бы мир, в том числе силовым путем (теория «четырех полицейских»). Вектором советской дипломатии стали экспансия коммунистической идеологии и одновременно осуществление традиционных геополитических интересов России, что проявилось в создании буферных зон в Восточной Европе, распространении зоны советского влияния на Центральную Европу, укреплении коммунистического пояса в Западной Европе, контроле стратегически важных точек по всему миру. [9, с. 354–356].

Несмотря на глубокие разногласия в сфере идеологии и на геополитические противоречия, до окончания Ялтинской встречи члены антигитлеровской коалиции имели *общего врага*, преследовали *общую цель* и сотрудничали лишь на основе *общего интереса*. Ведь несущими опорами в двусторонних или многосторонних отношениях являются общие ценности и/или общие интересы. После окончания Второй мировой войны ценностные барьеры не способствовали взаимопониманию бывших союзников, а жестко разделили их. И в условиях холодной войны англосаксонские страны (к которым тяготели и государства Западной Европы) и Советский Союз, особенно на отдельных этапах, осуществляли более или менее успешное сотрудничество, в том числе, в ООН, сменившей Лигу Наций [10, с. 122–134], но все так же лишь на основе взаимных интересов. Конечно, геополитические интересы Великобритании и США также неоднократно становились камнем преткновения в их отношениях, но евроатлантические страны ощущали общность, основанную на *общей* для них либеральной традиции, которая была чуждой как СССР, так и современной России [11, с. 182; 12, с. 144].

Концептуальное ядро либерализма образуют *изначально*, по праву рождения, присущая человеку свобода, стремление к счастью и ответственность за осуществление этого права, внутреннее личное пространство, возможность самореализации, обеспечиваемая собственностью и политико-правовыми институтами, приоритет частной пользы (человек лучше знает, что для него лучше). Далее, оптимальная модель социума основана на свободном обмене идей, интеллектуальных и иных ценностей, на свободной конкуренции [13, с. 100, 111]. Наконец, либеральная система обеспечивает раскрытие творческого потенциала человека и его благополучие, но одновременно способствует раскрытию потенциала общества и обеспечивает его (общества) благополучие [14; 15, с. 137–138; 16; 17]. Вокруг этого ядра сосредоточены другие элементы либерального кредо – рациональное устройство общества, частная и общая польза. Как тут не вспомнить изречение Фомы Аквинского: человек справедлив, если уважает права других людей [11, с. 181–184; 17, с. 28; 15, с. 10; 18, с. 21–23]. Теснейшим образом смыкается с европейской либеральной традицией, получившей развитие и после мировых войн, естественный американский либерализм как *единственный фактор* и как *склад ума* (по убеждению Л. Харца), базирующийся на тех же основаниях [19, с. 3, 13–14, 17], о чем свидетельствует и речь Черчилля в Фултоне. Внимание, которое традиционно уделяет европейская и американская политико-правовая традиция базовым и гуманитарным правам человека, объясняется глубоко укоренившейся либеральной традицией в евроатлантическом пространстве.

Либеральные интерпретации свободы переплетены с инструментом *золотой середины*, нацеленным на поддержание баланса политических сил и движений, получившим особое развитие в англоязычном, затем евроатлантическом пространстве [11, с. 181–184] и использовавшимся для установления компромисса между партиями, контроля вертикали власти, секуляризации с целью преодоления конфликта интересов на внутри- и внешнеполитическом уровне, компромисса и стабильности.

Общеевропейские ценности изложены в Копенгагенских критериях

(приняты в июне 1993 г.) и базируются непосредственно на статьях 6 и 49 Маастрихтского договора [20–22]. Но и в Маастрихтском (1993), и в Лиссабонском договоре (2007) как основополагающих документах Европейского союза, объединяющего ныне уже 28 государств, приводятся неоднократные ссылки на документы, принятые во время Ялтинской встречи (и отчасти на других конференциях) с целью сохранения мира, безопасности, демократии, основанной на соблюдении прав человека на достойную жизнь, свободу [21–22]. Это Устав ООН, Римская (Европейская) конвенция о защите прав человека и основных свобод (04.10.1950), два Международных пакта по правам человека (16.12.1966), Заключительный акт Хельсинки (и Хельсинкский декалог) (01.08.1975), Парижская хартия для Новой Европы (21.11.1990), Ниццкий договор 1991 г. В Копенгагенских критериях определены ценности, основанные на современной либеральной (и христианской) традиции, на социальном государстве – это уважение к жизни, свободе, достоинству человека, толерантность общества и власти [20]. Это возможно в условиях стабильности институтов, гарантирующих права человека, верховенства закона, легитимности власти, основанной на прозрачных выборах и эффективном маятнике власти, низких показателях коррупции, а также на возможностях ассистенциального государства (итальянская дефиниция *Welfare State*) и конкурентоспособной экономики [23, с. 179, 181–186]. Уровень демократии определяется стремлением личности поддержать власть, которая ставит под контроль бюрократию, не прибегает к массовому манипулированию, обеспечивает реальную правовую защиту граждан.

-
1. Декларация об освобожденной Европе. URL: http://www.hrono.ru/dokum/194_dok19450211komu.php (дата обращения: 28.11.2015).
 2. Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 : в 2 т. М., 1983. Т. 1. 1941–1943.
 3. Тегеран. Ялта. Потсдам : сб. документов / сост. Ш. Санакоев, Б. Цыбулевский. М., 1970.
 4. Foreign Relations of the United States : The Conferences at Washington, 1941–1942, and Casablanca, 1943. Washington, 1968.

5. *Лебедева Н. С.* Безоговорочная капитуляция агрессоров. М., 1989.
6. *Сталин И. В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1947.
7. Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19–30 окт. 1943 г.) : сб. документов. М., 1978.
8. *Мэтлофф М.* От Касабланки до «Оверлорда». М., 1964.
9. *Киссинджер Г.* Дипломатия. М., 1997.
10. *Усачев И. Г.* Роль Крымской конференции в создании ООН // Ялтинская конференция 1945 : Уроки истории. М., 1985.
11. *Князева С. Е.* Идея свободы и инструмент «золотой середины» в теории и практике европейских либералов XIX столетия. // Вестн. РГГУ. 2013. № 13. Ноябрь.
12. *Князева С. Е.* Истоки и корни тоталитарного сознания в России // Право на свободу : сборник. М., 2000.
13. *Бентам И.* Введение в основания нравственности и законодательства. М., 1998.
14. *Палмер Т.* Либерализм, глобализация и проблема национального суверенитета // Полит.ру. URL: <http://www.polit.ru/article/2005/12/09/palmer> (дата обращения 25.01.2015).
16. *Мизес Л.* Индивид, рынок и правовое государство. СПб., 2010.
17. Либерализм Запада XVII–XIX вв. М., 1995.
18. Очерки истории западноевропейского либерализма. (XVII–XIX вв). М., 2004.
19. *Харц Л.* Либеральная традиция в Америке. М., 1993.
20. Копенгагенские (Мадридские) критерии (июнь 1993 г.) [Accession criteria (Copenhagen criteria)]. URL: <http://n-europe.eu/glossary/term/> (дата обращения: 16.01.2015); URL: <http://www.linguee.ru/английский-русский/перевод/copenhagen+criteria.html> (дата обращения: 08.03.2015).
21. *Локк Дж.* Два трактата о правлении. М., 1988.
22. Лиссабонский договор. URL: <http://eulaw.ru/treaties/lisbon> (дата обращения: 19.04.2015);
Маастрихт, 7 февраля 1992 г. Разд. VI. Заключительные положения. URL: http://base.garant.ru/2566557/2/#block_6000 (дата обращения: 16.01.2015).
23. *Хайек Ф.* Дорога к рабству. М., 2010.

Американская историография нацизма в 1930–1960-х гг.**American historiography nazism in 1930s–1960s**

Статья посвящена американской историографии нацистской угрозы. Показано, что часть американских исследователей считала, что США могут остановить усиление Германии, перенимая ее методы и отказавшись от либерализации международной торговли. Другие исследователи указывали, что для эффективного противодействия нацизму США необходимо проводить курс либеральной политики. Общим являлся вывод о том, что США призваны играть роль гегемона в мире, определяя основные пути его развития.

Ключевые слова: нацизм, американская историография, либеральная политика, «американская исключительность».

Is devoted to the American historiography of the Nazi threat. It is shown that a part of the American researchers believe that the US can stop the strengthening of Germany, by adopting its methods and refusing to liberalize international trade. Another part pointed out that to effectively combat Nazism, the US needs to pursue a policy of liberal policies. The general conclusion is that the United States should play a hegemonic role in the world, the basic ways of its development.

Keywords: nazism, American historiography, liberal politics, “American exceptionalism”.

Для американской историографии межвоенного периода характерен повышенный интерес к ситуации в Германии. В это время появляется целый ряд работ, призванных привлечь внимание общественности к нацистской угрозе. Наиболее значимыми работами этого периода являются труды К. Билза, который поставил проблему нацистской угрозы [1; 2]. По мнению автора, у США был единственный способ остановить дальнейшее усиление Германии в мире – перенять ее методы, отказавшись от программы госдепартамента по либерализации международной торговли. Позиция К. Билза не была доминирующей в американской историографии. Так, Перси Бидвелл доказывал, что нацистская

угроза была во многом преувеличена администрацией Рузвельта по внутри- и внешнеполитическим причинам [3]. Для Бидвелла было очевидно, что реальной военной угрозы со стороны Берлина безопасности США в 1930-е гг. не существовало и американское правительство намеренно преувеличивало данную опасность, и что для эффективного противодействия нацистам США будет достаточно продолжать традиционный курс либеральной политики равных возможностей.

По окончании Второй мировой войны США упрочили свое положение в мире, они вышли из войны окрепшими в промышленном и финансовом отношении. На этой почве выросла глобальная политика и идеи «мировой ответственности» за судьбы «свободного мира». Важной чертой внутреннего развития было укрепление позиций бизнеса, рост консервативных настроений в стране в конце 40-х – 50-е гг. XX в. В обращении президента Г. Трумена к Американской исторической ассоциации в декабре 1950 г. главной задачей политики США провозглашалась борьба с коммунизмом [4, с. 711–712].

Рост консервативных тенденций сказался на исторической науке США. Доминирующим в историографии стало направление, основанное на теории консенсуса. Ее приверженцы опирались на положение об «американской исключительности». В 1949 г. президент АИА известный медиевист К. Рид в обращении «Социальная ответственность историка» писал: «Тотальная война, горячая или холодная, мобилизует всех и требует, чтобы каждый занял свой пост. Историк так же не свободен от этой обязанности, как и физик» [5, с. 284]. На следующий год аналогичные идеи прозвучали в послании нового президента АИА С. Морисона «Вера историка». «Мы нуждаемся в истории США, написанной со здравых консервативных позиций», – писал он [6, с. 273]. В 1951 г. в Нью-Йорке вышло блестящее произведение Ф. Санборна на эту тему, в котором он подробно описывает, как американский президент Рузвельт прилагал тщетные усилия, чтобы различными враждебными актами вынудить Германию произвести первый выстрел в США, и как потом он перекинулся на Японию,

угрожал ей и провоцировал до тех пор, пока Токио не напал на Пирл Харбор, предоставив тем самым Белому дому долгожданный повод для войны [7].

А. Вэгтс рассматривает курс на проведение международного процесса как трансформацию политики «нового курса» Ф. Рузвельта, боровшегося с консерватизмом членов Верховного суда США. Он полагает, что в сфере международных отношений было проявлено такое же пренебрежение к общепринятым нормам права, как и во внутренней политике [8].

Одним из примеров работ, в которых производится пересмотр политики сотрудничества стран ООН в борьбе с фашизмом, может служить книга американского публициста Л. Брауна [9]. Нападая на решения Ялтинской и Потсдамской конференций, которые якобы привели к политической нестабильности и экономическим трудностям в Германии, американский публицист резко критикует также решения союзников по вопросу наказания главных военных преступников.

Тем не менее, в научной литературе США с позиции одобрения и защиты принципов Нюрнберга выступают многие историки, принадлежащие к так называемой школе «политического идеализма». Они придерживаются мнения, что определяющим фактором в межгосударственных отношениях должны быть не сила, а совесть, мораль и разум. Эти историки полагают, что военные конфликты могут быть предотвращены при помощи международных организаций и договоров. «Политические идеалисты» рассматривают Нюрнбергский процесс как символ конструктивных усилий для достижения законности, правопорядка и стабильного мира [9–12]. Они убеждены, что основой международной юстиции служат естественное право и всеобщая мораль, и заявляют, что к моменту начала Второй мировой войны уже существовали нормы, которые впоследствии были лишь оформлены в уставе Международного военного трибунала.

Сторонники «политического идеализма» утверждали, что трибунал был не только юридическим, но и моральным ответом человечества на чудовищные преступления, совершенные нацистами. Для них нюрнбергский приговор – это приговор человеческой совести. Однако в работах историков этого направле-

ния, как и в работах юристов – сторонников нюрнбергских принципов, все заслуги по созданию трибунала приписываются американской дипломатии, позиции же советских представителей на процессе в Нюрнберге зачастую искажаются. Э. Хаузэр, в частности, писал: «С самого начала этих совместных усилий США вели мяч. Хотя сотрудничество других наций было полным и искренним, можно привести доказательства, что Нюрнберг был на 100 процентов американским. Именно американская инициатива, американская настойчивость, американский идеализм обеспечили окончательный позитивный результат, несмотря на значительные трудности» [13]. Преувеличение роли США в подготовке и проведении международного процесса над главными военными преступниками характерно и для интересной в целом работы У. Босха «Оценка Нюрнберга. Отношение американского общества к процессу главных военных преступников». Обосновывая выбор темы для книги, У. Босх писал, что реакция на Нюрнберг «отражает некоторым образом сердце и ум Америки, впервые призванной активно руководить миром и принимать критические решения, оказывающие влияние на войну и мир» [14, с. 1].

Таким образом, историк, близкий по взглядам к школе политического идеализма, также исходит из основного постулата всей американской историографии: США призваны играть роль гегемона в мире, определять основные пути развития современности. Выдающийся американский историк Т. фон Лауэ в своем знаменитом исследовании рассматривает нацизм как протест против вестернизации – «ненасильственного и надгосударственного проникновения западной культуры», то есть глобализации [15].

Экономический кризис 1929–1933 гг. обострил полемику и заметно повысил роль идеологического фактора в процессе формирования политического курса ведущих держав, в определении иерархии их интересов на международной арене, что увеличивало степень конфликтности международных отношений и деструктивные тенденции в их развитии.

1. *Beals C.* Totalitarian Inroads in Latin America // *Foreign Affairs*. Oct. 1938. V. 17. № 1. P. 78–89.
2. *Beals C.* The Coming Struggle for Latin America. N. Y., 1938.
3. *Bidwell P.* Latin America, Germany and The Hull Program // *Foreign Affairs*. Jan. 1939. Vol. 14. № 2. P. 374–390.
4. *Truman H. S.* Allocution // *Am. Historical Rev.* Apr. 1951. P. 711–712.
5. *Reed K.* Allocution // *Am. Historical Rev.* Jan. 1950. P. 284.
6. *Morison S. E.* Faith historian // *Am. Historical Rev.* Jan. 1951. P. 273.
7. *Sanborn F. R.* Design for War : A Study of Secret Power Politics 1937–1941. N. Y., 1951.
8. *Vagts A.* Defense and Diplomacy : The Soldier and the Conduct of Foreign Relations. N. Y., 1956.
9. *Brown L.* A Report on Germany. N. Y., 1947.
10. *Barber H. W.* Foreign Policies of the United States. N. Y., 1953.
11. *Handsel E. N.* Allied Military Rule in Germany // *Foreign Policy Report*. 1945. Nov. Vol. 21. P. 550–565.
14. *Bosch W. J.* Judgment on Nuremberg: American Attitudes Toward the Major German War-Crime Trials. Chapel Hill, 1970.
13. *Hauser E. O.* The Backstage Battle at Nuremberg // *Saturday Evening Post*. 1946. Jan.
14. *Jackson W. E.* Putting the Nuremberg Law to Work // *Foreign Affairs*. 1947. July. Vol. 21. № 4.
15. *Laue Von T. H.* The World Revolution of Westernization : The Twentieth Century in Global Perspective. N. Y., 1987.

УДК 327.5Ялтинскаяконференция+94(436.6)+323.17

М. Ю. Сорвина

*Российский государственный
гуманитарный университет,
Москва*

Судьба Южного Тироля в контексте решений Ялтинской конференции

The fate of South Tyrol, in the context of the decisions of the Yalta Conference

Статья посвящена событиям Ялтинской конференции 1945 г., на которой решалась судьба народов Европы. В частности, рассматривается вопрос о выборах в Италии, на территории проблемного региона Южный Тироль – исторической австрийской провинции. В условиях диктатуры Бенито Муссолини немецкое население подвергали принудительному

увеличению программы итальянизации. Немецкий и итальянский языки оба были официальными. В результате решений Ялтинской конференции Южному Тиролю был открыт путь к свободе и национальной идентичности на базе демократических принципов декларации, подписанной 70 лет назад в Ялте.

Ключевые слова: Ялтинская конференция; Южный Тироль; союзники; социально-политическая история; региональная история; автономия.

The article is devoted to Yalta Conference 1945, that took place to decide the future of the peoples of Europe. At this conference was addressed and the issue of elections in Italy, in whose territory the troubled region South Tyrol — the historic Austrian province. The collapse of the Austria war effort enabled Italian troops to occupy the region in 1918 and its annexation was confirmed in the post-war treaties, which awarded the region to Italy under the terms of the Treaty of Saint-Germain. Under the dictatorship of Benito Mussolini the German population was subjected to an increased forced programme of Italianization. German and Italian were both made official languages, and German-language education was permitted once more. The implementation of the agreement was seen as satisfactory by neither the German-speaking population nor the Austrian government. Residents of South Tyrol hoping for compassion Allies and variable boundaries. But in the distribution of spheres of influence were forgotten.

Keywords: Yalta Conference; South Tyrol; allies; social-policy history; regional history; autonomy.

В тот момент, когда в Ялте проходила Крымская конференция руководителей трех держав-союзниц, положение Австрии и Италии, государств-соседей с непростой исторической судьбой, оставалось неопределенным. Австрия еще не была взята союзниками, а Италия оказалась разделена между американскими и немецкими войсками временными военными границами, через которые, рискуя жизнью, пробирались партизаны и работники Красного Креста.

Австрия в конце войны

В соответствии с Московской декларацией, принятой 1 ноября 1943 г. державами антигитлеровской коалиции, Австрия считалась «первой жертвой нацистской агрессии», однако в декларацию по предложению Вышинского была внесена поправка о мере ответственности Австрии за участие в войне. Еще

не освобожденную страну с помощью листовок провоцировали на внутреннее восстание, к которому не было и не могло быть предпосылок. Весной 1938 г. многие австрийцы искренне считали, что аншлюс – это присоединение к исторической родине. В то же время улучшение качества жизни австрийцев в результате экономического подъема 1938–1939 гг., социальная жилищная программа, повышение уровня жизни австрийского крестьянства привели к политической пассивности большей части общества и конформистским настроениям в среде австрийских обывателей. Едва ли эта земля могла в короткие сроки создать организованные группы сопротивления.

Лишь отдельные отряды коммунистов налаживали контакты с военнопленными, устраивали взрывы и провоцировали саботаж на заводах, за что сурово карались гитлеровской полицией. 12 декабря 1944 г. был создан Временный национальный комитет, состоявший из антифашистов. Они смогли связаться с частями Красной армии и поставляли им сведения о военном положении. Но освобождение Вены советскими войсками было воспринято ими с тревогой.

Историк А. Ю. Ватлин употребил парадоксальное выражение: «Союзники по антигитлеровской коалиции освободили Австрию, победив австрийцев» [1, с. 120]. Мнения относительно будущего этой страны высказывались разные. Так, Черчилль ратовал за Дунайскую конфедерацию, а Сталин хотел видеть Австрию отдельным небольшим государством. Позднее канцлер Австрии Карл Реннер, заступивший на пост 27 апреля 1945 г., в письмах к Сталину подобострастно называл его «товарищем» и «величайшим государственным деятелем нашего времени» [2, с. 37], хотя еще в 1930-е гг. высказывался за аншлюс Австрии Третьим рейхом, изменив в тот момент своим социалистическим антинацистским взглядам. Стоит ли удивляться, что в такой ситуации судьба пережившей аншлюс Австрии выглядела неясно, а ее правителям приходилось думать о собственной территории, а не о тех сопредельных землях, которые сотни лет входили в Австрийскую империю и уже более четверти века оставались в составе Италии.

Италия в конце войны

После заключения перемирия и подписания *Die Option* (Пакта Гитлера и Муссолини 1938–1939 гг.) Гитлер не стал заявлять претензий на бывшие австрийские территории, населенные немцами, предложив немецкоязычным гражданам Южного Тироля переселиться в Третий рейх. После этого 80 % его жителей уехали в Германию, чтобы избежать италиянизации (60 % уехавших после войны вернулись на родину). Гитлера интересовала сама Австрия, и, отступившись от Южного Тироля, он беспрепятственно осуществил аншлюс. В то же время притязания Муссолини распространились на «английские и французские владения, простирающиеся от восточного побережья Средиземного моря до Испанского Марокко и Танжера» [3, с. 108]. Но неблагоприятный для Италии характер военных действий и другие факторы привели к банкротству фашистской империи, развалу экономики и унижительной карточной системе для итальянцев, которые давно снабжали продуктами Германию и оказались в вассальной зависимости от нее. В тот момент Италию разрывали конфликты. После высадки союзников в июле 1943 г. режим Муссолини был низвергнут, а власть оказалась в руках премьера Бадольо, который вел с союзниками переговоры о капитуляции. Об этом упоминалось и на Ялтинской конференции в контексте меры ответственности стран оси и их права на самостоятельное формирование новых правительств: Сталин опасался, что «какая-нибудь группа в Германии может сказать, что она низложила правительство, как Бадольо в Италии» [4, с. 118].

На шестом заседании конференции в Ливадийском дворце 9 февраля 1945 г. говорилось и о том, что после освобождения северной Италии должны состояться выборы в учредительное собрание или парламент, на которых «советский, американский и британский наблюдатели должны иметь возможность присутствовать» [Там же, с. 173].

В то же время Сталина больше интересовала судьба соседней Польши (6-е заседание, 9 февраля) и ее границ (7-е заседание, 10 февраля), и в гораздо меньшей степени – судьба Италии и ее северных территорий, населенных австрийскими немцами, которые все еще надеялись получить право на самоопределение.

Южный Тироль: между Австрией и Италией

В «Декларации об освобожденной Европе», принятой на Ялтинской конференции, говорилось, в частности, что следует дать возможность «освобожденным народам уничтожить последние следы нацизма и фашизма и создать демократические учреждения по их собственному выбору» [Там же, с. 189]. Подчеркивалось, что необходимо «помогать народам в любом освобожденном европейском государстве или в бывшем государстве – сателлите оси в Европе... создавать условия внутреннего мира... проводить неотложные мероприятия по оказанию помощи нуждающимся народам...» [Там же]. Такой «нуждающийся народ» в Европе был, однако ни одного из заявленных в декларации прав он так и не увидел.

В конце войны южные тирольцы добросовестно разгребали завалы после британских бомбардировок, а по ночам тайком слушали «вражеское» радио. Прослушивание зарубежных радиостанций и чтение листовок, сброшенных с самолетов, пресекали гитлеровская полиция и нацистский префект Петер Хоффер, но губернатор края Карл Тинцль старался закрывать глаза на эту вольность своих соотечественников [5, с. 111–113]. Всем было ясно, что гитлеровский режим доживает последние дни. «Катакомбный пастор», каноник-антифашист Михаэль Гампер, вынужденный с 1943 г. скрываться в тосканском монастыре, писал для наступавших союзников историю своей Родины, надеясь вызвать у них понимание и сострадание [6, с. 135]. Тирольцы, пострадавшие за двадцать с лишним лет от обоих тоталитарных режимов, ждали перемен. Но, когда Южный Тироль был освобожден, надежды скоро сменились отчаяньем. Журналист, бывший узник Дахау Фридл Фолгер писал: «Любая другая область в Европе была бы рада избавиться от оккупации. И только мы, южные тирольцы, были рады их присутствию. Как счастливы мы были бы стать британской колонией! Но они так быстро ушли...» [7, с. 145].

Судьба региона была окончательно решена на конференции министров иностранных дел, проходившей в Лондоне с 11 по 14 сентября 1945 г. Границы, установленные в 1919 г., смене не подлежали. Для тирольцев, подвергавшихся

гонениям и при Муссолини (1921–1943), и при нацистах (1943–1945), страдания не кончились. Они продолжали оставаться людьми «второго сорта» на территории чуждого им государства. Несмотря на закрепленные в Ялтинском коммюнике слова об уничтожении «последних следов нацизма и фашизма», на севере Италии оставались и приравнивались к символам конституции и государства признаки прежней власти – «оссуарии» (массовые захоронения итальянских военных), топонимы с именами итальянских генералов, памятники фашистскому вождю. Продолжалась и дискриминация по национальному признаку в госструктурах и на рынке труда; искоренялась даже традиционная символика австрийских немцев. Демагогичности заявлений итальянского правительства по отношению к региону бывшей Австрии никто в мире не замечал, и к тому имелись особые причины. Наступление эпохи холодной войны и распределение геополитических интересов между двумя идеологическими лагерями диктовали иные реалии. Итальянское правительство христианского премьера Альчиде Де Гаспери получило от США финансовую помощь, цель которой была вполне ясна: в Италии не должно было взять верх усилившееся в последние годы войны коммунистическое движение. Борьба с коммунизмом оказалась важнее демократии и локальных интересов небольшого разделенного надвое народа, одна часть которого после 1919 г. осталась в Австрии, а вторая – в Италии.

Ялтинская конференция заложила основы для создания международной организации по безопасности и урегулированию. Поскольку Лига Наций оказалась в этом отношении неэффективной и скомпрометировала себя, в частности, «поощрением итальянских фашистов» [8, с. 123], новая международная организация ООН должна была взять на себя обязанности по урегулированию международных конфликтов. Однако будущее показало, что и ООН не избежала чисто формальных решений в конфликтных вопросах. Ее заслугой было освобождение африканских колоний, но проблема северной территории Италии оказалась в 1950–1960-е гг. фактически проигнорирована [9, с. 516–517], что привело к росту антифашистских настроений, обострению освободительной борьбы и многочисленным жертвам. Южному Тиролю предстоял долгий путь борьбы за

свободу и национальную идентичность. И до тех пор, пока не будут соблюдены все демократические требования декларации, подписанной 70 лет назад в Ялте, последствия Первой и Второй мировых войн будут сказываться на отношениях между народами.

-
1. *Batlin A. Ю.* Австрия в XX веке. М., 2006.
 2. *Steininger R.* Die Südtirolfrage 1945/46 // Südtirol und der Pariser Vertrag Innsbruck, 1988.
 3. *Авербух Р. А.* Италия в Первой и Второй мировых войнах. Л., 1946.
 4. Тегеран. Ялта. Потсдам : сб. документов / сост. Ш. Санакоев, Б. Цыбулевский. М., 1970.
 5. *Trompedeller A.* Karl Tinzl (1888–1964). Wien ; Bozen ; Innsbruck, 2007.
 6. *Marzari W.* Kanonikus Michael Gamper : Ein Kämpfer für Glauben und Heimat gegen Faschistenbeil und Hakenkreuz in Südtirol. Wien, 2006.
 7. *Vollger F.* Mit Südtirol am Scheideweg: Erlebte Geschichte. Innsbruck, 1997.
 8. *Усачев И. Г.* Роль Крымской конференции в создании ООН // Ялтинская конференция 1945 : Уроки истории. М., 2002. С. 122–134.
 9. *Widmann F.* Es stand nicht gut um Südtirol: 1945–1972. 2. Auflage. Bozen, 2012.

УДК 327(470:520)+341.218(571.645)+327.5Ялтинскаяконференция

Л. Тави

Университет Рима

Рим, Италия

The Southern Kurile Islands Dispute

(A historical analysis for a better understanding of the Yalta secret protocol)

Конфликт вокруг Южных Курил

(историческое значение секретного протокола Ялтинской конференции)

Статья посвящена рассмотрению вопроса о конфликте вокруг Южных Курил, который на протяжении уже более чем полувека продолжает вызывать напряженность в российско-японских отношениях. Автор с помощью исторического анализа доказывает, что проблема так называемых «северных территорий» изначально носила двусторонний характер, что было использовано Великобританией и США для вовлечения СССР в военные действия союзников против Японии. Особый акцент сделан на дипломатических аспектах вопроса «за ку-

лисами» Ялтинской конференции 1945 г., когда секретный протокол союзников закрепил принадлежность Курил и Южного Сахалина Советскому Союзу.

Ключевые слова: Япония; Россия; Ялтинская конференция; северные территории; Южные Курилы; территориальный конфликт.

The article is devoted to the long-standing Southern Kuril Islands dispute that still causes diplomatic tensions between Japan and Russia. This paper aims to prove; throughout a short historical overview, that the “Northern Territories” problem was in origin a bilateral dispute, which has been turned into a commodity by U. K. and U. S., in order to secure the Soviet participation in the war against Japan. The paper will focus on the diplomatic maneuvering behind the Yalta Conference in 1945, when the leaders of the Allied Powers decided with a secret protocol to transfer the sovereignty of the Kuril Islands to URSS and to return to Soviets the southern part of Sakhalin.

Keywords: Japan; Russia; Yalta Conference; Northern Territories; Southern Kuril Islands; Russo-Japanese Territorial Dispute.

Since the seventeenth century, both Japan and Russia have laid claim to the Kurile Islands, which extend outwards from the Cape Nosappu to the southern tip of Kamchatka and the north-eastern tip of Hokkaido [1, p. 110].

These four small islands are called: Etorofu (in Russian Iturup), Kunashiri (in Russian Kunashir), Shikotan and the Habomai Islets. In the Seventeenth Century they became object of conquest for Russia, expanding eastwards, and Japan expanding northwards. Apparently, the first Japanese geographical map, which shows all four islands, was drawn in 1644, during the Edo period [2].

On the other hand, the first Russian exploration of the Kuril Islands occurred in 1656, when the Cosack Mikahil Stadukhin, sailed along the islands [1, p. 39]. Russia searched for Japan via Kamchatka, as documented by an ukase, which commanded the conquest of Kamtchatka and the search for information about Japan. Although the first exploration was not successful, in the following years other attempts were made [3, p. 31]. The first Russian to explore the islands was the Siberian Commander Vladimir Atlasov on 10 February 1701. One year earlier, the famous cartographer Semyon. Ulyanovich. Remezov drew the first Russian map with reference to the Kurile Islands. In 1706 Mikhail Nasedkin, a subordinate of a Kamchatkan trademan named

Vasilii Kolesov, succeeded in determining the peninsular character of Kamchatka and sighted the first Kuril Islands.

At the beginning of the Eighteenth Century the Cossacks, loyal to Peter the Great, collected precious sea otter furs from the local indigenous people as a form of taxation [Ibid]. Cossacks ruled in a violent way and banned local people; several internal strives followed one another; in August 1711 Ataman Danila Antisiferov [4, p. 189] together with Yesual Ivan Kozyrevskii [5] crossed the first Kurile Strait. One year after the Kazakh hetman of Kamchatka Danila Antisiferov was killed in combat with the natives.

During the reign of Catherine II Russia was competing with the other leading European powers in undertaking geographical discoveries. A. P. Vorontsov and count A. A. Bezborodko wrote a memorandum for Catherine the Great on 22 December 1786 to demonstrate to the other European powers, that the Kuriles belonged to Russia by right of discovery [Ibid].

A decree by Tsar Pavel I established in 1799 the Russian-American Company. The Company helped to organize the first Russian circumnavigations under the command of captains such as Ivan F. Kruzenshtern and Yuri F. Lisyansky on “Nadezhda” and “Neva” sailing ships in 1803–1806. In 1805 Nadezhda’s crew explored Aniva Bay and the north-eastern shores of Sakhalin and the Kurile islands.

In the early Eighteen Century, Japanese had no knowledge of the Kurile Islands, which were simply grouped in the so called Ezo (Northern Lands) and there is no evidence of the islands in a Japanese map of 1730. The existence of Kunashir and Iturup became known in Japan only in 1750–1760 and the first visit to Urup by a Japanese official, Mogami Tokunai, was only in 1786. At the end of Eighteenth Century the Japanese began to colonize Iturup, setting a de facto boundary with the Russian Empire at the strait which separates Urup and Iturup.

Strong commercial ties had been created during the Nineteenth Century between the two countries, as proven by Count Nikolai Petrovich Rumyantsev, who wrote in 1803 a report for Alexander I: “Since Russia and Japan are neighbouring states, and

since the two Empires have a sea between them, nature itself offers as advantages over all trading powers and better trading opportunities” [6, p. 110].

A decree issued by Alexander I in September 1821 defined Russian territorial waters as north of the southernmost tip of Urup: The commerce, whaling, fishing and different kinds of industries along the coast of America, extending from the Bering Strait to 51° North, as well as along the Aleutian islands, the east coast of Siberia and the Kurile Islands, extending from the Bering Straits down to the southern cape of the island of Uruppu, that is as far as 45° 50' North, is the exclusive province of Russian subjects [7, p. 10].

Tsar Nicholas I approved in 1843 Yevfimy Vasilyevich Putyatin’s plan for an expedition to survey Russia’s eastern maritime frontiers with China and Japan for commercial purposes. Putyatin’s mission was postponed, due to concerns that it would disrupt the Kyakhta Trade of 1727 with China [8]. Emulating U. S. attempt to improve commercial relations with Japan, Russia financed Putyatin’s mission in 1852.

Thanks to Putyatin’s negotiations on 7 February 1855, Togukawa Japan and Tsarist Russia signed the Treaty of Commerce, Navigation and Delimitation (Treaty of Shimoda), also known as the Russo-Japanese Treaty of Commerce and Amity. The treaty stipulated that the boundary line between Japan and Russia should be a line drawn between “Etorofu” (Iturup) and “Uruppu” (Urup) islands and that Sakhalin, the large island north of Hokkaido, would have no national boundary, but would remain open to settlement by both empires.

Only twenty years later, in 1875, another pact was signed between the Meiji government and Alexander II, the Petersburg Treaty, in which Russia ceded the Kurile Islands north of Urup to Japan in exchange of Sakhalin. The treaty did not specifically listed the four Southern Kurile Islands, later in dispute [9; 10]. Especially the group of Habomais and Shikotan are from a geotectonical point of view clearly distinguished from the other Kurile Islands [11, p. 8].

At the end of Nineteenth Century Russia established a trust relationship with China: in 1896, China granted Russia a construction concession for the Chinese Eastern railroad in Manchuria, which was since then used as a line of communication be-

tween eastern provinces of Russian Empire and Middle Asia. Work on the railroad accelerated considerably in 1898, after the conclusion of a twenty-five year lease of Liaodong; the lease stipulated a rent for the Russians of the Liaotung Peninsula with the Naval Port Arthur. The growing influence of the Russian Empire in the region deteriorated very quickly the commercial and diplomatic relations with Japan, which entered into the war with Russia in 1904 [12, p. 11].

Domestic factors in both countries are on the basis of the dispute on the Kurile Islands and the territory of Sakhalin. The Russo-Japanese War of 1904–1905 can be considered, along with World War II, as one of the major defining moments for the dispute; the Treaty of Portsmouth of 5 September 1905, was disadvantageous for the Russian Empire, which suffered a humiliating defeat: “Japan not only retained the Kuriles, but also regained sovereignty over the southern half of Sakhalin. This established a new balance of power in northeast Asia, which remained in Japan’s favor until World War II” [13, p. 490].

After the defeat of the 1904–1905 War, the South Kurile Islands acquired a symbolic and historic meaning for Russians and an occasion of revenge came during the WWII, when Soviet forces sized the islands in the last days of the war. In the USSR, that conquest was perceived as an overcome of the humiliation after the defeat during the Russo-Japanese War.

Stalin was determined to gain back the southern part of Sakhalin and the Kurile Islands and he could count on Roosevelt’s support, as proved by the documents related to the Pacific War Council of 12 January 1944 [14]. Furthermore, in October 1944 Stalin was very insistent about his position with the U. S. Ambassador in Moscow, W. Averell Harriman, so that the U. S. Ambassador informed President Roosevelt on 15 December 15 1944 with a telegram. Five months earlier, the Far Eastern Department of the British Foreign Office had already discussed the Soviet request for the Kurile Islands and on October 14–15, 1944, British Prime Minister Winston Churchill was on an official visit to Moscow [15, p. 6–7].

Stalin’s intense diplomatic activity between the end of 1944 and the beginning of 1945 led to the “Yalta Far Eastern Agreement” in February 1945. It was an important

step for the resolution of the Southern Kuriles dispute, although the agreement had no legal binding on Japan. According to the Harriman Memorandum of Conversations, written in occasion of one of the meetings between Roosevelt and Stalin in Yalta, U. S. had to accept Stalin's request on the Kuriles as one of the inalienable requirements, in order to have USSR's support in the war against Japan [16, p. 447].

Prior to the Yalta Conference, Professor George H. Blakeslee of Clark University had been asked by the U. S. State Department to prepare a detailed memorandum about the Kuriles and Sakhalin. In his memorandum, Blakeslee suggested to the U. S. government the following: "the southern Kuriles should be retained by Japan subject to the principles of disarmament to be applied to the entire Japanese Empire" [13, p. 491]. The "Blakeslee Memorandum", however, was not included in the Yalta Briefing Book prepared by the U. S. Department for Roosevelt and after only two days of discussion in Yalta, U. K., U. S. and USSR signed a secret protocol, with the acknowledgement of the Soviet request for the Kurile Islands by the other Allies.

U. K. and U. S. considered a priority to secure the Soviet participation in the war against Japan, so decided to be compliant with the Soviet claim on the Kuriles. The Yalta Agreement was signed by President Roosevelt shortly before his death and not subsequently ratified by the U. S. Congress [17].

The Potsdam Proclamation did not mention the Yalta Agreement, so Stalin declared in a broadcast speech of 2 September 1945, that the Kurile Islands and Southern Sakhalin would pass to the Soviet Union. This was the first announcement of the terms of the secret agreement reached at the Yalta Conference, published as a "White Paper" on February 11, 1946 [18, p. 332].

The Soviet Union declared war on Japan on 9 August 9 1945, invading north-eastern China and the Korean Peninsula; nine days later, the Russian invasion of the Kuriles began. Japan had already surrendered on 15 August and at the beginning of September, the Russian army had taken possession of the entire Kurile Island chain. At the end of September 1945, all property on the islands was nationalized and all of the islands were declared Soviet territory. From its side, Japan showed resentment for

Russia's last-minute entrance into the Second World War, in violation of the April 1941 Neutrality Treaty [19, p. 731].

At the end of World War II, the islands were inhabited by 16,505 Japanese (Kunashiri, 7,370; Etorofu, 3,760; Shikotan, 920; and the Habomais, 4,455). The Japanese government asserted that all these citizens were unceremoniously expelled by the Soviet Union [15, p. 6–7; 20, p. 364]. Around 20,000 Japanese officers and men on the Southern Kuriles became prisoners, and most were detained in Siberia [4, p. 191].

The U. S. Under-Secretary of State, Dean Acheson, underlined in a press conference on 22 January 1946, that it would be granted the right to occupy the islands, but not a definitive transfer to the USSR. Five days later, the Soviet news agency TASS replied to Acheson in an official communiqué, that the Kuriles were officially part of the Soviet territory, as stipulated in Yalta. James Byrnes revealed to the U. S. citizens the secret agreement at a press conference on 29 January 1946 [15, p. 14].

On 2 February 1946 the USSR unilaterally declared the annexation of South Sakhalin/Karafuto, all the islands of the Kuril archipelago (including Kunashiri and Etorofu) and Shikotan-Habomai group. The United States never admitted clearly the permanent cession of all of the Kurile Islands to the Soviet Union, instead Washington's policy from the Yalta Conference onward was to encourage a bilateral diplomatic solution between the two parties directly involved.

During the first phase of the Cold War, the American-British attitude towards USSR changed radically; the Soviet Union became the main “enemy” and the U. S. government changed attitude also towards the Southern Kuriles, willing to reinterpret the Yalta secret protocol. The occasion came during the San Francisco Peace Conference of 1951, where Washington partially supported for the first time the Japanese position [20, p. 383], although in that occasion Japan had to renounce all claims to the south Sakhalin and the Kurile Islands.

Talks on the normalization of relations between the Soviet Union and Japan occurred between 1955 and 1956, but the interference of the United States hindered again a definitive resolution. The Joint Declaration of 19 October 1956, allowed re-

newed diplomatic relations between Japan and USSR and the Soviet Union promised the return of Shikotan and the Habomais, but a peace treaty was out of the question.

Japanese authorities repeatedly raised the matter at various meetings with the Soviet Union, but Soviet representatives invariably denied the Japanese request.

During the Cold War, little progresses occurred, despite various meetings between the two countries; because Japan and the Soviet Union were on opposite sides of the global divide.

With Boris Yeltsin, few progresses were made during the 1990s, but in the new millennium Putin and Medvedev has been dealing with a long succession of Japanese governments. Both sides use rhetorical strategies and populism in regarding to the question. Japan still insists on its claim for the return of all four islands. For a long time Soviet Union had been entrapped in the so called “Sakhalin syndrome”, a term coined by Yakov Zinberg, indicating that it was not possible to solve the Kuriles dispute while ignoring the public and politic opinion in the Sakhalin district [21, p. 88].

In recent diplomatic relations, “a rather new-looking approach, which is being called ‘internationalisation’ of the ‘Northern Territories Problem’ has become evident. Despite commercial and economic efforts at a regional level, after Russia’s annexation of Crimea in March 2014, the rapprochement stalled, because Japan is a country well integrated in the Western alliance system, with European Union and the United States introducing sanctions against Russia. That brought the hardening of Russia’s position on the matter: in 2015 Russia’s Minister for Far Eastern Development announced plans to increase the number of people living on all of the inhabited Kurile Islands and the Russian Defence Ministry began to erect new military facilities on Etorofu and Kunashiri.

1. *John J. S.* The Kuril Islands : Russo-Japanese Frontier in the Pacific. Oxford University Press, 1974. P. 110.

2. During the Edo period, Japan saw international seclusion and isolation, so it is very doubtful that Japanese established the first contacts with local indigenous people before the Russians. An

official publication of the Tokugawa Shogunate (ruler of Japan), is based on the map from which the principality of Matsumae defines its territory. On the basis of this document, Japan claimed to the Kuril Islands after the World War II.

3. *Lensen G. A.* The Russian Push Toward Japan: Russo-Japanese Relations, 1697–1875. Octagon Press Lmd., 1971.
4. He was the first with Ivan Kozyrevskii to visit the islands of Shumshu and Paramushir, in the Kurile archipelago. He signed the petitions, which are considered by many historians as the first description of the Kurile Islands. Cf. : *Kuroiwa Y.* Russo-Japanese Territorial Dispute from the Border Region Perspective // UNISCI Discussion Papers. № 32. 2013.
5. Based on the XVIII century's Russian expeditions to the Kurile islands by Y. I. Kozyrevsky (1713), Ivan Evreinov and Fyodor Luzhin (1720–1721), and Martin Shpanberg (1738–1739) drew detailed maps of the islands.
6. *King R. J.* The Mulovsky expedition and Catherine II's north Pacific empire. // Australian Slavonic and East European St. 2007. № 1/2 (21).
7. Cf. : *Graf V. B.* The Russians debate the Kuril Islands territorial dispute: an aspect of Russo-Japanese relations in the post-cold war world // Naval Postgraduate School Monterey CA. 1993.
8. Joint Compendium of Documents on the History of Territorial Issue between Japan and Russia. Northern Territories URL: <http://www.mofa.go.jp/region/europe/russia> (mode of access: 20.12.2015).
9. *Kimura H.* The Kurillian knot: a history of Japanese-Russian border negotiations. Stanford, 2008.
10. *Kimura H.* The Kurillian knot: a history of Japanese-Russian border negotiations. Stanford, 2008.
11. Japanese claimed the 'four islands return' (yonto henkan) in a pamphlet of 1946, the Gai-musho, written to prove that the islands were Japanese territory. In the booklet The Yalta Agreement was not mentioned; cf. : Foreign Office Japanese Government, Minor Islands Adjacent to Japan Proper: Part 1. The Kurile Islands, the Habomais and Shikotan. Nov. 1946.
12. *Kravchenko VI* Russo-Japanese Territorial Dispute : Marine Corps Command and Staff Coll // Quantico VA. 2010.
13. *Elleman Br. A., Nichols M. R., Ouimet M. J.* A Historical Reevaluation of America's Role in the Kuril Islands Dispute // Pacific Affairs. 1998. № 4 (71).
14. Cf. : *Gallicchio M.* The Kuriles Controversy: US Diplomacy in the Soviet-Japan Border Dispute, 1941–1956. The Pacific Historical Rev. 1991.

15. Yalta Churchill's primary concern was Europe, recognizing the fragile nature of UK's position in Asia; cf. : *Hill F.* "A disagreement between allies": The United Kingdom, the United States, and the Soviet-Japanese territorial dispute, 1945–1956 // *J. of Northeast Asian S.* 1995. № 3 (14).
16. Cf. : United States. Department of State. Foreign Relations of the United States. Conferences at Malta and Yalta, 1945. U. S. Government Printing Office, 1945, Document 447.
17. The Allies met again in Potsdam on 26 July 1945, where not all Soviet territorial claims to Japan were confirmed. Japan accepted the Yalta statement on 14 August 1945.
18. *Roberts Br.* The Kurile Islands (Chishima) // *Polar Record.* 1946. № 4 (31).
19. *Call K. A.* Southern Kurils or Northern Territories: Resolving the Russo-Japanese Border Dispute // *BYU L. Rev.* 1992.
20. *Mack A., O'Hare M.* Moscow-Tokyo and the Northern Territories Dispute // *Asian Survey.* 1990.
21. *Hara K.* Cold War frontiers in the Asia-Pacific: divided territories in the San Francisco system. Routledge, 2006.

УДК 94(100)“1939/45”+94(676.2)+325.36(410)

А. С. Чесноков

*Уральский федеральный университет,
Екатеринбург*

Кения во Второй мировой войне

Kenya in the World War II

В статье рассматриваются особенности участия Британской Кении во Второй мировой войне. Особый акцент делается на развитии страны в первые послевоенные годы.

Ключевые слова: Кения, Восточная Африка, Великобритания, Вторая мировая война, королевские африканские стрелки.

Main characteristics of participation of Colony and Protectorate of Kenya in the World War II are covered in the paper. Particular attention is attached to the development of the country in the early postwar period.

Keywords: Kenya, East Africa, Great Britain, Second World War, King's African Rifles.

Британская Кения, имевшая с 1920 г. статус колонии и протектората, вступила во Вторую мировую войну одновременно с объявлением Великобританией

войны нацистской Германии в сентябре 1939 г. Несмотря на то, что непосредственно на территории Кении боевых действий в годы войны не велось, многие её жители, будучи как солдатами регулярных армейских подразделений, так и добровольцами, сражались не только на фронтах и в ходе партизанской войны в граничившей с Кенией Итальянской Восточной Африке (в 1940–1943 гг.), но и на Мадагаскаре – против лояльных французскому Вишистскому правительству коллаборационистов, и в Бирме – против японских оккупантов (в 1942 г.).

После захвата итальянцами Британского Сомалиленда (август 1940 г.) и в Лондоне, и в колониальной администрации в Найроби были очень обеспокоены высокой вероятностью расширения итальянской экспансии на территорию Кении, которой, однако, не произошло. Тем не менее, британцы развернули на территории современных Эфиопии, Эритреи и Сомали Восточноафриканскую кампанию, главную роль в которой сыграли Королевские африканские стрелки (КАС) — колониальный полк британской армии, состоявший из нескольких батальонов, укомплектованных солдатами из числа коренных жителей современных Кении, Уганды, Малави, Замбии и Танзании; полк просуществовал с начала XX в. вплоть до достижения британскими колониями независимости в 1960-х гг. [1].

В 1940 г. численность КАС насчитывала 883 офицера, 1,3 тыс. унтер-офицеров и более 20 тыс. так называемых аскари, то есть коренных африканцев, подавляющее большинство которых служили рядовыми. Опасаясь возможных вооруженных мятежей и неповиновения солдат, британцы крайне редко повышали африканцев даже до унтер-офицерского звания, а на офицерские должности назначались исключительно белые граждане Великобритании. Однако для чернокожих кенийцев служба в армии даже без перспектив дальнейшего роста была весьма привлекательной из-за относительно высокого социального статуса и постоянного обеспечения довольствием, в то время как их соплеменники были вынуждены заниматься немеханизированным сельскохозяйственным трудом в условиях регулярных засух и неурожаев (несмотря на это, Кения в годы

войны играла роль ведущего поставщика продукции аграрного сектора, в основном табака и чая для нужд британской армии) [2, р. 257–261].

Ко времени окончания войны на базе полка было развернуто 43 батальона, девять гарнизонов, бронеавтомобильный полк, а также артиллерийские, инженерно-саперные, транспортные и связистские подразделения. Всего с учетом значительного количества добровольцев (как из числа белых колонистов, так и местного населения) в составе КАС и других подразделений армии Великобритании участвовало более 98 тыс. жителей Кении, общее население которой в годы войны составляло порядка 5,5–6 млн человек, в том числе около 22 тыс. британцев.

В Кении также была организована некоторая военная инфраструктура. Так, весной 1942 г., после того, как японские ВМФ и ВВС нанесли ряд мощных ударов по Цейлону, Британский восточный флот, действовавший в акватории Индийского океана, был вынужденно переведен со своей базы в Коломбо на базу Килиндини близ г. Момбаса. Туда же британцы перевели и Объединенное дальневосточное бюро, занимавшееся дешифровальной работой против военно-морских сил Японии.

После успешных действий британских войск в ходе Восточноафриканской кампании на территории Кении была развернута целая сеть лагерей для военнопленных, преимущественно итальянцев. Между 1941 и 1947 г. через эти лагеря прошло, по разным оценкам, от 37 до 55 тыс. пленных и интернированных граждан Италии, которые в массовом количестве привлекались колониальной администрацией к строительству дорог и иных объектов гражданской инфраструктуры.

По окончании войны демобилизованным рядовым ветеранам КАС пришлось вернуться к прежней колониальной жизни, так как британцами практически ничего не было изменено в её укладе: чернокожее население в массе своей продолжало оставаться без земли, принадлежавшей преимущественно белым фермерам, а также без перспектив квалифицированной работы и политического представительства. Следует отметить, что в созданный в 1906 г. при британ-

ском губернаторе в Найроби Законодательный совет до 1927 г. входили только белые. Затем в него были допущены представители постоянно проживавших в Кении арабов и индийцев, а первый чернокожий получил в нем место только в 1944 г. В 1946 г. количество черных депутатов возросло до двух, в 1948 г. – до четырех, а в 1951 г. – до восьми человек.

Очевидно, что такая ситуация не могла устроить кенийцев, прошедших, в частности, Бирманскую кампанию (британские войска перебрасывались в Бирму через Индию, где аскари смогли познакомиться с идеями борющихся за независимость индийских националистов), и, кроме того, кенийцы, набравшие боевого опыта, убедились, что белый человек не всемогущ и отнюдь не непобедим.

Лозунги за свободу и демократию, под которыми сражалась британская армия, породили у кенийцев стремление к социально-политическим переменам и неготовность и дальше мириться с расизмом в своей собственной стране. Дело дошло даже до того, что в Кении, наряду с преимущественной поддержкой британских призывов к борьбе с нацистским агрессором, были распространены и другие взгляды, согласно которым мировая война представлялась далеким от подлинных африканских интересов конфликтом европейских капиталистов, а некоторые даже видели в Гитлере потенциального союзника в деле освобождения Африки от колониального гнета.

К концу войны в кенийском обществе созрело ощущение того, что британцы остались перед ним в долгу за вклад местного населения в победу. На этом фоне развернулась и соответствующая политическая активность коренных кенийцев. Уже в 1942 г. был создан «Кенийский африканский учебный союз», преобразованный в 1947 г. в «Кенийский африканский союз» во главе с будущим первым президентом Кении Д. Кениаттой, сконцентрировавшийся на легальной борьбе за независимость Кении [3, р. 157].

Крайне негативно кенийцами была воспринята проведенная колониальным правительством сразу после войны в целях повышения рентабельности аграрного хозяйства реформа, в результате которой мелкие фермеры стали обязаны

сдавать урожай местным оптовикам по достаточно низким закупочным ценам, в то время как последние, продавая продукцию на внешних рынках, получали весьма значительную прибыль. Сложившаяся ситуация ударила прежде всего по почти полностью зависимому от сельского хозяйства местному чернокожему населению, доходы которого, и без того невысокие, сократились еще больше.

В итоге на фоне массового недовольства британской послевоенной политикой в колонии в октябре 1952 г. в Кении вспыхнуло восстание «мау-мау» (подпольное движение «за землю и свободу», получившее известность еще в конце 1940-х гг.), вскоре за которым весной 1953 г. последовал арест лидеров «Кенийского африканского союза» и его запрет в связи с подозрениями властей в негласной поддержке им движения «мау-мау».

Отряды мау-мау общей численностью от 30 до 50 тыс. человек, которые возглавил ветеран КАС Д. Кимати и в которые влились многие прошедшие Вторую мировую войну кенийцы, вели в стране партизанскую войну с 1953 по 1956 г., пока не были разгромлены колониальными властями, опиравшимися на КАС, в которых также продолжало служить немало ветеранов войны [4, р. 193].

Память о Второй мировой войне в Кении, тесно переплетенная с историей национальной борьбы за независимость, бережно хранится немногими остающимися в живых ветеранами, а также властями страны, поддерживающими в надлежащем состоянии мемориальные кладбища, в том числе крупнейшее из них – в Найроби, где похоронены около 2 тыс. ветеранов.

В ноябре 2015 г. группа прошедших Вторую мировую кенийских ветеранов Королевских африканских стрелков побывала в Лондоне, где приняла участие в торжествах по случаю 70-летия окончания войны и была принята королевой Елизаветой II [5].

Годом ранее, в декабре 2014 г., Кения на пленарном заседании 69-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН проголосовала в поддержку инициированной Россией резолюции о борьбе с героизацией нацизма, неонацизмом и другими видами практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости [6].

-
1. The King's African Rifles and East African Forces Association. URL: <http://www.kingsafricanriflesassociation.co.uk/> (mode of access: 09.01.2016).
 2. *Berman B.* Control & Crisis in Colonial Kenya: The Dialectic of Domination. L., 1990.
 3. *Ogot B. A., Ochieng W. R.* Decolonization & Independence in Kenya, 1940–93. L., 1995.
 4. *Page M.* King's African Rifles: A History. Barnsley, 1996.
 5. Kenyan veterans of World War II to attend celebrations in London // Daily Nation. Saturday, Sept. 19, 2015. URL: <http://www.nation.co.ke/news/Kenyan-veterans-of-World-War-II-/1056/2877644/-/hhlrmqz/-/index.html> (mode of access: 09.01.2016)
 6. Voting records of the UN General Assembly Third Committee (Social, Humanitarian & Cultural) on draft Resolution entitled Combating glorification of Nazism, neo-nazism and other practices that contribute to fuelling contemporary forms of racism, racial discrimination, xenophobia and related intolerance. URL: http://www.un.org/en/ga/third/69/docs/voting_sheets/L56.Rev1.pdf (mode of access: 09.01.2016).

Раздел 2

**СОВРЕМЕННЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
В ПОСТБИПОЛЯРНОМ МИРЕ**

УДК 323(575.12:575.2)+314.745

Анарбаева Г. А.

Государственный университет

г. Жалал-Абад, Кыргызстан

**Истоки взаимодействия кочевых и оседлых традиций
в Ферганской долине**

**Sources of interaction of nomadic and settled traditions
In Fergana valley**

В статье изыскиваются истоки взаимодействия кочевых и оседлых традиций в Ферганской долине как одна из особенностей совместного проживания представителей кочевого и оседлого населения в отдельно взятом регионе. На основе исторических материалов юга Кыргызстана в новый исторический период делается попытка найти глубинные причины общественно-исторического синтеза социально-экономической, политической и духовной жизни населения Ферганы.

Ключевые слова: межнациональные взаимоотношения, урегулирование конфликтов, Фергана, кочевники, оседлые.

The article analyses the sources of interaction of nomadic and settled traditions in Fergana valley as one of features of joint residing of representatives of nomadic and settled population in a region. On the basis of historical materials of the south of Kyrgyzstan in the new historical stage the author attempts to find the deep reasons of socio-historical synthesis of social and economic, political and spiritual life of the population of Fergana.

Keywords: Fergana, nomads, settled, inter-ethnic relations, conflict settlement.

Ферганская долина является густонаселенным регионом, где проживают представители двух рас, двух языковых семей и двух мировых религий. В до-

лине расположены три области Узбекистана, две области Кыргызстана и половина одной области Таджикистана. Из 4,6 млн населения Кыргызстана почти половина живёт в Ферганской долине, точнее, в Ошской и Джалал-Абадской областях.

По своему геополитическому положению Ферганская долина занимает важное стратегическое место не только во внешней политике указанных трех республик и Казахстана, она не менее важна и для политики полуторамиллиардного Китая, беспокойного Афганистана, исламского Ирана, даже далеких России и Турции. Поэтому любые события, происходящие в Фергане, обязательно имеют резонанс как у ближних, так и у более дальних соседей.

Ферганская долина относится к региону, где цивилизация возникла на почве синтеза оседлого земледельческого и кочевого скотоводческого хозяйствования. Издревле здесь политическая сила и меньшая часть экономики были сосредоточены в руках кочевников, а экономическое богатство – в руках оседлых. В связи с этими обстоятельствами политическая сила и экономическое богатство в Фергане испокон веков давали возможность складыванию здесь причудливого синтеза двух типов жизни, которые диалектически взаимно дополняли друг друга. В итоге был создан уникальный ферганский вариант сосуществования двух типов общности людей, и существование одного без другого было практически невозможно.

Разные этнические и хозяйственные общности людей сосуществовали на одной территории – пример, который тоже уникален в истории. Например, оседлый кишлак или город, главными жителями которых были сначала ираноязычные, позднее тюркоязычные народы – турки, таджики, оседлые узбеки и др. В местных исторических источниках их называют «сартыйя». А вокруг них располагались «кыштоо» – зимовки, «жаздоо» и «жайлоо» – летовки кочевников кыргызов, кыпчаков, кочевых узбеков и тюрков и др. Этих кочевников и полукочевников называли «илатыйя».

Описанный вариант, возникнув примерно в середине I тысячелетия до н. э., просуществовал почти до начала XX в., не вызвав никаких межэтниче-

ских конфликтов внутри Ферганы. Это объясняется принципом равноправия между «сартийя» и «илатийя». Здесь уместно отметить, что местные источники вообще не выделяют конкретные этносы, а называют либо племя, либо нарицательное имя, производное от местности, откуда родом конкретная личность. Например, один из авторитетнейших историков Кокандского ханства Мулла Нияз Мухеммед Коканди в своем труде «Тарих и-Шахрохи» называет только две этно-социальные общности Ферганской долины – «илатийя» и «сартийя» [1].

Между двумя отмеченными этносоциальными общностями, по существу, шла борьба за овладение центральной властью. Эта борьба носила отнюдь не межэтнический, а династийный или политический характер. Когда нарушался баланс в пользу «сартийя», то «илатийя» быстро восстанавливали былое равновесие сил путем смещения неугодного им хана, поставив во главе государства новую марионетку. Примеров к тому очень много. Возьмем 167-летнюю историю Кокандского ханства, где шла бесконечная борьба между «сартийя» и «илатийя» за овладение политической властью в орде. Но интересный факт: за всю историю ханства ни один из многочисленных внутренних конфликтов, в том числе кровопролитных, не перерос в межэтнические.

Принцип баланса между двумя этносоциальными общностями населения Ферганы был нарушен с установлением российской колониальной системы. Это объясняется следующими коренными изменениями, которые произошли здесь во второй половине XIX в.:

– Земля и водные ресурсы по положению 1886 г. были объявлены государственной собственностью, а затем в течение 1890–1910 гг. путем земельно-податной реформы были перераспределены между оседло-земледельческим и переселенческим населением [2, с. 52–79; 3]. В итоге в руках местных земледельцев узбеко-таджикского происхождения и русских переселенцев оказалась подавляющая часть полезных орошаемых земельных и водных ресурсов. А кочевники «илатийя» получили неудобные, в основном не обрабатываемые земли, пастбища и горы. Попытки кочевников получить землю, закрепившись на

определенной территории, не были поддержаны русскими властями, поскольку колонизаторам тоже нужно было прежде всего землеустраивать вновь и вновь пребывающих русских переселенцев, часто бежавших от произвола не совсем цивилизованного капитализма в центральных районах России. Таким образом, процесс оседания кочевников растянулся почти до 1940-х гг.

- Торговля, как прежде, осталась в руках представителей «сартийя». К ним примкнули и переселенцы.

- Политика и власть от представителей «илатийя» перешли в руки российской администрации. Если, например, ханы и их сановники, акими городов Ферганы, часто назначались из представителей «илатийя», то теперь они могли в лучшем случае рассчитывать на должность управителя волости в горных районах.

- Скотоводство осталось в руках кочевников, но оно попало в зависимость от рынка, которым командовала российская и местная торговая буржуазия.

Таким образом, прежний баланс политических и экономических факторов был нарушен в пользу оседло-земледельческого и переселенческого населения. Обозначим итоги этих процессов:

- Постепенное расширение оседлых поселений и кишлаков и вытеснение кочевых зимовок с традиционных мест обитания – Эки-Суу арасы, земель вокруг Маргалана, Кожента, Анжыяна, Оша и других.

- Попытка овладения земельными угодьями кочевников путем закрепления на определенных территориях не была поддержана царскими властями.

Все эти изменения привели к возникновению условий, способствующих возникновению межэтнических конфликтов на почве земельного вопроса.

Таким образом, предпосылки межэтнического конфликта накапливались в течение десятилетий, что в результате привело к народным восстаниям 1898 и 1916 г.

После Октябрьской революции в связи установлением Советской власти, Гражданской войной, голодом и необходимостью восстановления экономики земельный вопрос отошел на второй план.

В 1924 г., в результате советской политики национализации земельные отношения между рассматриваемыми этносоциальными общностями в какой-то мере были урегулированы, но глубинные несоответствия, связанные с историко-традиционными обстоятельствами, остались.

В течение 1924–1936 гг. конфликты между этносоциальными общностями Ферганского региона, разделенными теперь на «национальные государственные образования», случались регулярно. Об этом говорят многочисленные архивные документы. В те годы была создана так называемая «паритетная комиссия» ЦИК СССР, которая рассматривала земельно-территориальные споры этносоциальных общин, имеющих претензии друг к другу. 20–25 марта 1926 г. состоялось заслушивание отчета комиссии в Самарканде, вторая комиссия отчитывалась 3 мая 1927 г. перед президиумом ЦИК СССР [4, л. 98]. Обе комиссии пытались урегулировать межэтнические территориальные споры, в какой-то степени эти усилия увенчались успехом, но исторические причины противоречий между бывшими «илатийя» и «сартийя» не были искоренены.

Земельные споры сохранились и внутри государственных образований, например, на юге Кыргызстана между бывшими кочевниками – кыргызами и оседлыми сартами-узбеками. Исторические противоречия между двумя общностями внешне были улажены, когда кыргызы обрели свою национальную государственность. Урезанные права на земельно-водные ресурсы бывших «илатийя» таким образом были компенсированы получением ими «политических рычагов», которое выражалось занятием ими ответственных государственных постов и должностных мест. Тем самым, ещё в те годы были созданы предпосылки «кадрового перекоса», явившегося одним из факторов недовольства узбекской части населения.

К концу 1930-х гг. все «илатийя» стали оседлыми, и современный этнохозяйственный облик Ферганской долины в основном был завершен.

В период 1940–1970 гг. земельный вопрос на время был забыт. Однако в 1970–1980-е гг., когда обострились кризисные явления советского строя, симп-

томы межэтнического конфликта опять всплыли наружу. Теперь они выразились в следующих формах:

– территориальные споры (вместо земельных) стали главными. Отсюда – проблема о принадлежности Ферганской долины и ее отдельных местностей к кыргызам или узбекам;

– ряд менее значимых вопросов, таких как кадровые перекосы, социально-бытовые неурядицы, языковая политика, трансформация традиций, психологии, разница между кыргызами и узбеками относительно уровня религиозности, усиливали конфронтацию двух общин.

В итоге вышеуказанные противоречия привели или, по крайней мере, стали одними из основных причин возникновения так называемых Ошских конфликтов 1990 и 2010 г., которые были спровоцированы экстремистски настроенными и мафиозными представителями обеих общностей.

В настоящее время руководство Кыргызской Республики в рамках глубоких трансформационных процессов постсоветского периода занято снятием этих исторических предпосылок возможного конфликта. Помимо различных административно-политических мер, запущены естественные процессы рыночных отношений, которые постепенно заглушают указанные предпосылки.

-
1. *Мулла Нияз Мухаммед Бен Ашур Мухаммед*. Тарих-и Шахрухи : История владельцев Ферганы / изд. П. Н. Пантусова. Казань, 1886.
 2. *Кененсариев Т.* Экономическая политика царского правительства в Кыргызстане во 2-й половине XIX–начале XX в. Бишкек, 2009.
 3. Положение об управлении Туркестанским краем. Ташкент, 1916.
 4. Центральный государственный архив Кыргызской Республики. Ф. 20. Оп. 1. Д. 176.

**Сингапур: внешнеполитический курс
на «баланс между реализмом и идеализмом»**

**Singapore: foreign policy
of “balance between realism and idealism”**

Статья посвящена краткому описанию основных особенностей внешней политики Сингапура с момента обретения независимости в 1965 г. по настоящее время. Обозначены ключевые направления международных отношений и важнейшие результаты внешнеполитической деятельности Сингапура.

Ключевые слова: Сингапур, внешняя политика, международные отношения, АСЕАН.

The paper is devoted to a brief description of the main features of the foreign policy of Singapore since independence in 1965 to the present. Author outlined the key areas of international relations and foreign policy of the most important results of Singapore.

Keywords: Singapore, foreign policy, international relations, ASEAN.

С самого первого дня своего существования в качестве независимого государства Сингапур не питал иллюзий относительно возможностей своего влияния на формирование международного дискурса. Тем не менее, в своей внешней политике лидеры государства четко придерживались принципов, позволивших им завоевать авторитет на международной арене и сохранить собственный суверенитет.

В течение 50 лет приоритеты внешнеполитической деятельности Сингапура определялись четырьмя стратегическими задачами. Во-первых, несмотря на весьма скромные размеры города-государства, была поставлена цель стать активным и конструктивным международным игроком. Во-вторых, поддерживать хорошие отношения со своими соседями в ЮВА. В-третьих, активно разви-

ваться, поскольку «несостоявшееся государство не может иметь эффективную внешнюю политику» [1]. В-четвертых, сохранять внутреннее единство по политическим, национальным и религиозным вопросам.

На разных этапах исторического развития внешнеполитическая деятельность в стране была направлена на достижение различных целей, что позволяет выделить в ней два этапа. Первый этап с 1965 по 1990 г. неразрывно связан с именем Ли Куан Ю. Второй этап начался в 1990 г., когда премьер-министром сначала стал Го Чок Тонг, а впоследствии – Ли Сянь Лун [2].

Основные направления внешней политики 1965–1990 гг.

Можно сказать, что первым дипломатическим актом независимого Сингапура стало письмо Ли Куан Ю, которое он направил примерно 20 главам государств накануне подписания соглашения об отделении от Малайзии (9 августа 1965 г.). В письме разъяснялись причины разделения и содержалась просьба о поддержке суверенитета города-государства [3]. Менее чем через месяц Сингапур подал заявку на вступление в ООН, 21 сентября запрос был единогласно одобрен, и он официально стал 117-м членом этой организации.

В 1968 г. Сингапур столкнулся с серьезным внешнеполитическим вызовом – резким ухудшением отношений с Индонезией. Причиной этого стала казнь в Сингапуре двух индонезийских военных. (Инцидент, в результате которого три человека были убиты и 33 ранены, произошел за пять месяцев до провозглашения независимости в период так называемой конфронтации (Konfrontasi) с Малайзией.) Восстановить отношения между странами удалось только в после визита Ли Куан Ю в Джакарту в 1973 г.

Еще одной серьезной проблемой, требующей взвешенных дипломатических решений, была опасность формирования в глазах соседей, особенно Малайзии и Индонезии (последняя к тому же в 1967 г. разорвала дипотношения с Китаем, обвинив Пекин в попытке организации коммунистического госпереворота), «третьего Китая». Для преодоления антикитайских настроений в политику национально-государственного строительства была заложена концепция

«сингапурской нации», а одним из официальных языков согласно конституции стал английский. Желание Ли Куан Ю сохранить стабильность в регионе стало причиной того, что, несмотря на многочисленные обмены визитами (в том числе визит Дэн Сяо Пина в 1978 г.), официальные дипломатические отношения между странами были установлены только в 1990 г. – через два месяца после восстановления дипотношений между Индонезией и КНР. Серьезный удар по геополитической стабильности региона нанесло вторжение Вьетнама в Камбоджу в 1978 г. И несмотря на то, что некоторые страны поддерживали акцию против террора «Красных кхмеров», Сингапур отстаивал свою позицию, что никто не вправе нарушать суверенитет другого государства [4].

Основные направления внешней политики 1990–2015 гг.

Характерной чертой второго этапа, начавшегося в 1990 г., стал перенос внешнеполитического внимания в сферу развития международной экономики. В 1992 г. было подписано соглашение о создании зоны свободной торговли АСЕАН (AFTA). В 2000 г. – первое двустороннее соглашение о создании зоны свободной торговли с Новой Зеландией, в 2003 – с США (USSFTA). В 2005 г. Сингапур подписал торговое соглашение с Брунеем, Чили и Новой Зеландией о создании Тихоокеанского экономического стратегического партнерства (Р4), заложившего основу для организации Транс-тихоокеанского партнерства (ТТП, октябрь 2015).

Другим фундаментальным принципом внешней политики последних 25 лет стало создание под эгидой Сингапура новых многосторонних форумов на региональном и мировом уровнях (*Арес, Asem, Fealac, ARF*). Создание этих форумов способствовало укреплению репутации страны как честного посредника (это было еще раз отмечено на исторической встрече президента КНР Си Цзиньпина и президента Тайваня Ма Инцзю в ноябре 2015 г. в Сингапуре).

Еще одним направлением внешнеполитической деятельности Сингапура стало учреждение в 1992 г. в ООН неофициальной группировки, известной под названием Форум малых государств (*Foss*). В настоящее время в неё входит 105

стран, и она обладает достаточным влиянием в ООН. Также при поддержке Сингапура была сформирована Группа глобального управления (3G) из 30 малых и средних государств для защиты их интересов после появления таких международных форумов, как G20 [1].

Нозовем ключевые события в жизни Сингапура за последние полвека.

- 1965: Сингапур официально стал 117 членом ООН.
- 1967: В Бангкоке министрами иностранных дел Индонезии, Малайзии, Филиппин, Сингапура и Таиланда подписывается соглашение о создании АСЕАН.
- 1971: в Сингапуре проходит Совещание глав правительств Содружества.
- 1978: Вьетнам вторгается в Камбоджу. Сингапур решительно выступает против этой агрессии.
- 1989: в Канберре создается АТЭС. Сингапур – один из 12 членов-учредителей.
- 1990: Сингапур устанавливает дипотношения с Китаем.
- 1992: запущена Программа сотрудничества Сингапура (с 1992 г. подготовлено более 100 тыс. чиновников из 170 стран).
- 1996: Сингапур принимает первую Конференцию министров ВТО.
- 2000: в Сингапуре запущена инициатива по интеграции АСЕАН (Камбоджа, Лаос, Мьянма и Вьетнам).
- 2007: в Сингапуре лидеры АСЕАН подписывают Хартию АСЕАН.
- 2015: 31 декабря планируется подписание заявление стран-участниц АСЕАН о приверженности к большей экономической и социальной интеграции в регионе [4].

-
1. PM sets out ways to safeguard S'pore's interests abroad // The Straits Times. 2015. Nov. 28.
 2. A young nation holds its own on world stage // The Sunday Times. 2015. Dec. 06.
 3. Singapore diplomacy 50 years on // The Sunday Times. 2015. Dec. 06.
 4. Vietnam War, Konfrontasi, China... S'pore diplomats rose to the challenge // The Sunday Times. 2015. Dec. 06.

Проблемы карибской интеграции на рубеже XX—XXI вв.**Problems of Caribbean integration at the turn of XX—XXI centuries**

Статья посвящена процессу интеграции стран Карибского бассейна. Особое внимание уделяется союзу КАРИКОМ и его взаимодействию с другими странами Карибского региона и мировыми державами, а также проблемам, с которыми сталкивается КАРИКОМ, и его дальнейшим перспективам.

Ключевые слова: интеграция, международное экономическое сотрудничество, страны Карибского бассейна, КАРИКОМ.

The article is devoted to the integration process in the Caribbean. Particular attention is paid to the union of CARICOM, its interaction with other countries of the Caribbean region and the world powers, the problems faced by CARICOM, and its prospects.

Keywords: integration, international economic cooperation, Caribbean, CARICOM.

Карибские острова, исторически известные как Вест-Индия, или Антильские острова, были открыты европейскими мореплавателями в эпоху великих географических открытий. Всего в Карибском море расположено 72 острова, некоторые из них являются самостоятельными государствами, другие входят в состав других государств. История карибской интеграции берет начало в 1958 г., когда была образована Британская Федерация Вест-Индий. Она существовала вплоть до 1962 г. и состояла из десяти государств. Политическая независимость Ямайки и Тринидада и Тобаго положила конец её существованию.

В 1965 г. главы государств Антигуа, Барбадос и Британская Гайяна подписали соглашение о создании Карибской свободной торговой ассоциации (CARIFTA). В 1968 г. в ассоциацию вступила большая группа государств: Тринидад и Тобаго, Доминика, Гренада, Сен Китс и Невис, Сент Люсия, Сент-

Винсент и Гренадины, Ямайка и Монсерат. В 1971 г. к союзу присоединился Бейлиз. В 1972 г. лидеры государств решили преобразовать CARIFTA в систему единого рынка, таким образом возник КАРИКОМ (CARICOM), или Карибское сообщество. Барбадос, Ямайка, Гайяна, Тринидад и Тобаго были первыми странами, вступившими в сообщество. Впоследствии оставшиеся восемь участников CARIFTA присоединились к союзу. В 1983 г. Багамские острова стали 13-м участником КАРИКОМ, а в 1995 г. Суринам стал 14-м. Политика Карибского сообщества направлена на обеспечение свободного перемещения товаров, услуг, капитала, труда и единой внешней торговой политики, уменьшение налоговых пошлин, формирование единого валютного союза и принятие единой валюты [1, с. 4].

Несмотря на действия, предпринимаемые руководителями Карибского сообщества, за 40 с лишним лет объединению так и не удалось побороть разрыв в экономическом развитии между бедными и богатыми странами. Возможно, причины этому стоит искать в неравном распределении природных ресурсов между участниками союза или в скромном экономическом потенциале всего объединения вследствие его малых размеров: ВВП КАРИКОМ составляет лишь 0,1 % от мирового.

Стоит обратить внимание, что участники союза являются молодыми с точки зрения независимости странами. Изначальной задачей КАРИКОМ было объединить Карибские островные государства путем создания единого рынка. Создание единой экономики не рассматривалось лидерами островных государств как первостепенная задача. Однако многие исследователи критикуют КАРИКОМ за неспособность за 40 лет организовать в регионе единую экономику и задают вопросы о целесообразности существования союза в нынешнем виде.

Необходимо подчеркнуть то, что в Карибском сообществе не имеют членства такие представители Больших Антильских островов как Куба, Доминиканская Республика и Пуэрто-Рико. Включение этих стран в союз позволило бы увеличить экономический потенциал КАРИКОМ. В частности, проблема заключается в том, что Куба, не являясь членом Карибского сообщества, является

его конкурентом, так как экономика Кубы занимает те же ниши, что и экономика КАРИКОМ. Однако Куба имеет конкурентные преимущества по сравнению со своими соседями. Она более привлекательна для туристов, а также для торговых отношений в рамках социалистического блока стран Латинской Америки, таких как Боливия и Венесуэла. Среди прочих, борьбу за экономическое присутствие на Кубе ведут Мексика, Бразилия и Китай. С возвращением права частной собственности Куба получает еще одно конкурентное преимущество. Исследователи уже открыто обсуждают экономическую угрозу Кубы для других стран Карибского бассейна, так как динамичное развитие соседа может поставить другие страны в менее выгодное положение [2]. И, несмотря на положительный вектор развития партнерских отношений Карибского сообщества с Кубой в последние несколько лет, осуществление сценария вступления Кубы в КАРИКОМ в ближайшее время представляется маловероятным.

Ряд международных наблюдателей прогнозируют скорый распад КАРИКОМ, связанный с экономическими проблемами большинства участников союза, которые им не удастся решить на данном этапе развития. Но, несмотря на неблагоприятные прогнозы, представители секретариата Карибского сообщества связывают большие надежды с новым поколением молодых политиков и государственных деятелей. Лидеры КАРИКОМ не отрицают отсутствие каких-либо значимых экономических успехов, однако отмечают прогресс в других сферах [3].

Чрезвычайно важным вопросом для стран Карибского бассейна является проблема глобального изменения климата. В 2013 г. был создан Траст фонд КАРИКОМ для снижения риска природных бедствий, который призван стать подушкой безопасности в случае различных катаклизмов. Готовность оказать финансовую помощь Карибскому региону для решения проблем изменения климата выразил Китай [4].

Проблема роста стоит перед Карибским сообществом уже довольно давно, и на сегодня его лидеры не могут найти ее решение. Наиболее эффективным путем здесь представляется активное вовлечение в международное сотрудниче-

ство с «крупными игроками», такими как США, Китай и Евросоюз. Именно в международном взаимодействии политические лидеры КАРИКОМ видят наибольшие шансы получить толчок для экономического развития. Другим вариантом является укрупнение КАРИКОМ, включение новых участников в рамках Карибского бассейна и развитие за счет увеличения внутреннего экономического потенциала. Решение вопроса экономического развития стратегически необходимо для Карибского сообщества, так как данная проблема ставит на карту само существование союза.

1. *Fuchs D., Straubhaar T.* Economic Integration in the Caribbean : The development towards a common labour market // International Migration Papers 61. Geneva, 2003. URL: <http://lib.myilibrary.com/ProductDetail.aspx?id=10103> (mode of access: 05.11.2015).
2. *Anton E. E.* Cuba – A growing threat to the Caribbean? URL: <http://www.jamaicaobserver.com> (mode of access: 05.11.2015).
3. The promise and Problems of CARICOM. URL: <http://www.youtube.com> (mode of access: 05.11.2015).
4. China pledges aid to Caricom countries. URL: <http://www.jamaicaobserver.com/news/China-pledges-aid-to-Caricom-countries> (mode of access: 05.11.2015).

**«Он снова здесь?» Сатирический образ Гитлера в восприятии
современных немцев¹**

**«Is he here again?» The satirical image of Hitler in the perception
of modern German society**

В статье дается анализ вышедшего на экраны кинотеатров Германии художественного фильма по одноимённому роману публициста Т. Вермеша «Он снова здесь», главным героем которого является Адольф Гитлер. Исследуются причины возросшего интереса современных зрителей к образу фюрера и неоднозначной реакции на него зрителей и кинокритиков. Автор делает вывод о том, что именно сегодня немецкое общество как никогда прежде далеко от преодоления своего сложного исторического прошлого.

Ключевые слова: историческая память, политика памяти, Вторая мировая война, инструменты коммеморации, А. Гитлер.

In October 2015 in cinemas of Germany the movie “He's Back” was released, based on the novel of publicist T. Vermes. Its main character is Adolf Hitler. The article examines the reasons for the increase in the interest of modern German audience to Hitler's image and the ambivalent reaction of audience and film critics. The author concludes that nowadays the German society is farther from overcoming its complicated historical past than ever.

Keywords: historical memory, politics of memory, the Second World War, commemoration tools, A. Hitler.

Восьмого октября 2015 г. в кинотеатрах ФРГ состоялась премьера художественного фильма по одноимённому роману журналиста Тимура Вермеша «Он снова здесь». Книга вышла в Германии еще в 2012 г. тиражом более миллиона

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 15-01-00339.

экземпляров, очень быстро стала популярной и вызвала неоднозначную реакцию литературных критиков [1; 2].

Главный герой романа – Адольф Гитлер, очнувшийся на пустыре (в том месте, где когда-то был его бункер) в современном Берлине и попадающий в новую политическую реальность со своими старыми идеологическими установками. Нет войны, нет НСДАП, нет Мартина Бормана и Евы Браун, а Германия, управляемая «неуклюжей женщиной» и очень сильно отклонившаяся в своем мультикультурном облики от параметров истиной арийской расы, находится в состоянии «глубокого мира». На границах с ФРГ, к искреннему удивлению Гитлера, продолжает свое «протivoестественное существование» Польша. Изучив современную прессу и вникнув в особенности политического положения Германии в XXI в., Гитлер приходит к выводу, что Европейский союз похож на банду школьников, которая не совсем хорошо понимает, для чего она вообще собралась; ультраправая Национал-демократическая партия Германии – «сборище вредоносных идиотов», а события в Афганистане – карикатура на войну [3, с. 32–38]. В этих условиях Гитлер воспринимается современными немцами как талантливый комедиант, который постоянно живет в своем актерском образе и поэтому правдоподобен. Используя старые тезисы и технические средства, которых не было 70 лет назад, Гитлер быстро становится шоуменом на телевидении и звездой *YouTube*.

Фильм по содержанию значительно отличается от романа: за два последних года политическая обстановка изменилась. В 2012 г. Германия еще не была в центре миграционного кризиса, а по улицам Дрездена и Лейпцига не ходили многотысячные толпы сторонников движения «ПЕГИДА» («Патриотические европейцы против исламизации Запада»). В экранизированной версии использован интересный прием: Гитлер выходит на улицы и на фоне современных германских пейзажей общается с обычными немецкими гражданами. Среди них – любители домашних животных, предприниматели, молодые политики, журналисты, неонацисты и просто прогуливающиеся по Унтер-ден-Линден. Общаясь с обывателями, Гитлер критикует лживую прессу, ругает «тарабарское радио» и

«поваренное телевидение», на котором вместо актуальных проблем обсуждают, как правильно приготовить овощи; радуется изобретению компьютера и сотового телефона; хвалит антитабачный закон (ведь во время войны курильщиков тоже убивали!) [3, с. 73–77]. Формат интервью с современными жителями Германии, использованный режиссером Д. Вендтом, создает ощущение реальности происходящего. В течение трех недель комедия оставалась лидером немецкого кинопроката. По данным *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, фильм посмотрели более двух миллионов человек [4].

Почему фильм про внезапно воскресшего фюрера вызвал такой интерес? Ведь это далеко не первая попытка представить сатирический образ Гитлера (от «Великого диктатора» Ч. Чаплина до «Бесславных ублюдков» К. Тарантино). Самая главная причина популярности, на наш взгляд, в том, что еще никогда комический образ фюрера не был настолько погружен в современные реалии. Трудно было выбрать более удачный момент для презентации фильма: проблемы, затронутые его создателями, актуальны как никогда и касаются каждого гражданина ФРГ. На улицах Берлина разгуливают толпы мигрантов, немецкое общество раскололось на сторонников толерантности и мультикультурности и противников миграционной политики правительства А. Меркель. В ряде городов с 2014 г. еженедельно проходят многотысячные митинги сторонников и противников движения «ПЕГИДА». Согласно данным социологических опросов, около 76 % современных немцев поддерживают это движение и его создателей [5]. Обозреватели ведущих общественно-политических изданий отмечают, что миграционный кризис изменил Германию: насилие и ненависть по отношению к мигрантам распространяются быстрее, чем это могло спрогнозировать правительство [6; 7]. Эксперты предупреждают: если так пойдет и дальше, то скоро в Германии возобладает такой же климат, какой был накануне прихода А. Гитлера к власти [8].

Популярность фильма можно объяснить и тем фактом, что немецкая молодежь забыла о Гитлере, о нем известно слишком мало. По-видимому, проблема – в трансформации исторической памяти о нацистском прошлом. Осознание ви-

ны за преступления нацизма, произошедшее в процессе сложного и болезненного «преодоления прошлого», уступило место способности посмеяться над этим прошлым. Сегодня практически не осталось реальных свидетелей событий 1930-х гг., которые вряд ли смогли бы смеяться над рассуждениями Гитлера.

Существенным моментом является то, что в фильме упущены многие важные эпизоды из книги. Речи Гитлера о проблемах современной Германии в печатной версии сопровождаются его размышлениями о том, что он мог бы сделать в такой ситуации, и именно эти рассуждения возвращают читателя к реальности, к осознанию того, что этот человек – исчадие ада. В фильме же акцент сделан на проблеме адаптации Гитлера к условиям современного высокотехнологичного общества с Интернетом, мобильными телефонами, компьютерами, *Skype* и электронной почтой. Сатирическое в фильме преобладает, и Гитлер предстает милым безобидным старичком, радеющим за немецкий народ...

По словам самого автора бестселлера и сценария фильма Т. Вермеша, он хотел показать, что Гитлер, образ которого на протяжении десятилетий демонизируют, на самом деле был реальным человеком, которого окружали обычные немцы со своими насущными проблемами. И проблемы, и немцы, оказывается, не так уж и изменились за 70 лет [9]. Сегодня смотреть этот фильм идут люди, которые уже почти не застали свидетелей войны и преступлений нацизма. О Гитлере и его деяниях они знают по урокам истории и проявлениям современной массовой культуры. И вот им – этим немцам, которые уже настолько далеки от войны, воскресший Гитлер предстает в роли нелепого, забавного и скорее привлекательного, чем страшного персонажа. Эти зрители смеются над шутками о том, что, Геббельс, пожалуй, смог бы быстро разобраться с проблемой мигрантов, изобретя «какой-нибудь новый Освенцим». И в комментариях к статьям о фильме представители этого поколения пишут: «Вот бы нам сейчас такого Гитлера! Он бы, пожалуй, во всем разобрался!..» [10]. Поколению XXI в. этот Гитлер не кажется ни плохим, ни опасным. Он вызывает симпатии и сочувствие и в конечном итоге оказывает влияние на восприятие этого исторического деятеля и событий прошлого.

Мораль фильма гласит: «Он никогда и не исчезал, потому что он живет в нас, в каждом по отдельности. Адольф – человеконенавистник и массовый убийца – это мы все... Его нельзя убить» [11; 12]. Именно эта идея, озвученная в конце фильма, должна отрезвить зрителя и заставить задуматься над тем, что в действительности смешно, а что ужасно. Однако такому восприятию мешает современная политическая обстановка: воскресший Гитлер появился на экранах именно тогда, когда немецкое общество оказалось перед вызовом. Куда идет Германия? Какой она будет через 10, 20, 30 лет? Несмотря на попытки создателей фильма показать, что Гитлер – это чудовище, хотя и не лишенное обаяния, в целом образ фюрера кажется очень привлекательным. О таком политическом деятеле – сильном и решительном – можно мечтать, и, пожалуй, в этом – основная опасность такой репрезентации Гитлера.

Таким образом, фильм «Он снова здесь» – вызов современному немецкому обществу, проверка на готовность воспринимать идеи национал-социализма, которые, казалось бы, давным-давно стали переосмысленным прошлым. Однако реакция на фильм зрителей и кинокритиков, комментарии в электронных СМИ позволяют сделать вывод о том, что именно сегодня немецкое общество как никогда прежде далеко от преодоления своего сложного исторического прошлого.

-
1. German Comic Novel about Hitler becomes Bestseller // The Algemeiner. 07.01.2013. URL: <http://www.algemeiner.com/2013/01/07/german-comic-novel-about-hitler-becomes-bestseller/> (mode of access: 09.11.2015).
 2. Oels D., Timplan A. Zwischen Sitcom und Erschütterung : Rezeption eines Bestsellers // Vermes T. Er ist wieder da. Köln, 2015. S. 431–443.
 3. Vermes T. Er ist wieder da. Köln, 2015.
 4. „Er ist wieder da“ – und zwar ganz oben // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 27.10.2015. URL: <http://www.faz.net/aktuell/feuilleton/kino/hEr-ist-wieder-da-auf-platz-1-der-kinocharts-13879073.html> (Behandlungsdatum: 09.11.2015).

5. Umfrage: Drei Viertel der Deutschen wollen Pegida vom Verfassungsschutz beobachten lassen // Spiegel. 4.11.2015. URL: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/pegida-76-prozent-der-deutschen-wollen-organisatoren-beobachten-lassen-a-1061027.html> (Behandlungsdatum: 09.11.2015).
6. *Gathmann F., Reimann A.* Neue deutsche Gewalt: Vier Wochen im Herbst // Spiegel. 04.11.2015. URL: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/fluechtlinge-liste-fremdenfeindlicher-gewalt-a-1060847.html> (Behandlungsdatum: 09.11.2015).
7. *Hagen K.* Volksverhetzung: Recht und Extreme // Spiegel. 3.11.2015. URL: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/pegida-recht-und-gesetz-bei-hass-und-hetze-a-1060914.html> (Behandlungsdatum: 09.11.2015).
8. *Feldenkirchen M.* Deutsche Verrohung: Was ist nur aus diesem Land geworden? // Spiegel. 03.11.2015. URL: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/markus-feldenkirchen-ueber-die-verrohung-deutschlands-a-1060807.html> (Behandlungsdatum: 09.11.2015).
9. *Oltermann P.* Germany asks: is it Ok to laugh at Hitler // The Guardian. 23.03.2014. URL: <http://www.theguardian.com/books/2014/mar/23/germany-finally-poke-fun-hitler-fuhrer> (mode of access: 09.11.2015).
10. *Buß C.* Hitler-Groteske „Er ist wieder da“: Vorsicht, Witz mit Bart // Spiegel. 07.10.2015. URL: <http://www.spiegel.de/kultur/kino/er-ist-wieder-da-hitler-groteske-nach-timur-vermes-a-1056231.html> (Behandlungsdatum: 09.11.2015).
11. *Altwegg J.* Hitler trägt einen Barcode // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 28.10.2015. URL: <http://www.faz.net/aktuell/feuilleton/debatten/streit-um-franzoesische-ausgabe-von-mein-kampf-13879417.html> (Behandlungsdatum: 09.11.2015).
12. *Hanfeld M.* Der Adolf in uns allen // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 03.11.2015. URL: <http://www.faz.net/aktuell/feuilleton/debatten/fragwuerdige-botschaft-der-hitler-satire-er-ist-wieder-da-13889773.html> (Behandlungsdatum: 09.11.2015).

**Военно-стратегические вопросы в Стратегии национальной
безопасности Польши 2014 г.**

**Military and strategic issues in Poland's National Security Strategy,
published at the end of 2014**

В статье дается анализ Стратегии национальной безопасности Республики Польша, принятой в конце 2014 г. Делается акцент на наиболее важных формах политического и военного сотрудничества между Польшей и ее союзниками. Особое внимание уделено сетцентрической концепции.

Ключевые слова: национальная безопасность, военное сотрудничество, кибербезопасность, вооруженные силы, асимметричные угрозы, сетцентрические возможности.

The article provides an analysis of the Poland's National Security Strategy adopted at the end of 2014. The most important element of a review is that forms of political and military cooperation between Poland and its allies. Paid attention to the network-centric warfare concept.

Keywords: national security, military cooperation, cybersecurity, armed forces, asymmetric threats, network-centric warfare.

В Республике Польша со времени принятия Стратегии национальной безопасности в 2007 г. произошли глубокие политические и социально-экономические изменения. Гибель президента страны Л. Качиньского, экономический кризис, развитие «зеленой энергетики» и добыча сланцевого газа, пенсионная реформа и повышение пенсионного возраста до 67 лет [1, с. 11], а также изменения во внешнеполитическом курсе страны внесли свои коррективы в меняющуюся картину национальных приоритетов безопасности Польши.

Стратегия национальной безопасности Республики Польша была утверждена Президентом Б. Комаровским 5 ноября 2014 г. Документ появился в

условиях перемен в сфере безопасности на востоке от границ НАТО и ЕС. В документе уделяется внимание охране польской границы, представляющей внешнюю границу ЕС, а также подчеркивается важность регионального сотрудничества и приверженность тесных связей с ЕС и НАТО.

Следует подчеркнуть, что во второй главе в части анализа глобального измерения безопасности отмечается, что процессы глобализации и формирование многополярного политического порядка создают внешние асимметричные угрозы, которые влияют на безопасность и стабильность государства [2]. В то же время, *асимметричность* является важным способом оптимизации усилий по обеспечению обороноспособности нашей (здесь – Россия) страны в условиях ограниченности имеющихся ресурсов [3, с. 181]. Таким образом, для Польши важно оперативно реагировать на появляющиеся внешние угрозы, в связи с чем в доктрине упоминается о повышении эффективности работы разведывательных служб. Как и в стратегии 2007 г. [4], членство в НАТО и ЕС повышает безопасность Польской Республики, и важным партнером за пределами Европы остаются Соединенные Штаты Америки. Нельзя не отметить, что Польша обеспокоена переориентацией внешней политики США в сторону Азии, в том числе и в сфере международной безопасности.

Важными с точки зрения нейтрализации угроз можно считать три основных стратегических направления в области польской безопасности: это укрепление национальной обороны; поддержка процессов, направленных на укрепление коллективной обороны НАТО, развитие Европейской политики безопасности и обороны (ЕПБО), укрепление стратегического партнерства (в том числе и с США) и отношений с партнерами в регионе; участие в деятельности международного сообщества, предотвращение и своевременное реагирование на кризисы [2].

Приоритетом обновленной стратегии является защита интересов страны, ее граждан, а также поддержание сильной экономики. Справедливости ради стоит отметить, что национальная безопасность невозможна без обеспечения обороноспособности страны – хорошо обученной профессиональной армии и воен-

ной промышленности как части экономики. Сильная экономика означает разумную сбалансированность гражданских и оборонных отраслей [5, с. 119].

Военно-стратегические вопросы в обновленной доктрине отражаются в укреплении активного положения Польши в системе нераспространения оружия массового уничтожения. Меры в военной области сосредоточены на готовности эффективно реагировать на военные угрозы нарушения территориальной целостности Польши. Решением этих задач занимаются Вооруженные силы Польши, в ведении которых находятся три типа миссий: обеспечение национальной обороны и противостояние агрессии; поддержка подсистемы защиты внутренней безопасности; участие в стабилизации международной обстановки.

Основными задачами Вооруженных сил Польши являются готовность к выполнению задач, связанных с обороной и защитой неприкосновенности границы; проведение стратегических оборонных операций на территории Польши; участие в антитеррористических операциях в стране и за рубежом; участие в оборонительных операциях за пределами страны согласно союзническим обязательствам ст. 5 Североатлантического договора; сбор разведывательных данных. К наиболее актуальным задачам в области национальной обороны относятся приобретение современной военной техники, создание новой качественной национальной системы ПВО, в том числе и создание ракетных установок. Необходимо дальнейшее развитие информационных систем для проведения разведывательных миссий с сетецентрической возможностью. Следует подчеркнуть, что сетецентрическая концепция повышает боевые возможности армии в вооруженных столкновениях. Ввиду вышеизложенного не следует забывать, что сердцевиной современного военно-стратегического баланса служит его наиболее опасный и разрушительный компонент – ядерные силы и средства, прежде всего стратегического назначения. При этом существует тесная связь как между рассматриваемыми по отдельности наступательными средствами сторон, так и между средствами наступления и обороны – и у противостоящих друг другу сторон, и внутри вооруженных сил каждой из них. В то же время существенное влияние на степень устойчивости баланса, особенно в ситуации

«ядерного пата», оказывают силы общего назначения и обычные вооружения [6, с. 162–163]. Приоритетными считаются способность польских вооруженных сил действовать в киберпространстве, создание защитных кибермеханизмов, а также развитие криптологии и производство национальных криптологических решений в целях обеспечения надлежащего уровня безопасности [2]. Такая постановка задачи предполагает большие изменения в структуре подготовки польской армии.

Польша расположена в центре Восточной Европы так, что по соседству наблюдается высокая концентрация военного потенциала, что, в свою очередь, вызывает наличие определённых рисков возникновения региональных и локальных конфликтов. Если в 1980-х гг. специалисты стран Организации Варшавского договора и НАТО активно обсуждали вопросы обеспечения стратегической стабильности применительно к обычным вооружениям и силам общего назначения в Европе посредством формул «ненаступательной обороны» и «непровоцирующей обороны» [6, с. 196], то сегодня Стратегия национальной безопасности Польши четко показывает, что главным аспектом стабильности является усиление строительства собственных оборонных возможностей и усиление европейской безопасности.

Резюмируем: Доктрина национальной безопасности Польши, а также принятая в начале 2015 г. Доктрина кибербезопасности Республики Польша [1] направлены на стратегическое планирование и контроль над польскими вооруженными силами и своевременное проведение операций в период нарастания военной угрозы.

-
1. *Jabłonowski J., Müller C.* Długookresowa ocena stabilności Polskiego systemu rentowego oraz jego możliwej reform. Warszawa, 2014. S. 114. URL: http://www.ey.com/PL/pl/Industries/Government---Public-Sector/Sprawne-Panstwo_Raporty (mode of access: 02.12.2015).
 2. *Strategia Bezpieczeństwa Narodowego Rzeczypospolitej Polskiej*, Warszawa 2014 r. S. 53. URL: <http://mon.gov.pl/dokumenty/> (mode of access: 02.12.2015).

3. *Потанов В. Я.* Национальная и международная безопасность: политические и военные аспекты // Полис. 2015. № 1.
4. Strategia Bezpieczeństwa Narodowego Rzeczypospolitej Polskiej, Warszawa 2007 r. S.37. URL: <http://mon.gov.pl/dokumenty/>, (mode of access: 12.07.2013).
5. *Конарева Л. А.* Национальная безопасность в свете теории доктор Э. Деминга // США – Канада : Экономика, политика, культура. 2015. № 2.
6. *Кокошин А. А.* Политико-военные и военно-стратегические проблемы национальной безопасности России и международной безопасности. М., 2013.
7. Doktryna cyberbezpieczeństwa Rzeczypospolitej Polskiej. Warszawa, 2015. URL: <http://mon.gov.pl/z/pliki/dokumenty/rozne/2015/05/DCB.pdf> (mode of access: 5.12.2015).

УДК 327.51+327.2+323.1(497.1)

О. Йоксимович

*Университет Париж Западный Нантер Ля Дефанс,
Париж, Франция*

Бомбардировки НАТО Сербии и их гуманитарные, экологические и экономические последствия

NATO bombing of Serbia and their human, environmental and economic impacts

В статье рассмотрены последствия авиаударов НАТО по Сербии. Исследована проблема соотношения НАТОвских бомбардировок Сербии с нормами международного права. Дана оценка факторов и масштабов вторжения войск на территорию суверенного государства. Сделан вывод о том, что агрессия НАТО нанесла стране огромный экологический, демографический и социальный ущерб. Сербский народ пострадал от агрессии НАТО и незаконной оккупации своей территории.

Ключевые слова: агрессия НАТО, бомбардировки Сербии, гуманитарные, экологические и экономические последствия.

The article examines the effects of NATO air strikes on Syria. NATO aggression caused the country great ecological, demographic and social damage. Economic losses are estimated at \$ 100 billion.. The Serbian people have suffered from the aggression of NATO and the illegal occupation of its territory.

Keywords: aggression of NATO bombing of Serbia, human, environmental and economic impact.

Вооруженные столкновения в Косово между албанскими террористическими группировками (Армией освобождения Косово) и сербскими правоохранительными органами начались в 1998 г. Чтобы остановить конфликт, НАТО без одобрения Совета Безопасности ООН нанесло военные удары против СРЮ. Бомбардировки длились 78 дней – с 24 марта 1999 г. по 10 июня 1999 г.

Союзная Республика Югославия была атакована под предлогом того, что она виновата за провал переговоров в Рамбуйе и Париже о будущем статусе Косово и Метохии (6–19 марта 1999 г.). После решения Парламента Сербии не принимать иностранные войска он предложил, чтобы силы ООН осуществляли надзор над мирным решением конфликта в Косово. А 24 марта 1999 г. в 19.45 НАТО начало авиаудары с использованием крылатых ракет и авиации по многим местам Сербии и Черногории.

По данным сербской газеты «Новости», уже в 1993 г. ЦРУ США планировало бомбить Югославию [1].

Военная интервенция НАТО против Югославии была начата без резолюции Совета Безопасности ООН, таким образом, был нарушен пункта 1 ст. 53 Устава ООН. Югославия не напала ни одну страну – член НАТО, следовательно, была нарушена ст. 51 Устава ООН, и эта интервенция не может считаться гуманитарной. НАТО воспользовалось этой терминологией, чтобы бомбить Югославию без разрешения Совета Безопасности ООН.

Последствия авиаударов были катастрофическими для населения, а также и для ее экономического развития. После бомбардировок НАТО 5 октября 2000 г. был начат «демонтаж» режима Слободана Милошевича с помощью организации «Отпор». Милошевич был отстранен от власти и отправлен в Гаагский трибунал.

В данной связи встает вопрос о том, соответствуют ли бомбардировки Югославии нормам международного права и считается ли агрессия НАТО против Югославии гуманитарной интервенцией. Гуманитарную интервенцию определяют как «насильственные действия государств в другом государстве, включая

применение вооруженных сил, без разрешения правительства этого государства, в соответствии с полномочиями, выданными Советом Безопасности ООН, или без оных, с целью предотвращения или прекращения грубых массовых нарушений прав человека или международного гуманитарного права» [2]. Хотя в некоторых чрезвычайных обстоятельствах вооруженная интервенция в ответ на серьезные нарушения прав человека и международного гуманитарного права может стать неминуемой, не хотелось бы, чтобы сообщество государств рассматривало подобную интервенцию или ситуации, ее вызывающие, как неизбежные. Если международное сообщество будет систематически прибегать к вооруженной интервенции в гуманитарных целях, это будет означать его практический отказ от своих обязанностей, а именно предотвращение конфликтов и содействие утверждению основных ценностей международного гуманитарного права.

Международное гуманитарное право не может служить основанием для проведения вооруженной интервенции в ответ на серьезные нарушения его норм; применение силы регламентируется Уставом ООН [2].

Итогом «гуманитарной интервенции» стала гибель 1 031 сотрудника сербской армии и полиции, были ранены около 6 тыс. граждан, в том числе 2 700 детей. Ранены 5 173 солдат и полицейских, а десятки людей считаются пропавшими без вести. Общий ущерб оценивается в десятки миллиардов долларов. Потери НАТО не были раскрыты. Кроме того, было уничтожено и повреждено 25 тыс. жилых зданий, 470 км дорог и 595 км железных дорог. Повреждено 14 аэропортов, 19 больниц, 20 центров здоровья, 18 детских садов, 69 школ, 176 памятников культуры и 44 мостов, а 38 были уничтожены.

Во время бомбардировок было проведено 2 300 воздушных ударов по 995 объектам по всей стране, и 1 150 боевых самолетов сбросили 420 тыс. боеприпасов общим весом 220 тыс. т. Войска НАТО выпустили 1 300 крылатых ракет и сбросили 37 тыс. кассетных бомб, а также использовали запрещенные виды вооружений с обедненным ураном. Была уничтожена треть системы электроснабжения страны, два нефтеперерабатывающих завода в городах Панчево и Нови-

Сад; кроме того, силы НАТО использовали так называемые графитовые бомбы, чтобы отключить систему электроснабжения.

Массированные натовские бомбардировки превратили практически всю территорию Югославии в зону экологического бедствия. Беспрерывные ракетно-бомбовые удары наносились по объектам нефтепереработки и нефтехимии. Прямые попадания ракет и бомб в хранилища топлива и нефтехимические объекты приводили к выделению в атмосферу большого количества опасных продуктов горения, имеющих длительное канцерогенное, мутагенное и тератогенное воздействие. Существенно пострадали водные системы Югославии. От натовских бомбардировок пострадали национальные парки. Известно более ста случаев, когда НАТО использовало в Югославии боеприпасы с начинкой из необогащенного урана. По оценке российских военных, блок НАТО сбросил на территорию Югославии не менее 30 т урана-238. Сербия первая по показателям смертности от рака в Европе. Эксперты утверждают, что это в значительной степени связано с результатом бомбардировок НАТО [3]. Агрессия НАТО нанесла стране огромный социальный ущерб, бомбардировки вынудили миллионы беженцев покинуть свои родные места. Экономические потери страны оцениваются в 100 млрд долл. США.

В марте 2004 г. албанскими экстремистами был совершен погром против сербского населения. Были разрушены сербские церкви, монастыри и культурные памятники. 17 февраля 2008 г. Косово провозгласило независимость от Сербии. Сербия обжаловала это решение в Международном суде ООН. Во время косовского конфликта были зафиксированы многочисленные случаи нарушений прав человека со стороны косовских властей и членов Армии освобождения Косово. Впоследствии был создан Специальный суд против членов АОК.

Сербский народ пострадал от агрессии НАТО и незаконной оккупации своей территории. Сербия была жертвой дезинформации со стороны западных СМИ. Никто не ответил за страдания сербского народа во время агрессии НАТО.

1. *Mijatović V.* // CIA: Bombardovanje Srbije planirano i 1993. 01. oktobar.

2. Риникер А. Позиция МККК по вопросу Гуманитарной интервенции // Международный журнал Красного Креста : сб. ст. М., 2001.

3. Posledice NATO bombi : Srbija je prva u Evropi po smrtnosti od tumora!
Srna. 25.03.2015. 13 : 07 h. Komentara: 53.

УДК 327(479.25)+327.7ООН+327.7СНГ

В. Д. Камынин, А. Р. Папоян

*Уральский федеральный университет,
Екатеринбург*

Международно-правовые аспекты превращения Армении в самостоятельного члена международного сообщества

International legal aspects of turning Armenia into an independent member of the international community

Статья посвящена процессу становления Республики Армения в полноправного члена таких международных организаций, как ООН и СНГ. Особое внимание уделяется статьям Уставов ООН и СНГ о членстве, а также правилам вступления, по которым Армения стала полноправным членом этих организаций.

Ключевые слова: Республика Армения, международные организации, ООН, СНГ, Устав ООН, Устав СНГ.

The article is devoted to the process of formation of the Republic of Armenia as a full member of international organizations such as the UN and the CIS. Particular attention is paid to Charters of the UN and the CIS, as well as the rules of entry, according to which Armenia has become a full member of these organizations.

Keywords: Republic of Armenia, international organisations, the United Nations, the CIS, Charter of the United Nations, Charter of the Commonwealth of Independent States.

Еще в период нахождения в составе СССР 23 августа 1990 г. законодательный орган Армении Верховный совет Армянской ССР провозгласил суверенитет, проголосовав за новое название – Республика Армения. 23 сентября 1991 г.

Республика Армения объявила о своей независимости. 16 октября 1991 г. президентом Республики Армения стал Левон Тер-Петросян.

Однако подлинную независимость Армения обрела после распада СССР. В 1992 г. завершился процесс реорганизации структуры государственной власти Республики Армения. С этого момента для Армении были открыты двери к развитию сотрудничества на международном уровне. Во многих странах мира были открыты посольства и консульства, в ряде международных организаций – постоянные представительства.

С первых дней провозглашения независимости Армения избрала путь интеграции в мировое сообщество, принимая активное участие в работе международных организаций. К 2015 г. Армения установила дипломатические отношения со 150 государствами и 50 международными организациями.

Из всех государств Армению не признал Пакистан, который поддерживал территориальную целостность Азербайджана во время карабахского конфликта. Тем не менее, после получения признания от большинства государств – членов ООН у Армении появились все шансы стать полноправным членом этой организации.

Признание нового государства — это акт, который могут совершить или отказаться совершить только другие государства. Как правило, этот акт означает готовность установить дипломатические отношения.

Такая организация как ООН не обладает никакими полномочиями признавать то или иное государство. Будучи организацией, объединяющей независимые государства, она может принимать в свои члены новые государства или принимать полномочия представителей нового правительства.

Порядок приема новых членов в организацию определен в ст. 4 Устава ООН, а также правилами процедуры Генеральной Ассамблеи и правилами процедуры Совета Безопасности. Согласно ст. 4 Устава, прием в члены ООН открыт для всех миролюбивых государств, которые примут на себя содержащиеся в Уставе обязательства и которые, по суждению ООН, могут и желают эти обязательства выполнять. Прием государств в члены Организации Объединенных

Наций производится решением Генеральной Ассамблеи по рекомендации Совета Безопасности.

В соответствии с правилами процедуры государство, желающее стать членом ООН, подает заявление Генеральному секретарю ООН. Прием производится постановлением Генеральной Ассамблеи по рекомендации Совета Безопасности. Первоначально заявление рассматривается учрежденным при Совете Безопасности комитетом по приему новых членов, который представляет Совету доклад со своими выводами. Рекомендация Совета Безопасности о приеме считается действительной, если за нее проголосовали не менее девяти членов Совета, включая всех постоянных членов. На сессии Генеральной Ассамблеи решение о приеме выносится большинством в две трети присутствующих и участвующих в голосовании членов Ассамблеи [1]. Армения оформляла свое членство в ООН именно таким путем, а также согласно ст. 4 Устава ООН.

29 января 1992 г. Совет Безопасности рассмотрел заявление Республики Армения о приеме в члены ООН и дал рекомендацию Генеральной Ассамблеи, которая приняла Армению в члены ООН 2 марта 1992 г. на 82-м пленарном заседании [2; 3].

Сохранив давние дружеские отношения с Россией, Армения 21 декабря 1991 г. присоединилась к Содружеству Независимых Государств (СНГ), как и многие другие бывшие советские республики. Согласно ст. 7 Устава СНГ, членами СНГ становятся государства-учредители, которые принимают на себя обязательства по Уставу в течение одного года после его принятия Советом глав государств. Государствами-учредителями содружества являются государства, подписавшие и ратифицировавшие Соглашение о создании СНГ и протокол к нему к моменту принятия настоящего Устава [4]. 18 февраля 1992 г. Армения ратифицировала Соглашение о создании СНГ и протокол к нему [5, с. 522]. 9 ноября 1993 г. она ратифицировала Устав СНГ [Там же, с. 523].

Таким образом, к 1992 г. Армения, получив международное признание, а также выполнив все обязательства при вступлении в ООН и СНГ, стала признанным членом международного сообщества.

-
1. Государства – члены ООН : О членстве // ООН [официальный сайт]. URL: <http://www.un.org/ru/members/about.shtml> (дата обращения: 12.01.2016).
 2. Генеральная Ассамблея – сорок шестая сессия. 46/227. Приём Республики Армения в члены ООН. 82-е пленарное заседание, 2 марта 1992 года. С. 2 / 46-я сессия (1991–1992) // ООН: Ресурсы и услуги; Документы; Генеральная Ассамблея; Резолюции. URL: <http://www.un.org/ru/ga/46/docs/46res.shtml> (дата обращения: 22.09.2015)
 3. Заявление Республики Армения : резолюция 735 (1992) от 29 января 1992 г. С. 158 // ООН: Ресурсы и услуги; Документы; Совет Безопасности; Резолюции. URL: <http://www.un.org/ru/sc/documents/resolutions/1992.shtml> (дата обращения: 22.09.2015).
 4. Устав Содружества Независимых Государств // Исполнительный Комитет СНГ. URL: <http://cis.minsk.by/page.php?id=180> (дата обращения: 12.01.2016).
 5. О судебной практике Экономического суда СНГ по толкованию учредительных документов Содружества: доклад зам. Председателя экономического суда СНГ С. Ж. Жолдыбаева и главного советника процессуально-правового отдела Экономического суда СНГ Т. Н. Зацепиной на междунар. науч.-практ. конф. «20 лет Содружеству Независимых Государств» (28–29 сент. 2011 г.). // Экономический суд Содружества Независимых Государств : пресс-центр; статьи. 2011. URL: <http://sudsng.org/press/article/> (дата обращения: 12.01.2016).

УДК 323.1(560)+316.42

Н. В. Козыкина

*Уральский федеральный университет,
Екатеринбург*

Гёзлер С.

*Университет Акдениз,
Анталья, Турция*

Борьба курдов в Турции

The Struggle of Kurdish Citizens in Turkey

В статье раскрыты причины конфликтных взаимоотношений между турецким правительством и курдским населением страны. Сделан вывод о невозможности создания единого и независимого Курдистана.

Ключевые слова: история курдского населения, политика Турции в отношении курдов, курдско-турецкие сообщества.

The paper investigates the causes of the conflict between the Turkish Government and Kurdish population. The conclusion about the impossibility of creating a united and independent Kurdistan is given.

Keywords: historical background of Kurdish population, “mountain Turk”, Kurdish-Turkish societies in 1938–1960s and 1960s – 2015.

Backgrounds (1938–1960s). The best way to understand the reason that lies behind of the Turkish-Kurdish conflicts is to look at the background of the conflict through its history. Kurdish history has its roots from the Ottoman Empire time, and, is known mostly with rebellion. Kurdish people have been living in the eastern and southeastern regions of Turkey (15–18 % of the general population of the Kurds in Turkey with almost 20 mln) [1]. There is an important geographical point that southeastern region of Turkey is quite mountainous region compared to western regions of Turkey. In this view, Kurdish population of this region is sometimes named “mountain Turk”. This fall short caused the lack of distribution on logistics to those areas in the first establishment years of Turkish Republic in 1920s. That’s why the forced relocation of Kurdish populations was considered as one of the means to resolve the problem. World War I and Independence War had caused financial and politic problems at the first place. This made it almost impossible to reach out to people in South Eastern Region for a long time. Also Kurdish people had been exposed to provocation by other reputed the Kurds such as Sheikh Said and other elderly members of large families who had an alliance with other countries in exchange of having an independent country in the area where all the Kurds currently live on. Instead of dependent Kurdish country the Kurds had chosen to revolt against new Turkish Government. Although the Kurds in Turkey had been involved in rebellion against Turkish Government, Government had managed to suppress the uprising. Other Kurdish rebellions in 1930 and 1938 were crushed by the Turkish government [2, p. 197].

In 1938 Turkish Government started new development policies about education of people on all over the country including southeastern regions. The project “Village

Institutes” was aimed to raise teachers for next generations and to educate local farmers in order to implement projects on agriculture. Southern regions have been developed just like other regions with those Institutes but the project ended in 1954 as a political compromise to the United States and the Truman Doctrine because it was seen as a Soviet work to politicians of the USA and this slowed down the process of industrial, agricultural and social development of the region.

Most of the old established governments had failed to improve life standards on Kurdish citizens in the region by lack of services such as family planning, education on birth control, reintegration of unemployed people, social security planning etc. But except the election times. In order to raise participation on elections and have votes from uneducated citizens governments used the way of tricking them with temporary vital supplies such as giving food, clothes and coal to poor families. However recent governments had tried to integrate the eastern region of the country to the rest of it by providing those mandatory services as it was mentioned above but it was still not enough and too late for those actions because people had already started to search solutions for themselves in good or in bad directions.

Therefore domestic migration situation has surfaced. The Kurds has started to migrate to metropolitan western cities to get a better chance with life and living standards such as Istanbul, Izmir, Ankara etc. even though those cities were quite different in their social parameters from southern and eastern cities. Turkey has different cultures in west and east as the result of being Eurasian country. Thus, migration had come with adaptation issues in western societies as well as western cities had hard times to accept the existence of a different culture with different views of life and the same happened with the Kurds. They were forced to work in terrible work conditions doing awful jobs just because they were not enough qualified and uneducated; this issue still exists in Turkey as a social discrimination. Migrants faced the choice of whether to be assimilated by western culture or to keep their own traditions just like in the old times. Most of them started Kurdish Communities in those cities. Assimilation into the Turkish society failed. In 1950s, the integration of Kurds within the Turkish republic evaluated. But it was halted with the 1960 Turkish coup d’etat.

Political events of modern times had a devastating impact on the Kurds. On May 27, 1960 Turkey had faced with a brutal military coup which was the consequence of political decisions taken by the Democrat Party's Leader Adnan Menderes and his colleagues who were more tolerant and respectful to the Kurdish minorities [3]. The junta came to power, whose purpose was to keep Turkey an indivisible entity and break Kurdish population into smaller groups mixing the population's ethnicity.

In 1970's, the internal separatist movement coalesced into the Marxist-Leninist Kurdistan Workers' Party (PKK) which was established by Abdullah Öcalan. Its aim was to form Kurdish autonomy. They began to attack the machinery of government [4]. PKK was regarded as a terrorist organization by Turkey and a number of allied states and organizations around the world, including the United States, NATO, and the European Union [Ibid.]. From 1984 to 1999, the Turkish military was embroiled in a conflict with the PKK. The "village guard system" was set up and armed by the Turkish state around 1984 to combat the PKK [5, p. 42, 46]. The militia comprised local Kurds and it had around 58,000 members. Some of the village guards were fiercely loyal to the Turkish state, leading to infighting among Kurdish militia. That was the time that started human rights violations among the Kurds and Turks in the country. Turkish justice and punishment system has violated the rights of Kurdish prisoners. Most of the prisoners were killed and buried as unknown. Some of the Kurds has joined the PKK in order to get revenge but this caused more violence for the Kurds and Turks at the mean time. Kurdish and Turkish citizens lost their trust to the government that it could not provide security anymore.

Turkish government had denied the existence of the Kurds for so long that Kurds had started to lobby in European countries primarily in Germany with Kurdish Diaspora and the USA for their rights and Kurdish autonomy. The Turks and Turkish government had hard time to accept the political existence of the Kurds in politics. The Kurds has founded a couple of political parties which were shut down with the reasons like treason, separatism, social conflict. In 2014 on the presidential elections, the leading sachem Selahattin Demirtas participated as a competitor to Recep Tayyip Erdoğan. Even though he lost in the elections, this was a great leap of more clear pol-

itics on the Kurds side. On the general elections of June 2015, HDP (Halkların Demokratik Partisi), the latest representative party of the Kurds had made it to the National Assembly of Turkey. Although it's quite known that they have connection with PKK even though they deny that they have but however they have found supporters from different levels of social strata. Erdoğan's reaction to their success on election was quite aggressive and he demanded for re-election on November 2015 because AKP – the last party in power – lost a great amount of representatives on the National Assembly which affected their ability to pass laws with being the majority in the National Assembly. During the time between those two elections, Erdoğan and Prime Minister Ahmet Davutoğlu began a campaign against HDP, and terrorist attacks against innocent people have been continued with the help of Erdoğan's decision of using PKK in domestic terrorism in order to create bad reputation for HDP. In the second general election, HDP's vote percentage dropped from 13,1 to 11,9 % at the mean time Erdoğan's Party AKP had a dramatic increase such as 40,9 to 49,9 % with the help of Nationalist Movement Party (MHP).

According to belief of Mesud Barzani and Abdullah Öcalan, if they can obtain lands from Turkey, other Kurdish regions will join the Kurdistan. The populations of the Kurds in Turkey are relatively higher than other Kurdish regions because Turkey is a relatively more civilized and democratic country. That's why Turkey has the largest population of the Kurds with at least 50 % of them who are either blended with the rest of the population or they want to remain as citizens of Republic of Turkey. However today Kurdish Militia is seen as a force that can be used against ISIS, they have been trained by the US with the help of Kurdish lobbying factor but this action didn't pay well and created an opportunity for Russia to control that regions.

In the conclusion, it is worth to mention that the idea of an independent Kurdish country is quite impossible for today's condition; it's a utopia because there are the Kurds who don't want any kind of independence. When the Republic was first established, it was built on the basis of nationalism based on citizenship which means whatever ethnicity a person has if he or she is carrying Turkish citizenship is consid-

ered as a Turk. There are people who are fine by this type of rule in the country and they should not be underestimated as well.

1. *Yildiz K.* The Kurds in Turkey : EU Accession and Human Rights. L., 2005. URL: <https://www.questia.com/library/journal/1P3-985448611/the-kurds-in-turkey-eu-accession-and-human-rights> (mode of access: 11.12.2015).
2. *McDowall D.* A Modern History of the Kurds. N. Y., 2004. URL: http://www.academia.edu/7267805/David_McDowall_-_A_Modern_History_of_the_Kurds (mode of access: 02.11.2015).
3. *Ayvazoglu E.* Adnan Menderes and the transition to democracy. URL: <http://www.dailysabah.com/opinion/2014/05/13/adnan-menderes-and-the-transition-to-democracy> (mode of access: 13.11.2015).
4. *Hatem R., Dohrmann M.* Turkey's Fix for the "Kurdish Problem" Ankara's Challenges. URL: <http://www.meforum.org/meq/pdfs/3667.pdf> (mode of access: 13.11.2015).
5. *Çancı H., Şen Ş. S.* The Gulf War and Turkey: Regional Changes and Their Domestic Effects (1991–2003) // Intern. J. on World Peace. Mar. 2011.

УДК 327(470)(261.24)+355.015+327.51НАТО

Н. В. Козыкина,

Уральский федеральный университет,

Екатеринбург

Т. Пеллинен

Университет Тампере,

Тампере, Финляндия

Активность ВВС России как инструмент внешней политики в регионе Балтийского моря в 2014 г.

Russian military activity as a foreign policy tool in the Baltic sea region in 2014

В исследовании формулируется гипотеза о том, как Россия могла бы капитализировать свою внешнюю политику на активности своих военно-воздушных сил в регионе Балтийского моря. Ситуация рассматривается с точки зрения политики принуждения и проецирования силы.

Ключевые слова: Россия, НАТО; внешняя политика; Балтийский регион; военная активность; политика проецирования силы.

The study formulates a hypothesis about the ways Russia could capitalize military action in the Baltic Sea region in its foreign policy. The situation is seen from the viewpoints of coercion and power projection. This theoretical framework will make it easier to form a grounded view of what kind of possibilities the Russian actions would have opened.

Keywords: Russia; NATO; foreign policy; the Baltic Sea region; military activity; power projection.

In spring and summer of year 2014, Russia's military was involved in unusual amount of activity in the Baltic Sea, North Sea and the Beaufort Sea regions. This happened when the relations between Russia and the West were heavily strained after Russia's annexation of Crimea in March 2014 and the start of heavy fighting in Eastern Ukraine. Most of this activity happened in the Baltic Sea region, where the Baltic countries, Poland, Germany, and Denmark are all NATO members, and both Sweden and Finland have established a long-time cooperation with NATO. So, majority of nations bordering the Baltic Sea are NATO members, and all others are at least affiliated with it. As a response to the Ukrainian crisis, however, NATO and Russia have suspended their cooperation. Thus, increased Russian military activity in the Baltic Sea region was done in a context of heightened tensions and quite NATO-centric geography. The reason for these actions was and still is unknown, but when they happened, they caused quite a stir in the nations around the Baltic Sea.

The situation is researched from the viewpoints of coercion and power projection. This theoretical framework will make it easier to form a grounded view of what kind of possibilities the Russian actions would have opened.

In the Baltic Sea region, NATO states conducted over 100 intercepts of Russian aircrafts between January and October 2014. This is three times more than intercept missions during the whole year of 2013. For example, Russian airplanes violated Estonian airspace 6 times during the time period, as compared to the years 2006–2013, during which a total of 7 violations happened overall [1, p. 1–2].

In Finland, there happened 5 airspace violations during the time period, when during the years 2005–2013 a total of 9 airspace violations were made by Russia [2]. There were also some naval incidents, but vast majority of military actions involved Russian air forces. Frear, Kulesa and Kearns described 39 incidents involving Russian military in the Baltic Sea region during a time period from March to October 2014 [1, p. 2–8].

Most of the incidents were of routine or near-routine in appearance, but there were also 7 serious incidents which did not fall into the pattern of usual activity, and they were seen more aggressive than usual. These included, for example, a major military exercise in the Baltic Sea, a simulated attack on a Danish island and near collisions and very close fly-bys by Russian fighter and reconnaissance jets towards other aircrafts, including a passenger plane [Ibid, p. 2–6].

On the other side, NATO has also increased its military deployments in the area: the amount of fighter jets used for the Baltic Air Policing Mission was quadrupled from 4 to 16 jets; there have been an increase in AWACS reconnaissance flights; NATO's naval presence has been strengthened; and military exercises have been conducted [Ibid, p. 9].

Power projection is quite a self-explanatory term. In short, it can be understood as “the deployment of military force beyond one's own capital” [3, p. 123] or, to expand that line of thought, beyond one's own borders. Fariss assumes that “it is impossible for actors to engage in interstate war, expansionist foreign policies, or the production and deployment of coercion without engaging in power projection. The ability to project power is therefore a necessary, but not sufficient condition for war, empire, and the establishment and governance of regional and global orders. So, states cannot engage in war with other states without projecting power, and they cannot maintain global orders without the ability to project power [Ibid, p. 120].

Russian military airplanes flying over the Baltic Sea even as far as Denmark are quite clearly a form of power projection. Above, Markowitz and Fariss mentioned war, expansionist foreign policies and coercion as actions that are not possible without the ability to project power. Summed in other words, to use military actions

in foreign policy, a capability to project power is needed. We would even go as far as to suggest that any form of power projection contains aspects of foreign policy. Power projection outside state borders without having some kind of foreign policy effect is not possible.

This, however, does not necessarily mean that all power projection is done with foreign policy in mind. For example, it could be possible to think of reconnaissance flights as purely a form of military intelligence gathering, that being the motivation to conduct them, but that would entail ignorance, willful or honest, about the possible effects it could have on foreign policy perceptions of situations.

The untypical aggression and seriousness of the incidents with Russian military in the time period of this study suggest that there was a foreign policy element present. Surveillance and reconnaissance alone would not have been sufficient motives for these kinds of actions, especially in a context of heightened tensions.

As for coercion, it can be defined as “the use of threatened force, including the limited use of actual force to back up the threat, to induce an adversary to behave differently than it otherwise would” [4, p. 10–11]. Two subcategories are considered in coercion: compellence and deterrence, with compellence making an actor to do something or retract something that is already done, and deterrence preventing an actor from doing something. Deterrence can also be divided into two types: general deterrence (involves preventing an action, whether it is planned or not) and immediate deterrence (focuses on a specific, planned event) [Ibid].

According to Byman, military force is a vital foreign policy tool that can affect changes in national decision-making that sanctions, international law and so on cannot easily do [4]. They suggest that because there are limited ways to use military force in foreign policy, the potential value of its use in coercion increases when compared to other military options. They speak of absence of viable alternatives in different uses of military force short of actual military operations aimed to destroy and kill, but we would add that this hike in coercion's relative worth also holds true in situations where diplomacy, sanctions and other non-military means of affecting national decision-making are ineffectual.

The situation surrounding the Baltic Sea region was conducive for coercion. Many Western countries had introduced sanctions on Russia, and Russia had answered in kind. NATO had frozen all cooperation with Russia, and the diplomatic channels between Russia and the West were strained. In this kind of environment, the relative value of coercion as a foreign policy tool would rise. Overt military conflict between NATO and Russia would likely have escalated tremendously and unpredictably and thus be undesirable, but many usual channels of influence were rendered ineffective.

The increased Russian military activity in the Baltic Sea region in 2014 fits in the characteristics of coercion. Deviating from the usual patterns of activity in a tense situation can be seen as an unspecified threat: something has changed in the activities of the other, and there are troubles in other areas too, like in Ukraine. What does this mean, are we now in danger, what should we do? Creating this kind of uncertainty worked as general deterrence coercion towards states surrounding the Baltic Sea. This, in turn, could have been done to further at least three goals that were beneficial for foreign policy of Russia: 1) drawing a reaction, 2) managing the tension, and 3) freezing the situation.

Firstly, by drawing a reaction, we mean that the increased military activity gave Russia an instrument to gauge the willingness and modes of reaction of NATO and the states in the area. In addition to military information, such as measuring the adversaries' ability to detect and intercept aircrafts, this would lead to other information generation. What kind of action would NATO take? What would be the diplomatic repercussions? What would be the thoughts of NATO membership in Sweden and Finland? This would also have the effect of showing to, for example, the Baltic countries what kind of help they would be getting from the rest of NATO.

Secondly, initiating the rise of tension gave Russia a measure of control over it. By turning the tension-screw tighter by themselves, it narrowed the latitude that other actors in the same space would have had. By creating appearance of military threat first, the adversaries would have to take it into account when planning their actions in the region. This is one of the main benefits of general deterrence coercion: when

situation is made tense, the adversary has to do a lot more difficult calculations when trying to decide what to do, as the worst case scenario of choosing wrong makes the choice more dangerous. By taking the initiative, Russia took to itself also the possibility to lessen the tension on its own accord.

Thirdly, partly due to second point, this tension made it harder for the West to come to decisions about the situation of Ukraine. Because of Russian military activity in the Baltic and other regions, there was created an impression that this situation might have been a prelude for a bigger operation: not only was Ukraine under a lot of pressure, but pressure was also directed directly at NATO and the West. Having no clear knowledge about the Russian plan behind the military action or what were Russian goals in Ukraine, this uncertainty would slow the West's decision making and make many states careful to not escalate the situation unpredictably.

Frear, Kulesa and Kearns suggest that there were also other propaganda and political elements involved [1, p. 9–10]. To them, this military activity could be seen as a demonstration of Russia's capability to use force for intimidation and coercion in its immediate neighbourhood. For Sweden and Finland, it was a message that it would be detrimental to integrate further with NATO. For NATO member countries affected, the activity could undermine the confidence that NATO would be able to support them in crisis.

There were also military aspects and goals at play, notably intelligence-gathering, boosting morale in Russian military and being able to test military hardware and train Russian military personnel in almost war-like situation against a technologically advanced opponent [1, p. 10].

So, in essence, military activity in the Baltic Sea in 2014 would fit in the idea that Russia's goal for this power projection was posturing and coercion aimed at the other nations around the Baltic Sea, and through them to NATO and EU. By upping the tension and uncertainty, Russia created a situation where harsh courses of actions, like direct military aid to Ukraine, would seem hazardous. This was probably also done to hit the tensions inside NATO, most notably that between United States and the careful Germany and that between the Baltic states and the rest of NATO. It is

also suggested that there seemed to be a pattern that some Russian actions were synchronized with major diplomatic events, like the US President Obama's visit to central Europe, Ukrainian President Poroshenko's visit to Canada and the US, or the NATO Summit in Wales [Ibid]. This would lead further credibility to the idea that this activity had political roots.

This type of action would also fit well into the Russian military tradition of *maskirovka*, where armed force is cleverly used to create an appearance of much greater power and threat than actually is at play in the situation.

Of course, this argument is by nature speculative. The nature of military things is that the actual decision-making process is unlikely to come before the eyes of the public any time soon. The argument is only one of the many possible, and empiric inquiry would be direly needed to use a hypothesis like this for supporting any policy decisions. Future research could be done on confirming the possible link in timing between diplomatic events and incidents concerning both Russian military and the Baltic Sea states. It would also be possible to look into the official statements of President Putin and Russian government given in response to these incidents to see if there are any implications that would support or erode our hypothesis.

-
1. *Frear K. K.* Dangerous brinkmanship: Close military encounters between Russia and the West in 2014 // European Leadership Network. Policy brief. L., 2014. URL: <http://www.europeanleadershipnetwork.org/medialibrary/2014/11/09/6375e3da/Dangerous%20Brinkmanship.pdf> (mode of access: 01.10.2015).
 2. YLE Uutiset. Ennätysmäärä ilmatilaloukkauksia – näin Suomea on loukattu 10 vuodessa. 29.08.2014. http://yle.fi/uutiset/ennatysmaara_ilmatilaloukkauksia__nain_suomea_on_loukattu_10_vuodessa/7441693 (mode of access: 28.11.2015).
 3. *Markowitz J., Fariss C.* Going the distance: the price of projecting power // Intern. Interactions. 2013. № 39. P. 119–143. Taylor & Francis Group. URL: <http://polisci2.ucsd.edu/cfariss/documents/MarkFariss2013II.pdf> (mode of access: 18.10.2015).
 4. *Byman W. L.* Air Power as a coercive instrument. RAND, Washington. 1999. URL: <https://www.rand.org/content/dam/rand/reports2007/MR1061.pdf> (mode of access: 28.11.2015).

Исламский экстремизм в Узбекистане

Islamic extremism in Uzbekistan

Статья посвящена анализу истоков формирования и особенностей действия экстремистских группировок на территории Республики Узбекистан. Рассматриваются этапы формирования проблемы после распада СССР, влияние внешних факторов, а также основные риски и вызовы на современном этапе.

Ключевые слова: Узбекистан, Средняя Азия, исламский экстремизм.

The article is devoted to the analysis of roots and specific features of extremist layouts in the Republic of Uzbekistan. The aspects covered include the stages of extremism establishment after the collapse of the Soviet Union, the influence of external factors and the current risks and challenges.

Keywords: Uzbekistan, Central Asia, Islamic extremism.

После развала СССР в 1991 г. вновь открытые для контактов с мусульманским миром страны Средней Азии начинают усиленно компенсировать свою «религиозную отсталость», являясь плодородной почвой для набирающих силу экстремистских организаций. Наиболее интересной для исследователей на сегодняшний день является ситуация, сложившаяся в Республике Узбекистан. Из всех бывших советских республик именно Узбекистан в начале 90-х гг. XX в. стал центром радикального исламизма, отбросившего сдерживающий советский фактор. Представители Исламской партии Возрождения, движения «Воины ислама» и множества других радикальных исламских группировок в 1996 г. вошли в состав «ИДУ» – Исламского движения Узбекистана (после 2002 г. – «Исламская партия Туркестана»). Само движение, зародившееся в полулегальных общественных объединениях, прошло сложный этап становления, приняв

участие в гражданской войне в Таджикистане в составе вооруженных формирований Объединенной таджикской оппозиции (ОТО) и зарекомендовав себя в качестве союзника движений «Талибан» и «Аль-Каида» [1].

Лидеры движения Тахир Юлдашев и Джума Намангани разрабатывали целую инфраструктуру подрывной диверсионной деятельности, однако до 1999 г. правительство Узбекистана проводило по отношению к замещающему советскую идеологию исламу в целом политику невмешательства и либерализма.

Политика правительства изменилась после первых терактов. 16 февраля и 6 августа 1999 г. на территории Узбекистана было проведено два террористических акта. Это заставило правительство пересмотреть свое либеральное отношение к активизации замещающей идеологии ислама, принимавшей под воздействием внешних факторов радикальный уклон. Президент Ислам Каримов в своем официальном заявлении обвинил в терактах исламских экстремистов [2].

Так в Узбекистане был закрыт целый ряд медресе, создан государственный орган – Управление мусульман Узбекистана, благодаря которому брались под контроль назначение имамов в мечетях, составление учебных программ медресе, цензура религиозной литературы и анализ «политической пригодности» работников мечетей. Кроме того, 7 апреля 1999 г. был основан Ташкентский исламский университет при Кабинете министров Республики Узбекистан. В соответствии с постановлением Кабинета министров, данный университет был создан «в целях глубокого изучения, бережного сохранения, доведения до грядущих поколений богатого и уникального духовного и культурного наследия исламской религии, а также повышения уровня знаний населения в этой области, подготовки высококвалифицированных специалистов, отвечающих современным требованиям» [3]. Объективно университет был создан для формирования в обществе понятий фундаментального традиционного ислама, исключаящего понятия радикализма и экстремизма.

С 2001 г. внешняя политика Узбекистана начинает ориентироваться на Запад. Правительство Узбекистана дает положительную оценку действиям войск США и НАТО в Афганистане в рамках борьбы с террористической угрозой,

оказывает им возможную помощь, в том числе открытием военной базы США в Ханабаде. Подобная переориентация вызывает целый ряд из шести террористических актов 2004 г. Ответственность за теракты берет на себя Исламское движение Узбекистана. «ИДУ» признается террористической организацией и Россией (с 2003 г.), и США [4]; кроме того, организация также берет на себя ответственность за несколько терактов на территории Киргизии [5].

Данные события привели в том числе к беспорядкам в г. Андижан в мае 2005 г. Судебные процессы над участниками экстремистских организаций спровоцировали вооруженный переворот, который был жестоко подавлен силовыми структурами Узбекистана. Негативная оценка Западом данных событий, а также последующий ввод эмбарго Евросоюзом и Конгрессом США приводят к смене политического курса в сторону России. Ташкент добивается закрытия военной базы США на территории страны. С этого момента начинается политика лавирования Узбекистана между двумя державами, чьи интересы пересекаются в Центрально-Азиатском регионе.

В последующие годы все вышеперечисленные факторы продолжали оказывать влияние на развитие экстремизма в регионе. В настоящее время в Средней Азии проявляется и угроза, исходящая от террористической организации «Исламское государство». С концепцией «ИГ» коррелируют планы «ИДУ» по созданию исламского государства в Ферганской долине. В 2014 г., по некоторым данным, «ИДУ» заявило о присоединении к боевикам «Исламского государства» [6].

Кроме того, активное проникновение членов «ИГ» в последние месяцы 2015 г. на территорию Афганистана повышает риски распространения экстремизма в соседних государствах [7]. По данным британских СМИ, под контролем «ИГ» находятся четыре уезда к югу от Джелалабада [8].

Таким образом, исламский экстремизм и его все более широкое, в силу внутренних причин и внешних факторов, распространение в настоящее время являются достаточно серьезной угрозой безопасности Узбекистана и всей Средней Азии в целом. Наиболее опасным дестабилизирующим фактором в

данном контексте является ситуация в Афганистане. Создается прямая угроза возникновения на территории бывших советских республик очага террористической агрессии «Исламского государства».

1. *Аскарлов А.* Исламское движение Узбекистана : История трансформаций // Информационно-аналитический центр МГУ. 10.03.2009. URL: <http://ia-centr.ru/expert/4063/> (дата обращения: 28.11.2015).
2. Теракты и беспорядки в Узбекистане // РИА Новости. 26.05.2009. URL: [html](#) (дата обращения 02.12.2015).
3. Об организации деятельности Ташкентского исламского университета : постановление Кабинета министров Республики Узбекистан от 6 мая 1999 г., № 224 // URL:
4. Организации, признанные террористическими на основании решений Верховного Суда РФ // Антитеррористический центр государств – участников СНГ. URL: [/134/160/208](#) (дата обращения: 03.12.2015).
5. К терактам в Киргизии причастны члены организации «Исламское движение Туркестана» // NEWSru.com. 24.06.2003. URL: (дата обращения: 06.12.2015).
6. ИДУ заявило о присоединении к ИГ // Новости МК.ru. 06.10.2014. URL: <http://www.mk.ru/politics/2014/10/06/islamskoe-dvizhenie-uzbekistana-zayavilo-o-prisoedinenii-k-ig.html> (дата обращения: 06.12.2015).
7. Isis invades Afghanistan // The Times. 05.12.2015. URL: <http://www.thetimes.co.uk/tto/news/world/asia/afghanistan/article4633105.ece> (mode of access: 10.12.2015).
8. Isis spreads to Afghanistan as 1,600 militants pledge allegiance to terror group // The Independent. 05.12.2015. URL: <http://www.independent.co.uk/news/world/asia/isis-spreads-toafghanistan-as-1600-militants-pledge-allegiance-to-terror-group-a6761591.html> (mode of access: 10.12.2015).

Перспективы экономического и финансового сотрудничества Российской Федерации и Кореической Народно-Демократической Республики

Prospects of economic and financial cooperation between the Russian Federation and the Democratic People's Republic of Korea

Статья посвящена вопросам экономического и финансового сотрудничества России и Северной Кореи в рамках процесса стабилизации ситуации на Кореическом полуострове, а также создания регионального экономического «треугольника» с участием Южной Кореи для стимулирования разрешения политических проблем региона.

Ключевые слова: Россия; КНДР; Южная Корея; экономика; российско-северокорейские отношения; финансовое сотрудничество; Кореический полуостров.

This article deals with issues of economic and financial cooperation between Russia and North Korea, which is aimed at regional stabilization of the Korean Peninsula, creation of a new regional economic “triangle”, encompassing South Korea and resolving of regional political issues.

Keywords: Russia; DPRK; South Korea; economics; Russia-North Korean relations; financial cooperation; Korean Peninsula.

На сегодняшний день весьма актуальным представляется сотрудничество Российской Федерации и КНДР в экономической сфере для постепенной интеграции Северной Кореи в мировую экономику, особенно с учетом серьезных изменений в экономической и финансовой сферах, проводимых северокорейским руководством уже несколько лет с приходом к власти в стране нового руководства во главе с Ким Чен Ыном. Одним из последних сигналов о продолжающейся либерализации северокорейской экономики является оживление финансовой и банковской систем страны – впервые за последние 25 лет в Пхеньяне состоялся Третий съезд северокорейских финансистов и банкиров [1]. Од-

нако нужно задаться и вопросом, насколько актуально это сотрудничество, когда Северная Корея, например, занимает последние места в индексах по восприятию коррупции, а идеи автаркии продолжают оставаться фундаментом для идеологии чучхе?

Мероприятия по либерализации экономической сферы жизни в КНДР являются логическим продолжением общей политической линии Ким Чен Ына, которая прекрасно вписывается в идею построения «диктатуры развития». Некоторые эксперты и обозреватели, в частности, считают, что подобные действия могут быть сигналом к началу очередного витка серьезных реформ [2]. Очевидно, что привлечение Российской Федерации к процессу экономического развития КНДР является одним из ключевых факторов реализации данной политической линии.

За последние несколько лет в российско-северокорейских экономических отношениях наметился явный прогресс. Самым первым ярким шагом в двусторонних отношениях между Россией и КНДР стало списание российской стороной КНДР 90 % астрономического долга в 11 млрд долларов США, а также совместная инвестиция оставшихся 10 % в совместные проекты в сферах образования и науки, медицины и социально-экономического развития [3]. Подобный шаг с российской стороны был безусловно позитивно воспринят северокорейскими соседями.

В свою очередь, укрепление государственной власти в КНДР со стороны Ким Чен Ына, стремление северокорейского руководства к социально-экономическим реформам, а также ликвидация особо ярого «ястреба», начальника Генерального штаба КНА вице-маршала Ли Ен Хо, произвели достаточно благоприятное впечатление не только на международное сообщество в целом, но и на Россию в частности [3].

Дальнейшее развитие связей с Россией идет, как известно, на фоне ослабления взаимодействия Пхеньяна с Пекином. Проблема заключается не только в том, что Пхеньян проводит ракетно-ядерные испытания; она усложнилась, ко всему прочему, казнью Чан Сон Тхэка. В частности, изменения в политических

предпочтениях Пхеньяна демонстрируют и существующие экономические показатели: за 2014 г. северокорейский экспорт в Китай впервые сократился (на 2,9 %), в то время как в Россию – вырос почти на 32 % [4]. Разрыв в абсолютных показателях между объемами российско-северокорейской и китайско-северокорейской торговли, безусловно, очевиден и составляет на сегодняшний день 60-кратный коэффициент [5]. Тем не менее, процентные изменения данных показателей в целом неплохо иллюстрируют меняющиеся настроения северокорейских элит.

В целом, если рассматривать внешнюю политику Ким Чен Ына по отношению к России, то становится очевидным, что КНДР здесь движет в основном геополитический аспект, в то время как Российская Федерация руководствуется еще и в определенной степени экономическими интересами [6]. Здесь следует выделить другой важный теоретический фактор концепции неочучхе, которой придерживается Ким Чен Ын в рамках экономического сотрудничества с любыми государствами, – это использование идеи балансирования между различными источниками внешней помощи для предотвращения полной зависимости от одной из сторон. Эта идея не нова, впрочем, как и многие другие внешнеполитические стратегии Северной Кореи, и реализовывалась весьма благополучно в период правления Ким Ир Сена.

В связи с этим Ким Чен Ын, ликвидировавший китайского ставленника Чан Сон Тхэка, теперь пытается найти дополнительные гарантии безопасности, а также провести определенную диверсификацию во внешней торговле, в чем КНДР может помочь Россия. Второе на сегодняшний день представляется мало реализуемым, хотя Министр Российской Федерации по развитию Дальнего Востока Александр Галушка настроен оптимистично: планируется увеличить объем взаимной торговли между Россией и КНДР до 1 млрд долларов США к 2020 г. [7]. С северокорейской стороны уже были проведены достаточно интересные, и даже можно сказать, беспрецедентные шаги – российским предпринимателям упростили выдачу виз, сделали возможным многократный въезд, а также разрешили пользоваться на территории страны Интернетом [Там же].

Кроме того, обе стороны перешли к расчету в рублях во взаимной торговле, а также договорились согласовывать решение проблем межбанковского взаимодействия. Тем не менее, проблема заключается в другом – за счет чего именно будет расширяться торговый оборот между странами (табл. 1, 2)? Насколько северо-корейская сторона готова к повышению транспарантности своей экономической системы?

Таблица 1

**Основные виды импортируемой продукции Северной Кореи
в Россию (тыс. долл. США) [8]**

ТН ВЭД	Продукция	2013	2014	Изменение за год
62	Предметы одежды и принадлежности к одежде, кроме трикотажных машинного или ручного вязания	\$3850	\$4699	22,1 %
84	Реакторы ядерные, котлы, оборудование и механические устройства; их части	\$1131	\$1403	24,0 %
92	Инструменты музыкальные; их части и принадлежности	\$1281	\$1258	–1,8 %
85	Электрические машины и оборудование, их части; звукозаписывающая и звуковоспроизводящая аппаратура, аппаратура для записи и воспроизведения телевизионного изображения и звука, их части и принадлежности	\$421	\$650	54,4 %

Таблица 2

**Основные виды экспортируемой продукции России
в Северную Корею (тыс. долл. США) в 2013–2014 гг. [8]**

ТН ВЭД	Продукция	2013	2014	Изменение за год
27	Топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки; битуминозные вещества; воски минеральные	\$43586	\$32858	–24,6 %
87	Средства наземного транспорта, кроме железнодорожного или трамвайного подвижного состава, и их части и принадлежности	\$9605	\$17027	77,3 %
10	Злаки	\$69	\$12954	#####
84	Реакторы ядерные, котлы, оборудование и механические устройства; их части	\$22878	\$7865	–65,6 %
44	Древесина и изделия из нее; древесный уголь	\$2423	\$3128	29,1 %
3	Рыба и ракообразные, моллюски и прочие водные беспозвоночные	\$1003	\$1820	81,5 %
11	Продукция мукомольно-крупяной промышленности; солод; крахмалы; инулин; пшеничная клейковина	\$3874	\$825	–78,7%

85	Электрические машины и оборудование, их части; звукозаписывающая и звуковоспроизводящая аппаратура, аппаратура для записи и воспроизведения телевизионного изображения и звука, их части и принадлежности	\$2072	\$761	–63,3 %
68	Изделия из камня, гипса, цемента, асбеста, слюды или аналогичных материалов	\$3804	\$484	–87,3 %

Тут всплывает и фактор, касающийся безопасности, который очень важен для Пхеньяна, как верно отмечает отечественный кореевед Андрей Ланьков [6]. Таким образом, руководство Северной Кореи решило не только запустить программу экономической модернизации, но и начать поиск дополнительных гарантов безопасности своего существования.

Тем не менее, на сегодняшний день укрепление взаимодействия с КНДР в определенном смысле отвечает интересам сегодняшнего российского политического истеблишмента, поскольку Северную Корею очень легко завлечь в ряды так называемого «антигегемонистического» фронта. Тем более, что у обеих стран на сегодняшний момент появляется больше общего в мотивах, побуждающих к совместным действиям: как и Россия, так и КНДР стали объектами западных санкций. Вероятнее всего, именно это активизировало дипломатические контакты обеих стран, вызвало ряд встреч на правительственных уровнях, а также заставило всплыть весьма сомнительный вопрос о военно-техническом сотрудничестве.

При этом перспективы взаимовыгодного экономического сотрудничества пока остаются довольно туманными из-за достаточно сильной военно-политической нестабильности в регионе Корейского полуострова в целом. Осуществление крупных совместных проектов, либо трансформация сотрудничества Россия – Южная Корея, Россия – КНДР в трехсторонний формат взаимодействий (региональный «экономический треугольник») на сегодняшний день представляется затруднительным, поскольку КНДР достаточно часто демонстрировала себя как весьма ненадежного экономического партнера.

Таким образом, систематизируя проанализированный материал, можно заявить, что ключевыми проблемами экономического сотрудничества являются следующие факторы:

- нежелание северокорейской стороны публиковать официальную экономическую статистику;
- высокая коррумпированность государственного механизма;
- относительная изолированность экономики от внешнего мира;
- узкая структура списков импортируемой и экспортируемой продукции.

Поэтому в формате двусторонних экономических отношений Пхеньян ждет субсидирования со стороны Российской Федерации для наращивания объемов взаимной торговли, которые на сегодняшний день все еще имеют достаточно скромный размер. Готово ли идти на это российское правительство – пока еще остается неизвестным.

Тем не менее, целесообразной является работа над расширением списка основных видов экспортируемой и импортируемой продукции. Перспективным выглядит совместное освоение северокорейских месторождений полезных ископаемых. Помимо всего прочего, для дальнейшего улучшения взаимодействия на двустороннем уровне северокорейскому руководству следовало бы принять дополнительный комплекс социально-экономических мер, нацеленный на защиту интересов российских инвесторов и улучшение инвестиционного климата страны в целом.

1. North Korea holds first bankers' conference in 25 years hinting at major reforms // International Business Time. 2015. URL: <http://www.ibtimes.co.uk/north-korea-holds-first-bankers-conference-25-years-hinting-major-reforms-1533179> (mode of access: 14.12.2015).

2. КНДР в предчувствии либерализации // Полит.Ру. 2015. URL: <http://polit.ru/article/2015/12/14/korea/> (дата обращения: 14.12.2015).

3. РФ и КНДР возвращаются к партнерству // Правда. 2012. URL: <http://www.pravda.ru/world/asia/forecast/19-09-2012/1128572-kndr-0/> (дата обращения: 15.12.2015).

4. Россия — новый лучший друг Северной Кореи? // Центр изучения международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе. 2015. URL: <http://ru.apircenter.org/archives/3626> (дата обращения: 13.12.2015).
5. N Korea and Russia: A step towards a worldwide anti-hegemonic front? // Aljazeera. 2014. URL: <http://www.aljazeera.com/indepth/opinion/2014/06/n-korea-russia-step-toward-world-201462253320470677.html> (mode of access: 14.12.2015).
6. Кому выгоден северокорейский прорыв России // Slon. 2014. URL: http://slon.ru/world/severokoreyskiy_proryv_rossii-1110697.xhtml (дата обращения: 15.12.2015).
7. *Галушка А.* Российско-Северокорейские отношения нацелены на качественно новый уровень и прорыв в торгово-экономической сфере // Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока. 2014. URL: http://minvostokrazvitia.ru/press-center/news_minvostok/?ELEMENT_ID=1905 (дата обращения: 14.12.2015).
8. Обзор торговых отношений России и КНДР (Северной Кореи) в 2014 г. // Экспортеры России: единый информ. портал 2015. URL: <http://www.rusexporter.ru/research/country/detail> (дата обращения: 14.12.2015).

УДК 331.55(51:470.54)+351.746

Е. В. Лазарева

*Уральский федеральный университет,
Екатеринбург*

Проблема миграции из Центральной Азии на Средний Урал в контексте региональной безопасности

The problem of migration from Central Asia to the Middle Urals in the context of regional security

Статья посвящена анализу проблемы миграции из Центральной Азии на Средний Урал. Рассмотрены особенности, связанные с такими аспектами региональной безопасности, как социально-экономический, криминальный, культурно-этнический, санитарно-эпидемиологический и др. Установлено, что наличие трудовой миграции из стран Центральной Азии на Урал обусловило снижение в регионе профессионального и образовательного уровня трудовых ресурсов региона, а также рост криминальных и медицинских рисков, ухудшение санитарно-эпидемиологической ситуации.

Ключевые слова: трудовая миграция, региональная безопасность, страны Центральной Азии, Средний Урал.

This article analyzes the problem of migration from Central Asia to the Middle Urals. The features associated with such aspects of regional security, the economic, social, demographic, cultural, ethnic, sanitary-epidemiological and others. It was found that the availability of labor migration from Central Asia to the Urals region resulted in a decrease in professional and educational level of the workforce in the region, as well as the growth of crime and health risks, the formation epidemic trouble.

Keywords: labor migration, regional security, Central Asia, the Urals.

Миграция (перемещение) как процесс социального взаимодействия и один из основных видов межэтнических контактов на протяжении развития всей человеческой цивилизации с разной направленностью и интенсивностью влияет на экономическую, политическую, культурную, правовую, конфессиональную и другие сферы жизни общества. Подъем миграционных волн формирует запрос как на уровне отдельных регионов и государств, так и всего мирового сообщества, на который требуется оперативный квалифицированный ответ политиков, юристов, экономистов, социологов и других экспертов.

В зависимости от формы миграции и ее воздействия на социально-экономическую систему принимающей стороны, в научной литературе существует несколько классификаций мобильности: по причинам – на добровольную и вынужденную; по характеру въезда в страну и статуса мигрантов – на легальную и нелегальную; по срокам пребывания – на временную (как правило, трудовую) и безвозвратную, то есть миграцию на постоянное место жительства. Временная миграция может быть временно-постоянной (от года до шести лет), сезонной, вахтовой и маятниковой. С позиции определения цели пребывания временную миграцию делят на трудовую и учебную. Трудовую (экономическую) миграцию принято относить к добровольной, даже в том случае, когда мигрант в стране исхода не может прокормить себя и свою семью [Там же, с. 24–25].

В период 2004–2014 гг. Российская Федерация занимала второе место в мире после США по численности трудовой иммиграции [Там же, с. 9]. Однако в процентном соотношении численности мигрантов к населению в России мигранты не составляют столь многочисленные группы, как в Германии, Франции или США. При этом распределение потоков мигрантов на территории нашей страны очень неравномерно, и это напрямую связано с уровнем экономического благополучия региона. Средний Урал, наряду еще с несколькими промышленными центрами, представляет собой основной принимающий регион для трудовой миграции из стран Центральной Азии. В настоящее время Свердловская область характеризуется относительно низкими показателями безработицы и более высокими, чем в среднем по стране, доходами на душу населения, что делает ее привлекательной с точки зрения миграции [Там же, с. 98]. По данным официальной статистики на начало 2014 г., доля иммигрантов на Среднем Урале составила 6 % населения [2]. С точки зрения ученых, специфика миграционных потоков на Средний Урал определяется относительно большей долей представителей Центральной Азии здесь, чем в других регионах.

В настоящее время именно трудовая миграция, по данным экономистов Е. Б. Бедриной, М. Н. Вандышева, Н. Л. Струина, Н. П. Неклюдовой, А. С. Мельниковой, Е. А. Илинбаевой, Е. Х. Тухтаровой, является наиболее распространенной формой миграции в мире. Она представляет собой процесс перемещения трудоспособного населения между странами с целью поиска работы и трудоустройства на более выгодных условиях. Международная миграция рабочей силы вызвана экономическими причинами и происходит в соответствии с законами спроса и предложения. Поэтому трудовая миграция – это один из важнейших факторов развития. Она связана с экономической и региональной дифференциацией, возросшей скоростью транспорта, демографическим бумом, имеющим место в отдельных странах мира, повышением уровня образования населения и распространением информации. Уровень пространственной мобильности характеризует способность населения адаптироваться к социально-экономическим условиям.

Средний Урал, согласно данным Министерства финансов РФ, является регионом-донором, то есть благополучным [3]. Это обусловлено его развитым промышленным потенциалом, что означает привлекательность для инвесторов, а следовательно, дополнительные возможности для экономического роста [4]. В социальном плане это значит, что в данном регионе людям проще получить образование, найти достойную работу с хорошей зарплатой, открыть бизнес.

Анализируя проблему миграции на Урал, исследователи отмечают, что до 2012 г. в регионе наиболее многочисленную группу мигрантов составляли граждане Таджикистана – государства, население которого практически в четыре раза меньше, чем население Узбекистана. С 2012 г. количество представителей Узбекистана опередило жителей Таджикистана в иммиграционных потоках в Свердловскую область, но незначительно. По сведениям Е. Б. Бедриной, на 2014 г. в регионе наиболее многочисленны трудовые мигранты из Таджикистана и Узбекистана, затем со значительным отрывом следуют граждане Кыргызстана и Казахстана [5, с. 170].

Объясняется наличие достаточно многочисленной центрально-азиатской диаспоры на Урале рядом обстоятельств. Во-первых, это географическое положение Таджикистана, имеющего транзитный коридор через Казахстан на Урал. Во-вторых, наличие сильной диаспоры в Екатеринбурге, регулирующей иммиграционные потоки из Таджикистана. В-третьих, более высокий уровень толерантности местного населения, привыкшего жить в «многонациональной семье», к приезжим из Средней Азии, с точки зрения субъективного восприятия мигрантов.

Проблема региональной безопасности в контексте миграции решается путем анализа комплекса основных показателей развития территории. Социально-экономический аспект трудовой миграции рассматривается современными учеными с позиции концепции «замещающей миграции», предложенной в 2000 г. в докладе ООН для решения вопроса сокращения трудоспособного населения [6]. К основным показателям региональной безопасности, обуславливающим соци-

ально-экономическое благополучие территории, современные ученые относят несколько групп факторов.

Экономические факторы определяют уровень производства, степень его дифференциации и специализации, отраслевую структуру, торговый баланс, доходы на душу населения, структуру потребления домохозяйств, сбалансированность регионального бюджета, степень налоговой нагрузки и т. д. Социальные факторы складываются из показателей уровня жизни населения, доли населения, живущего за чертой бедности, уровня безработицы, занятости, трудовой мобильности, степени развитости социальной инфраструктуры, экологической ситуации, санитарно-эпидемиологического состояния территории и т. д. Другими важными составляющими оценки региона являются факторы демографические, базирующиеся на данных об уровне средней продолжительности жизни, здоровья населения, миграции и т. д., а также политико-правовые, включая политическую стабильность, нормативно-правовую систему, криминогенную ситуацию. Значимыми признаны и культурно-этнические характеристики региона [1, с. 19].

По данным уральских исследований, в среднем трудовые мигранты находятся на принимающей территории до шести лет, что актуализирует проблему их адаптации и интеграции. Заслугой ученых стал вывод о том, что процесс адаптации, происходящий стихийно, может иметь нежелательные формы с точки зрения принимающего сообщества. Опыт Западной Европы показывает, что только адаптационная стратегия интеграции может рассматриваться в качестве наиболее приемлемой с точки зрения и мигрантов и принимающей стороны. Важную роль, по мнению авторов, в процессе адаптации играет активная позиция принимающего государства, а также наличие личностных или внутренних адаптационных ресурсов, к которым относят относительно молодой возраст большинства мигрантов, прибывших на заработки в Российскую Федерацию, и наличие опыта миграции, в том числе группового. Однако учеными установлено, что специфическим адаптационным ресурсом мигрантов в Уральском регионе является свойство общинности, этнической обособленности, землячества,

поэтому процесс адаптации зачастую происходит на уровне простого приспособления, выживания, порой приобретая девиантные формы поведения [5, с. 172].

Что касается отраслевого распределения мигрантов в экономической структуре Среднего Урала, то по данным 2014 г., около 52 % из них работает в сфере строительства, 14 % – на общественном транспорте, 8 % в коммунальном хозяйстве, 6 % – в торговле, 2 % – в системе общепита. При этом только около 70 % трудовых мигрантов в той или иной мере владеют русским языком и более половины трудоустроившихся не имеет профессионального образования [1, с. 113].

В отношении проблемы формирования медицинских рисков миграции, влияющих на безопасность территории, специалисты отмечают такие факторы, как высокий уровень заболевания иммигрантов ВИЧ-инфекцией, туберкулезом и ИППП (инфекциями, передаваемыми половым путем) [1, с. 104]. Ситуация усугубляется и тем, что зачастую одни инфекционные заболевания сопровождаются другими [3]. Так, по данным главного государственного санитарного врача РФ, среди причин смерти, связанных с инфекцией ВИЧ, туберкулез как вторичное заболевание составляет более 60 % [7].

Еще одним серьезным риском Свердловской области является ее место в тройке лидеров в РФ по потреблению наркотических веществ. В 2010 г. она занимала первое место по заболеваемости с установленным диагнозом «наркомания», в 2012 г. показатель несколько снизился – до 29,8 чел. на 100 тыс. населения [3].

Мигранты имеют отношение к проблеме наркомании ввиду наличия наркотрафика героина из Афганистана через Таджикистан в Россию, а также поставок синтетических психотропных наркотических веществ из Китая. По данным ВОЗ, в Средней Азии в 2013 г. 62 % случаев ВИЧ из зарегистрированных приходится на потребителей наркотиков [8], и в большей мере здесь замечены граждане Таджикистана. Особая опасность заключается в том, что наркотический путь распространения ВИЧ-инфекции тесно связан с половым. Так,

согласно исследованиям 2007–2009 гг., до 50 % женщин, потребляющих наркотики, были вовлечены в оказание сексуальных услуг [7].

Таким образом, современными исследователями установлено, что вызовы безопасности Среднего Урала в контексте миграционной проблемы обусловлены, во-первых, ростом криминогенных рисков ввиду крупномасштабной нелегальной миграции из стран Центральной Азии. Во-вторых, активным участием мигрантов в распространении и употреблении наркотических веществ. В-третьих, высокими медицинскими рисками, связанными со значительным распространением среди мигрантов ВИЧ-инфекции, туберкулеза, гепатита В, ИППП при ограниченном доступе к услугам здравоохранения. Кроме того, учеными выявлены такие проблемы развития миграционных процессов, как рост внешней трудовой миграции в условиях слабой внутренней миграции населения, крайне низкая эффективность трудовой деятельности иммигрантов по причине недостаточности у них образования и профессионализма, а также использования патента на трудоустройство не по назначению. На этом фоне процесс адаптации в основном сводится к простому приспособлению и выживанию без интеграции в социокультурную среду региона, что зачастую вызывает девиантное поведение. В силу актуальности миграционной проблемы в контексте региональной безопасности представляется необходимым управленческое воздействие на адаптационные процессы путем тесного взаимодействия органов управления с культурно-этническими обществами, общественными организациями, представителями образования и здравоохранения.

1. Современные подходы к оценке влияния потоков трудовых миграций на социально-экономическое благополучие принимающей территории / Е. Б. Бедрин, М. Н. Вандышев и др. Екатеринбург, 2014.

2. Аналитические отчеты, характеризующие миграционную ситуацию и деятельность УФМС России по Свердловской области по реализации государственной миграционной политики в регионе за 2011, 2012, 2013 г. URL: <http://ufms-ural.ru/text/78/145/68583-2.php> (дата обращения: 12.12.2015).

3. Госкомстат [официальный сайт]. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 12.12.2015)
4. *Игнатьева Е. Д., Гимади И. Э., Аверина Л. М.* Комплексная оценка социально-экономического благополучия муниципальных образований // Экономика региона. 2005. № 2. С. 110–118.
5. *Бедрина Е. Б.* Личностные аспекты адаптации трудовых мигрантов стран СНГ: опыт Свердловской области как принимающей территории // Материалы III Всероссийского симпозиума по региональной экономике: в 2 т. Екатеринбург, 2015. Т. 1. С. 170–173.
6. Комплексная оценка влияния трудовой миграции на социально-экономическое развитие принимающей территории в вопросах формирования региональной миграционной политики. Екатеринбург, 2015.
7. Постановление Главного государственного санитарного врача Российской Федерации от 13 февраля 2012 г. № 16. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.12.2015).
8. ВОЗ [официальный сайт]. URL: <http://who.int/ru> (дата обращения: 07.12.2015).

УДК 327(593)+326.1+344

Е. В. Лазарева, Р. Суваннагул
*Уральский федеральный университет,
Екатеринбург*

Участие Таиланда в международных режимах по противодействию трансграничной преступности

The participation of Thailand in the international regime to combat cross-border crime

В работе исследовано участие Таиланда в международных режимах по противодействию трансграничной преступности. Показана его роль в противодействии различным преступлениям, и прежде всего в торговле людьми. Установлено, что активную деятельность в этом направлении Таиланд ведет как с соседними государствами, так и участвуя в исполнении решений международных организаций.

Ключевые слова: Таиланд, международные режимы, торговля людьми, борьба с трансграничной преступностью.

We have investigated the participation of Thailand in the international regime to combat cross-border crime. It is shown that its role in combating various crimes, and, above all, human trafficking. It was found that active in this area of Thailand is both the neighboring countries and participating in the execution of the decisions of international organizations.

Keywords: Thailand, international regimes, human trafficking, cross-border crime.

Трансграничная преступность как часть международной организованной преступности представляет собой одну из глобальных проблем современности. В регионе Юго-Восточной Азии в силу особенностей протекания исторических, экономических, социальных, политических и культурных процессов трансграничная преступность имеет специфические черты. Масштабы и формы криминальной деятельности (торговля оружием, наркотиками, людьми) обусловили необходимость международного сотрудничества для решения проблемы путем согласования действий по пресечению и профилактике преступлений. В настоящее время борьба властей Таиланда с большим числом преступлений в сфере торговли людьми является национальным приоритетом. Для организации эффективной борьбы с торговлей людьми правительство Таиланда работает на местном и национальном уровнях, а также наладило сотрудничество с правительствами соседних стран и международным сообществом.

Таиланд является активным участником международных режимов по противодействию организованной преступности, сотрудничая с другими государствами и международными организациями на двусторонней и многосторонней основе. Так, для борьбы с торговлей людьми Таиланд взаимодействует с Лаосской Народно-Демократической Республикой: государствами принят меморандум 2005 г. [1], с Республикой Вьетнам – соглашение 2008 г. [3], с Мьянмой – меморандум 2009 г. [2].

Кроме того, Таиланд в рамках ООН в 2000 г. подписал Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности – UNTOC [4]. В том числе был подписан Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми [5], и в де-

кабре 2001 г. – Протокол против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху [6].

Далее, Таиланд являлся участником региональной конференции на уровне министров по проблеме незаконного провоза людей, торговли людьми и связанной с этим транснациональной преступности – процесса Бали в апреле 2003 г., где на встрече министров Азиатско-Тихоокеанского региона обсуждались вопросы о иммигрантах, контрабанде, торговле людьми и транснациональной преступности и был поставлен вопрос создания региональных отделений поддержки – RSO в Бангкоке [7].

Важным механизмом в борьбе и профилактике трансграничной преступности стала Декларация АСЕАН по борьбе с торговлей людьми, особенно женщинами и детьми 2004 г., принятая главами правительств стран – членов АСЕАН в Лаосской Республике, которая объединяет усилия правоохранительных органов по задержанию преступников [8].

Таиланд стал первой страной, ратифицировавшей «Факультативный протокол, касающийся процедуры сообщений к Конвенции о правах ребенка» от 25 сентября 2012 г. [9]. Таиланд также сотрудничает с Соединенными Штатами в области укрепления потенциала правоохранительных органов региона по противодействию торговле людьми в рамках Международной академии правоохранительных органов.

Большое значение имеет и ратифицированный Таиландом 31 января 2013 г. Договор о взаимной правовой помощи по уголовным делам среди членов АСЕАН, который позволяет активизировать сотрудничество в уголовном преследовании торговцев людьми в регионе [10]. Целью договора является повышение эффективности правоохранительных органов сторон в предотвращении и расследовании преступлений путем сотрудничества и взаимной правовой помощи.

21 ноября 2015 г. Таиланд подписал «Конвенцию АСЕАН о борьбе с торговлей людьми, особенно женщинами и детьми», цель которой заключается в развитии сотрудничества между государствами – членами АСЕАН для предот-

вращения и борьбы с торговлей людьми [11] и сосредоточение на устранении ее основных причин, таких как искоренение нищеты, защита жертв, свидетелей, развитие трансграничного сотрудничества, особенно в области проверки подлинности документов иммиграционной службы и правоохранительных органов, включая экстрадицию и сотрудничество между странами.

Необходимо подчеркнуть, что в настоящее время Таиланд является активным участником борьбы с транснациональной преступностью в регионе Юго-Восточной Азии. Одной из ее приоритетных задач стала координация усилий в борьбе с торговлей людьми, торговлей наркотиками, отмыванием денег. Для решения данных проблем Таиланд активно взаимодействует на национальном и региональном уровне. В своих действиях Таиланд действует в соответствии с нормами международного права в рамках заключенных им международных договоренностей в качестве инструментов борьбы, которая требует международного сотрудничества для снижения угроз национальной и мировой безопасности.

-
- 1.บันทึกความเข้าใจระหว่างรัฐบาลแห่งราชอาณาจักรไทยกับรัฐบาลแห่งสาธารณรัฐประชาธิปไตยประชาชนลาวว่าด้วยความร่วมมือต่อต้านการค้ามนุษย์โดยเฉพาะสตรีและเด็ก [สืบค้นจาก]. URL: <http://www.nocht.m-society> (วันที่สืบค้น: 08.10.2015).
 - 2.บันทึกความเข้าใจระหว่างรัฐบาลแห่งราชอาณาจักรไทยกับรัฐบาลราชอาณาจักรเวียดนามว่าด้วยความร่วมมือเพื่อต่อต้านการค้ามนุษย์โดยเฉพาะสตรีและเด็ก [สืบค้นจาก]. URL: <http://www.nocht.m-society.go.th/human-traffic> (วันที่สืบค้น: 08.10.2015).
 - 3.บันทึกความเข้าใจระหว่างรัฐบาลแห่งราชอาณาจักรไทยกับรัฐบาลราชอาณาจักรพม่าว่าด้วยความร่วมมือเพื่อต่อต้านการค้ามนุษย์โดยเฉพาะสตรีและเด็ก [สืบค้นจาก]. URL: <http://www.nocht.m-society> (วันที่สืบค้น: 08.10.2015).
 4. United Nations Office on Drugs and Crime. United Nations Convention Against Transnational Organized Crime and The Protocols Thereto. URL: <https://www.unodc.org/documents> (mode of access: 27.11.2015).
 5. United Nations Office on Drugs and Crime. Protocol to Prevent, Suppress and Punish Trafficking in Persons, especially Women and Children, supplementing the United Nations Convention against Transnational Organized Crime. URL: <http://www.osce.org> (mode of access: 29.11.2015).

6. United Nations Office on Drugs and Crime. Protocol against the Smuggling of Migrants by Land, Sea and Air, supplementing the United Nations Convention against Transnational Organized Crime. URL: <http://www.unhcr.org> (mode of access: 28.11.2015).
7. Ministerial Conference of The Bali Process on People Smuggling, Trafficking in Persons and Related Transnational Crime Bali, Indonesia. URL: <http://www.baliprocess.net> (mode of access: 26.11.2015).
8. ASEAN Declaration Against Trafficking in Persons Particularly Women and Children. URL: <http://www.asean.org/communities> (mode of access: 26.11.2015).
9. United Nations. The Optional Protocol on A Communications Procedure to the Convention on the Rights of the Child. URL: <https://treaties.un.org>. (mode of access: 13.12.2015).
10. *Keebong P.* MLA Treaty Among Likeminded ASEAN Countries. URL: <https://www.unodc.org/documents> (mode of access: 25.11.2015).
11. ASEAN Convention Against Trafficking in Persons, Especially Women and Children. URL: <http://apmigration.ilo.org> (mode of access: 13.12.2015).

УДК 341.39(569.1)+355.426+28:316.344.7

Е. А. Лапанович

*Уральский федеральный университет,
Екатеринбург*

Курдский фактор на Ближнем Востоке в контексте гражданской войны в Сирии и угрозы «Исламского государства»

The Syrian civil war and the ISIS threat in the Middle East: the kurdish factor

В статье рассматривается проблема актуализации «курдского фактора» на Ближнем Востоке в результате гражданской войны в Сирии и борьбы против «Исламского государства». Анализируется проблема различного восприятия региональными акторами угроз безопасности, прежде всего «Исламского государства» и курдского сепаратизма, что обуславливает разность подходов к решению проблем безопасности. Обозначаются контуры разлома внутри непосредственно курдов, не представляющих собой гомогенного образования, что, в свою очередь, осложняет перспективу общесирийского урегулирования, с одной стороны, с другой – позволяет как региональным, так и внешним акторам играть на внутрикурдских противоречиях в достижение собственных целей. Отмечаются изменения динамики развития курдского

вопроса и динамики безопасности в регионе, происходящие в ходе сирийской гражданской войны и войны против террористов «Исламского государства».

Ключевые слова: курды, «курдский вопрос», гражданская война, Ближний Восток, «Исламское государство», Сирия.

The paper regards the complexity of the Kurdish Politics across the Middle East in the context of the Syrian civil war and the war against ISIS. The problem of different threat perceptions by regional powers is analyzed as being one of the obstacles in the path of solving security problems in the region. It is argued that the Kurds being divided from within are used as bargaining chips by external actors. It is also argued that the Syrian war and ISIS have changed the security dynamics in the region.

Keywords: Kurds, Kurdish problem, civil war, Middle East, ISIS, Syria.

В контексте региональной трансфигурации под влиянием событий так называемой «арабской весны», гражданских войн и потрясений, агрессивных устремлений «Исламского государства» (ИГ) в региональной политике неуклонно возрастает значение курдского фактора, и курдский вопрос приобретает особую остроту и актуальность.

Принимая во внимание тот факт, что одним из основных аспектов курдского вопроса в целом на Ближнем Востоке остается его региональный подтекст, каждое из государств рассматривает курдскую проблему как проблему внутреннюю, воспринимает ее в качестве угрозы территориальной целостности [1, с. 332, 334]. Вместе с тем, разыгрывание «курдской карты» как региональными державами, так и внешними игроками в целях достижения своих политических и экономических интересов – еще одна характерная черта курдского вопроса [2, p. 155–216].

С учетом того, что курдские формирования, явившись единственной силой в регионе, которой удалось мобилизоваться и оказать отпор формированиям ИГ, теперь играют роль ключевого союзника США и возглавляемой ими коалиции в борьбе против террористов, возникает вопрос о необходимости их вовлечения в переговорный процесс по сирийскому урегулированию и определе-

нию будущей картины политического устройства Сирии, что вызывает опасения у правительств соседних государств, в составе которых присутствует курдское меньшинство [3]. Еще большие опасения вызывает актуализация вопроса о предоставлении курдским районам полной независимости в результате использования в геополитических интересах третьими странами курдского фактора в Сирии [1, с. 330].

Несмотря на необходимость консолидации перед лицом, казалось бы, первостепенной угрозы в лице ИГ, региональные державы не способны прийти ко взаимоприемлемому решению и принять эффективные меры. К примеру, Турция воспринимает в качестве экзистенциальной угрозы не ИГ, а угрозу курдского сепаратизма, что не позволяет правительству оказывать поддержку курдским формированиям, борющимся против террористов. В результате этого Турция ведет борьбу против формирований Рабочей партии Курдистана (РПК) на собственной территории и территории Ирака, с одной стороны, с другой – предоставляет США возможность использования базы «Инджирлик» (*Incirlik*) для нанесения ударов по позициям террористов ИГ, таким образом, Турция и РПК борются против ИГ, а также против друг друга [4; 5]. Еще одним примером служит позиция Турции относительно автономии Рожавы. Интересно обратиться к позиции турецких исследователей, которая не совпадает с видением правительства. Согласно мнению эксперта Ближневосточного центра стратегических исследований (ORSAM) Ойтуна Орхана, создание на севере Сирии автономной курдской области под контролем Партии демократического союза – возможность обеспечения буферной зоны, отделяющей Турцию от нестабильной Сирии [6, с. 18–19].

Необходимо учитывать и тот факт, что являясь одним этносом, сами курды не представляют собой этнически и политически гомогенного образования. Большинство курдов – приверженцы шафийского мазхаба, однако некоторые представители настоящего этнического меньшинства являются езидами, алевиитами. Следует отметить, что на территории «Курдистана» проживают такие национальные меньшинства, как ассирийцы, армяне, туркоманы, тюрки, арабы

и иранцы и др. [7, р. 27–28]. В регионе курды преследуют свои цели в составе различных образований. Если одни учредили законные политические партии и организации с тем, чтобы добиваться прав и свобод, то другие встали на путь борьбы. Среди последних – РПК в Турции, следующая тактике партизанской войны, террористических атак на гражданское население, включая самих же курдов.

Политические партии отражают деление внутри курдского общества по нескольким линиям: племенной, лингвистической, национальной, не говоря о политических противоречиях и политической борьбе [8]. Отметим, что в настоящее время на территории одной лишь Сирии действует 17 курдских политических партий, которые привержены различным политическим взглядам, что усугубляется влиянием внешних, региональных и внешних акторов. В результате представители курдских партий не могут достичь консенсуса относительно дальнейшего политического устройства в Сирии, следовательно, их требования не могут быть включены в общие требования, выдвигаемые оппозицией. К тому же, легитимность основной сирийской партии, Партии демократического союза, ставится под вопрос не только противоборствующими курдскими объединениями, но и внешними акторами [9, р. 18; 10, р. 3]. Помимо того, укрепление позиций Партии демократического союза породило необходимость ее балансирования, что имеет следствием объединение более мелких курдских партий в Сирии в Курдский национальный совет при покровительстве Демократической партии Курдистана в результате необходимости балансирования против укрепляющей свое влияние Партии демократического союза, союзницы РПК [10, р. 5, 11].

Различны и военные образования курдов. Так, в сравнении с пешмерга (полномочия которым делегируются Демократической партией Курдистана и Патриотическим союзом Курдистана, контролирующим область Ирака, получившую автономию, что закреплено конституционно), военные отряды сирийской Партии демократического союза и турецкой РПК – нелегитимированные акторы. РПК, помимо прочего, представляет собой повстанческое образование [11].

Следует отметить и сложность политических переплетений, выходящих за пределы государственных границ: в настоящее время Партия демократического союза – основная курдская партия в Сирии, противниками которой считаются меньшие образования, имеющие связи с иракскими курдами во главе с Масудом Барзани. Демократическая партия Курдистана, в свою очередь, – ближайший стратегический союзник Анкары в регионе, противовес РПК и перспективный политический и экономический (прежде всего энергетический) партнер. Таким образом, и Турция, и Региональное правительство Курдистана заинтересованы в минимизации влияния и укреплении Партии демократического союза в Сирии [12; 13, с. 49]. Отметим, что вышеназванное объединение более мелких курдских партий в Сирии в результате необходимости балансирования против укрепляющей свое влияние Партии демократического союза, союзницы РПК, происходило под влиянием непосредственно Демократической партии Курдистана [10, р. 5, 11]. Сближению позиций Турции и Регионального правительства Курдистана способствует и покровительство Ирана оппозиционным курдским партиям в Иракском Курдистане – Горану и Патриотическому союзу Курдистана, а также сближение с РПК в контексте сирийского кризиса [12; 13, с. 49].

Проблема влияния сирийской гражданской войны и угрозы ИГ на динамику развития курдского вопроса и динамику безопасности в регионе Ближнего Востока основательно проанализировано Дженгизом Гюнешем и Робертом Лоу, экспертами Королевского института международных отношений (*Chatham House*). Согласно экспертам, позиции курдов в регионе усилились в результате их становления не только в качестве организованной военной силы и ключевых акторов в сирийском конфликте в ответ на экзистенциальную угрозу в лице ИГ, но и самостоятельных региональных акторов. Кроме того, происходит трансфигурация союзов, моделей дружественности-враждебности, идентичности; усиливается кооперация между отдельными группами курдов, а также формируются новые альянсы последних и региональных, внешних акторов [10, р. 3, 4, 7].

Обращаясь к последнему, необходимо принимать во внимание тот факт, что угрозы воспринимаются региональными и внешними игроками по-разному.

В завершение следует особенно отметить тезис о том, что важно рассматривать процессы, контуры которых очерчены выше, не обособленно, а в контексте переустройства «конфликтного образования» в целом (Ближний Восток рассматривается как «конфликтное образование» (conflict formation) в рамках теории региональных комплексов безопасности (regional security complexes) представителями Копенгагенской школы исследований проблем мира Б. Бузаном и О. Уэйвером) [14]. Так, де-факто распад прежнего устройства региона Федор Лукьянов помещает в ряд наиболее значимых международных процессов, определяющих развитие мировой системы в 2010-х гг. [15].

-
1. *Вертяев К. В., Иванов С. М.* Курдский национализм: История и современность. М., 2015.
 2. *Entessar N.* Kurdish Politics in the Middle East. Lanham, 2009.
 3. *Romano D.* Kurds as Peacemakers in the Middle East // The Cairo Review of Global Affairs. 2016. Jan. 8. URL: <http://www.thecaireview.com/tahrir-forum/kurds-as-peacemakers-in-the-middle-east/> (mode of access: 08.01.2016).
 4. *Arun N.* Turkey v Islamic State v the Kurds: What's going on? // BBC News. 2015. Aug. 12. URL: <http://www.bbc.com/news/world-middle-east-33690060> (mode of access: 10.12.2015).
 5. *Hassan H.* Coalition Must Seek a Common Goal in Syria // Chatham House. 2015. July 28. URL: <https://www.chathamhouse.org/expert/comment/coalition-must-seek-common-goal-syria> (mode of access: 11.12.2015).
 6. *Orhan O.* Suriye’de Kürt Kuşağı Mümkün mü? // ORSAM Bölgesel Gelişmeler Değerlendirmesi. 2015. C. 7. S. 69. S. 16–19. URL: <http://www.orsam.org.tr/tr/trUploads/Yazilar/Dosyalar.pdf> (erişim tarihi: 13.12.2015).
 7. *Gunter M. M.* Historical Dictionary of the Kurds. Lanham, 2004. URL: <http://www.kurdipedia.org/books/67579.PDF> (mode of access: 03.12.2015).
 8. The Time of the Kurds / N. Abdulla, H. Barkey, S. A. Cook, M. A. O’Sullivan // Council on Foreign Relations. 2015. July 29. URL: [http://www.cfr.org/middle-east-and-north-africa/time-kurds/p36547#/?](http://www.cfr.org/middle-east-and-north-africa/time-kurds/p36547#/) (mode of access: 03.12.2015).
 9. Suriye’de Kürt hareketleri // Ortadoğu Stratejik Araştırmalar Merkezi. 2012. Rapor 127. (erişim tarihi: 15.12.2015).

10. *Gunes C.* The Impact of the Syrian War on Kurdish Politics Across the Middle East // Chatham House. 2015. July. URL: https://www.chathamhouse.org/sites/files/chathamhouse/field/field_document/20150723SyriaKurdsGunesLowe.pdf (mode of access: 19.12.2015).
11. *Kadercan B.* This Is What ISIS' Rise Means for the "Kurdish Question" // The National Interest. 2015. Sept. 9. URL: <http://nationalinterest.org/feature/what-isis-rise-means-the-kurdish-question%E2%80%9D-13798> (mode of access: 16.12.2015).
12. *Aydoğan B.* PKK-KDP İlişkisinde IŞİD Etkisi // ORSAM Bölgesel Gelişmeler Değerlendirmesi. 2015. URL: http://www.orsam.org.tr/tr/trUploads/Yazilar/Dosyalar/2015916_12bekiraydogan.pdf (erişim tarihi: 21.12.2015).
13. *Айдоан Б.* Влияние Исламского государства Ирака и Леванта на отношения между Рабочей партией Курдистана и Демократической партией Курдистана // Региональное обозрение Ближневосточного центра стратегических исследований. 2015. Вып. 7. № 70. С. 46–59. URL: http://www.orsam.org.tr/tr/trUploads/Yazilar/Dosyalar/2015916_12bekiraydogan.pdf (дата обращения: 21.12.2015).
14. *Buzan B.* Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge, 2003.
15. *Лукьянов Ф.* Глобальное королевство кривых зеркал // Российский совет по международным делам. 2015. 14 дек. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=7012#top-content (дата обращения: 23.12.2015).

УДК 316.4.063(415)+332.135(4/5)+339.52

О. В. Лушников

*Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет,
Пермь*

Евразийская интеграция: региональные и международные аспекты

Eurasian integration: regional and international aspects

В статье рассматриваются различные аспекты евразийской интеграции. Делается вывод о том, что современная евразийская концепция, построенная с учетом новых социально-исторических, экономических, политических реалий, может стать основой системы ценностей и приоритетов, способствующей консолидации российского общества и реализации взаимовыгодной стратегии развития для народов постсоветского мира, превращая регион Центральной и Северной Евразии в новый центр геоэкономики (наряду с Евро-Атлантикой и

АТР). На международном уровне евразийская идея исходит из необходимости построения сбалансированного многополярного мира, отвечающего интересам всех государств.

Ключевые слова: Россия, Евразия, постсоветское пространство, интеграция, международная политика, региональная политика, геополитика, геоэкономика, многополярный мир, ЕАЭС, Новый шелковый путь.

The author analyses various aspects of Eurasian integration. Today the Eurasian idea is a civilizational paradigm of the giant continent of Eurasia. It emerged from the accumulation of private ideas of the Eurasian orientation in the historical practice of the great Eurasian powers to a holistic concept of the Eurasian civilization in the socio-political and economic thought. The modern Eurasian concept, built with the new socio-historical, economic, political realities, can become the basis of a system of values and priorities that will contribute to the consolidation of Russian society and implementation of mutually beneficial strategy of development for the peoples of the post-Soviet world, transforming the region of Central and Northern Eurasia to the new geo-economics (along with the Euro-Atlantic and the Pacific). At the international level, the Eurasian idea comes from the need of constructing a balanced multi-polar world, the interests of all States.

Keywords: Russia, Eurasia, former Soviet Union, integration, international politics, regional politics, geopolitics, geo-economy, multipolar world, the Eurasian Economic Union, the New Silk Road.

Евразийская идея как цивилизационная основа объединения единого географического, этнокультурного и экономического пространства Евразии зародилась задолго до осмысления и озвучивания этой идеи в российской и постсоветской исторической и общественно-политической мысли [1]. На протяжении всей древней и средневековой истории в среде евразийских народов складывались и преемственно закреплялись этнокультурные традиции, которые, имея зачастую различные истоки, постепенно формировали этнически существенные особенности, в той или иной мере присущие всем евразийским народам. Опыт масштабной интеграции в индоиранский, скифо-сарматский, гуннский, тюркский, монгольский и российский периоды показал, что геополитическое, экономическое и этно-культурное тяготение Евразии к созданию единого пространства при эффективности используемых принципов объединения «обще-

евразийского дома» приводило к возникновению на евразийских просторах великих мировых держав [2].

Осмысление исторической практики евразийских держав привело к оформлению целостной евразийской цивилизационной концепции в трудах Н. С. Трубецкого, П. Н. Савицкого, Г. В. Вернадского, Л. П. Карсавина, Н. Н. Алексеева, Л. Н. Гумилева и др., впервые осуществивших комплексный междисциплинарный синтез ее культурологических, исторических, геополитических, политико-правовых и геоэкономических аспектов [3–6]. Вызовы современности потребовали дальнейшего развития идей классиков евразийской мысли как в науке, так и в практической политике России и соседних стран [7–10]. Евразийские идеи и риторика активно используются как многочисленными партиями и движениями, так и гос. деятелями и политиками первого ранга [11–13]. Евразийская идея активно применяется сегодня в многонациональных и поликонфессиональных регионах РФ (Урал, Сибирь, Поволжье, Кавказ, Дальний Восток и Юг России) как механизм предотвращения конфликтов и гармоничного сосуществования представителей разных народов и культур [14, с. 83].

За последние годы сделан мощный прорыв к евразийской интеграции как на региональном (ЕвразЭС, ТС, ЕЭП, ОДКБ), так и на континентальном и международном уровнях (ШОС, БРИКС и др.). Современные эксперты евразийцы видят роль России-Евразии в мировой экономике не столько как мост между Востоком и Западом, сколько как третье звено мировой экономической системы [15; 10, с. 17]. «Если в прошлом вклад России в мировую культуру объяснялся тем, что русская культура стала сплавом европейских и азиатских веяний, то в XXI в. предназначение России заключается в том, чтобы своим экономическим развитием связать напрямую Евро-Атлантический и Азиатско-Тихоокеанский экономические регионы, тем самым, достроив недостающее звено глобальной экономической системы» [16, с. 196]. Один из крупнейших идеологов академического неоевразийства А. С. Панарин отмечал, что для восстановления евразийского «полюса силы» должна быть четко сформулирована заявка на лидерство в решении определенных сверхзадач, реально волнующих

людей в настоящее время. В качестве таковых он предлагал две смыслообразующих идеи: идею синтеза консервативного цивилизационного содержания с постиндустриальным проектом (аналог путей развития, пройденных Японией, Южной Кореей и другими странами Тихоокеанского региона), а также «культуроцентризм и постэкономизм, дающий новые приоритеты земной цивилизации в целом» [17].

С января 2015 г. заработал Евразийский экономический союз, выведя на новую орбиту отношения России, Казахстана, Беларуси, Армении и Кыргызстана. Но в условиях роста мировой экономической и политической нестабильности, чтобы усилить эффект от интеграции, страны ЕАЭС должны разрешить непростую задачу – осуществить меры по развитию и освоению внутреннего евразийского пространства, расширить количество участников Евразийского союза, укрепить свои позиции на международной арене. Для этого необходимо завершить формирование единого рынка товаров и услуг; максимально ликвидировать и/или унифицировать нетарифные барьеры внутри союза, эффективно координировать макроэкономическую политику, включая валютно-финансовые вопросы, и тем самым не допустить «расползания» экономического союза; развивать инфраструктуру, промышленную политику, АПК, рынок труда, единое пенсионное пространство, активизировать научное и образовательное сотрудничество; создать сеть зон свободной торговли и соглашений о торгово-экономическом сотрудничестве, выстроив отношения в том числе и с ключевыми торгово-инвестиционными партнерами – ЕС и Китаем [18]. Региональные интеграционные проекты евразийского пространства должны стать не взаимоисключающими, а взаимодополняющими. И прекрасный пример тому может дать сопряжение экономического пояса Шелкового пути КНР, и ЕАЭС [19]. Континентальная интеграция как индикатор качественного роста экономических, политических и социальных взаимосвязей между субрегионами континента поможет интенсифицировать развитие инфраструктуры и транспорта, торговлю энергоресурсами, движение капитала и рабочей силы, сферы услуг, телекоммуникации, туризма, стимулировать совместные усилия по предотвра-

щению распространения эпидемий, религиозного экстремизма и терроризма.

Вызовы современности сегодня выдвигают конкурс интеграционных проектов, от региональных до идеи объединения всего суперконтинента – Европы, Центральной, Северной, Восточной и Южной Азии [20]. И если для других мировых игроков (США, ЕС, Турции, исламского мира) это всего лишь проект, то для России евразийская интеграция от регионального до континентального уровня – вопрос ее полноценного существования как самостоятельного цивилизационного центра силы в мире.

-
1. Лушников О. В. Евразийская идея в России. Пермь, 2010.
 2. Вернадский Г. В. Сфера Евразии. М., 2005.
 3. Вернадский Г. В. Начертание русской истории. М., 2002.
 4. Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. М., 2000.
 5. Савицкий П. Н. Континент Евразия. М., 1997.
 6. Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана. М., 1999.
 7. Орлова И. Б. Евразийская цивилизация. М., 1998.
 8. Сравнительное изучение цивилизаций / под ред. Б. С. Ерасова. М., 1998.
 9. Титаренко М. Л. Россия лицом к Азии. М., 1998.
 10. Назарбаев Н. А. Евразийский Союз: идеи, проблемы, перспективы. М., 1997.
 11. Назарбаев Н. А. От идеи к истории будущего // Известия. 2011. 25 окт.
 12. Путин В. В. новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня // Известия. 2011. 3 окт.
 13. Баграмов Э. А. От евразийской идеи к евразийскому сообществу // Евразия : Культуры. Народы. Религии. 2001. № 1–2. С. 80–85.
 14. Гаджиев К. С. Введение в геополитику. М., 2000.
 15. Системные подходы России. Путь в XXI век : Стратегические проблемы и перспективы российской экономики / под ред. Д. С. Львова. М., 1999.
 16. Панарин А. С. Глобальное политическое прогнозирование. М., 2001.
 17. Тимофеев И., Алексеенкова Е. Евразийское направление внешней политики России: интересы, возможности и ограничения. М., 2015. URL: <http://eurasian-movement.ru/archives/1091> (дата обращения: 05.12.2015).

18. Цымбурский В. Л. Геополитика для «евразийской Атлантиды» : Остров Россия // Полис. 2003. № 2. С. 6–23.
19. Экономический пояс «Шелкового пути» и приоритеты совместного развития евразийских государств // Аналитический доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». Москва, Июнь 2015. URL: <http://valdaiclub.com/publication/77920.html> (дата обращения: 5.12.2015).
20. Винокуров Е., Либман А. Евразийская континентальная интеграция. СПб., 2014.

УДК 351.746.1(470)+351.746(51)+343.57+323.28+327.88

А. В. Лямзин

*Уральский федеральный университет,
Екатеринбург*

**Россия и Центральная Азия в начале XXI в.:
традиционные и новые угрозы безопасности**

**Russia and Central Asia in the beginning of XXI century:
traditional and new security threats**

Статья посвящена анализу традиционных и новых угроз безопасности России, а также поиску методов их предотвращения. Показано, что со времени распада СССР Россия следует в русле реалистической парадигмы и продолжает рассматривать угрозы, которые могут привести к ядерному конфликту или широкомасштабной войне, как наиболее значимые. Автор анализирует ситуацию рубежа XX—XXI вв., породившую новые угрозы безопасности, среди которых распространение экстремизма, терроризма, сепаратизма, транзит и распространение наркотиков. Делается вывод о том, что эффективное противостояние им требует серьезного обновления подходов, инструментов, тактики и вооружения, защищающих безопасность России в Центральной Азии.

Ключевые слова: Россия, Центральная Азия, угрозы безопасности, терроризм, транзит наркотиков.

The article is devoted to the analysis of “old” and “new” threats to Russia’s security and the ways to deal with these threats. Since the collapse of the USSR, Russia is in line with the realistic paradigm, continuing to consider threats that could lead to a nuclear conflict or large-scale war, as the most significant. The situation changed on the edge of XX—XXI centuries. New security

threats appear, including the spread of extremism, terrorism and separatism, transit and distribution of drugs. Effective struggle against new security threats requires a serious upgrade of approaches, tools, tactics and weaponry, defending the security of Russia in Central Asia.

Keywords: Russia, Central Asia, security threats, terrorism, drug trafficking.

Из Центральной Азии исходят определенные угрозы безопасности, которые Россия должна учитывать и адекватно реагировать на них. К «традиционным», или «старым» угрозам безопасности принято относить угрозы, которые связаны с межгосударственным ядерным конфликтом или широкомасштабной войной с применением обычных вооружений. С момента распада СССР Россия следует в русле реалистической парадигмы и продолжает рассматривать эти угрозы как наиболее значимые.

С целью противостояния им был осуществлён комплекс действенных мер. Уже в 1992 г. именно в Центральной Азии, в Ташкенте был подписан Договор о коллективной безопасности, который позволил оформить некую систему гарантий, необходимых постсоветским республикам. В начале нового XXI в. Россия пытается направлять сотрудничество в рамках ОДКБ на обеспечение безопасности государств – членов организации в следующих направлениях: создание региональных коалиционных группировок войск, проблемы нераспространения оружия массового уничтожения, создание объединенной системы ПВО, военнотехническое и военно-экономическое сотрудничество, обучение военнослужащих, миротворческие усилия.

Как мы можем увидеть, в направлении предотвращения традиционных военных угроз безопасности сделано достаточно много. Согласно Концепции коллективной безопасности 1995 г., в случае совершения акта агрессии против любой из стран – членов ОДКБ формирования региональной группировки войск одного региона коллективной безопасности могут (по просьбе одной или нескольких сторон) участвовать в отражении агрессии в другом регионе коллективной безопасности. С 2009 г. на базе КСБР были созданы Коллективные

силы оперативного реагирования (КСОР), состав которых включает одну дивизию, три бригады и четыре батальона [1].

Для предотвращения опасностей, исходящих от ядерного оружия, тоже сделано немало. Россия раскрыла над странами ОДКБ свой «ядерный зонтик». На это указывает ст. 4 ДКБ, согласно которой в случае внешней агрессии Россия вправе использовать все свои силы и средства для защиты стран-партнёров [2]. К сфере традиционного военного сотрудничества следует отнести и объединенную систему ПВО СНГ, возникшую в 1995 г., которая стала неотъемлемой основой суверенитета новых независимых государств.

Важными составляющими, укрепляющими взаимодействие России с соседями по Центральной Азии, являются военно-техническое сотрудничество и подготовка военных кадров. Страны, входящие в ОДКБ, имеют возможность закупать новейшее российское вооружение по внутрироссийским ценам и на льготных условиях осуществлять подготовку офицеров [3, с. 92]. Продолжает сохраняться и производственная кооперация предприятий ВПК.

Организация ДКБ создает миротворческий потенциал, использовать который предполагается с соответствующих санкций Совета Безопасности ООН. Численность коллективных миротворческих сил (КМС) может составить от 4 до 5 тыс. человек.

Таким образом, мы видим, что жесткая сила, накопленная Россией и её партнёрами в регионе, имеет довольно внушительный потенциал. Ситуация, сложившаяся на рубеже XX–XXI вв., породила новые угрозы безопасности, среди которых распространение экстремизма, терроризма, сепаратизма, транзит и распространение наркотиков. Ядерные и неядерные «козыри», имеющиеся в руках России, способны уравнивать шансы в войне сверхдержав, но бессильны против новых вызовов, которые подготовила эпоха мультиполярного мира.

Идея многополярности, которую горячо приветствует и продвигает Россия, сама по себе является серьёзным вызовом для нашей страны. Около 300 лет она была крупнейшим центром силы в Евразии, но теперь вынуждена считаться с возвышением таких экономических и политических гигантов как Китай, Индия,

Иран, Турция. Эти страны, продвигая свои интересы в Центральной Азии, опираются на военное давление и угрозы, а не на различные элементы мягкой силы и экономического давления. Они играют в несколько иной плоскости, чем Россия, и добиваются определённых успехов.

Ярким примером этого служит продвижение Китаем своих экономических интересов. Являясь крупнейшим потребителем энергоносителей (Китай потребляет столько газа в год, сколько Россия производит), эта страна втягивает в орбиту своего влияния все республики Центральной Азии, строя в них новые железные и шоссейные дороги, трубопроводы, вкладывая инвестиции в добычу сырья и другие объекты. Китай уже заменил Россию в качестве основного покупателя газа. В 2014 г. 61 % экспорта направлялось в Поднебесную. А китайские инвестиции в страны Центральной Азии превышают российские в десять раз [4].

Крупные соседи России активно используют политику мягкой силы, для усиления своего влияния в регионе. Это китайские «China Aid», «Институты Конфуция» или, например, турецкие лицеи, открытые движением Ф. Гюлена «Хизмет». Возможности российских посланцев «мягкой силы» (например, корпорации «Россотрудничество»), в особенности финансовые, несравненно слабее.

Несмотря на усиление позиций соседних держав в регионе, Россия продолжает придерживаться позиций политического изоляционизма, который последние 15 лет принято именовать термином «прагматизм». Он выражается в стремлении к замораживанию существующих конфликтов и невмешательстве в политическую жизнь стран региона. Примером отсутствия рычагов влияния и политической воли стали события августовской войны 2008 г., когда страны ОДКБ не оказали поддержки России, заняв довольно туманную позицию, а также беспорядки в Киргизии весной-летом 2010 г., когда вооруженные силы стран ОДКБ действовали разрозненно, занимаясь защитой собственных граждан либо выполняя специальные задания командования. Российские десантники тогда защищали авиабазу «Кант».

Таджикистан постепенно отдаляется от России и пытается пойти на сближение с США, Ираном и Индией. Символом активизации военного сотрудничества стало участие 150 иранских военных в параде, посвященном 20-летию независимости Таджикистана 9 сентября 2011 г. в Душанбе. Министр обороны Таджикистана Шерали Хайруллоев по этому поводу заявил: «И друзья, и враги увидели, что при необходимости всего лишь через два часа пути вооруженные силы Ирана окажутся в Таджикистане» [5]. Таджикистан сотрудничает с Ираном не только в военной сфере. Иран активно инвестирует в экономику этой страны.

Ещё одним альтернативным центром силы в регионе становится Индия. Индусы планируют разместить авиацию на таджикской авиабазе Айни, в ее реконструкцию они вложили 70 млн долл. [6]. Эксперт В. Козюлин отмечает: «В той же Киргизии создан совместный центр по изучению влияния высокого-рья на человеческий организм с вполне очевидным военным прицелом. Индийцы рассматривают возможность использования торпедного полигона на озере Иссык-Куль» [7].

Помимо государственных игроков, на пространстве Центральной Азии активно действуют, порождая новые угрозы, религиозные экстремисты. Наиболее крупные из них – Исламское движение Туркестана и «Хизб-ут-Тахрир» [8, с. 109]. Отряды террористов теснейшим образом связаны с производством и транспортировкой наркотиков, являясь своеобразной службой безопасности для наркомафии. Самым крупным центром подобной деятельности в регионе сейчас является Афганистан.

Угрозам, поступающим со стороны Афганистана в Центральную Азию, Россия пока противостоит недостаточно активно. Прежде всего не решена проблема открытых границ. Российских пограничников нет на границе с Афганистаном с середины 2000-х гг. Граница России с Казахстаном насчитывает 7,5 тыс. км, которые охраняются только на 77 пунктах пропуска. Подобная прозрачность границ позволяет беспрепятственно проникать на территорию России не только экстремистской идеологии, но и различным видам наркотиков, с ко-

торыми местные власти тоже бороться не в состоянии. Ежегодно по северному маршруту через СНГ и Россию проходит около 800 т наркотиков, что сравнимо с железнодорожным составом из 130 вагонов. Изымается же крайне незначительное их количество. Эффективное противостояние этой и другим новым угрозам безопасности требует серьёзного обновления подходов, инструментов, тактики и вооружения, защищающих безопасность России в Центральной Азии.

1. Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) // Казахстанский военный сайт. URL: http://military-kz.ucoz.org/index/vojska_odkb_ksor/0-63 (дата обращения: 14.01.2016).
2. Договор о коллективной безопасности // ОДКБ. URL: http://www.odkb-csto.org/documents/detail.php?ELEMENT_ID=126 (дата обращения: 14.01.2016).
3. Мухаметов Р. С. Основные направления военного сотрудничества России со странами ближнего зарубежья // *Ars administrandi*. 2012. № 3.
4. Оверченко М. Как Китай отвоёвывает у России Центральную Азию // *Ведомости*. URL: <http://www.vedomosti.ru/economics/articles/2015/10/26/614254-kitai-aziyu-rossii> (дата обращения: 14.01.2016).
5. Таджикистан показал Узбекистану военную силу Ирана: Таджикистан за неделю // *ИА Regnum*. URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/1446525.html> (дата обращения: 12.01.2016).
6. Панфилова В. Таджикистан может отдать аэродром Айни под иностранную военную базу // *Независимая газета*. URL: http://www.ng.ru/cis/2015-07-14/7_india.html (дата обращения: 15.01.2016).
7. Индийские военные разместили свою авиацию на таджикском аэродроме Айни // *News-Asia* : центральноазиатский информационный портал. URL: <http://www.news-asia.ru/view/2251> (дата обращения: 15.01.2016).
8. Триведи Р. Нетрадиционные угрозы безопасности в Центральной Азии с точки зрения сравнительной региональной перспективы // *Сравнительная политика*. 2011. № 4.

Ценностные основания Ялтинского и нового мирового порядка**Valuable bases of Yalta and new world order**

В статье рассматриваются ценностные основания Ялтинского и нового формирующегося мирового порядка. Автор дифференцирует понятия «международный порядок» и «мировой порядок». По его мнению, ялтинский международный порядок претерпел несколько серьезных этапов в своей трансформации, начиная от кондоминиума четырех держав, затем биполярного мира и однополярного мира. Уставы, договоры, институты составляют содержание межгосударственных отношений. Что касается мирового порядка, то начиная от Атлантической хартии, его ценностные основы были сформулированы как базовые либеральные ценности. С весны 2014 г. Россия открыто заявила о себе как европейской ревизионистской державе. Проблема заключается не только в пересмотре территориального статус-кво в Европе. Кремль продвигает образ России как знаменосца антилиберальной Европы, или Антизападной европейской цивилизации, то есть выступает против ценностных оснований ялтинского мирового порядка. Происходящие в мире изменения, особенно в 1990—2000-е гг., формируют представления об иных ценностных основаниях нового мирового порядка. Перед российской правящей элитой стоит задача не оказаться на маргинальных позициях мирового процесса.

Ключевые слова: международный порядок, мировой порядок, ценности, Ялтинский мировой порядок, региональный ревизионизм.

The article discusses the value foundations of the Yalta and the emerging new world order. The author differentiates the concepts of international order and world order. According to the article, the Yalta international order has undergone several major steps in its transformation from a condominium of the four powers, then bipolar world, and then a unipolar world. The statutes, treaties, institutions form the content of international relations. As for the world order, ranging from the Atlantic Charter, its valuable bases were formulated as basic liberal values. In the spring of 2014 Russia has openly declared itself as a European revisionist power. The problem is not only in the revision of the territorial status quo in Europe. The Kremlin is promoting the image of Russia as a

standard-bearer of European anti-liberal, anti-Western or anti-European civilization, that is opposed to the value bases of the Yalta world order. Changes in the world, especially in the 1990s–2000s., formed images about the other values of a new world order. Therefore the main objective for the Russian ruling elite is not to be marginalized in the positions of the world process.

Keywords: international order, world order, values, Yalta world order, regional revisionism.

В марте 2014 г. завершился длительный период эволюции Ялтинского и пост-Ялтинского мира, который сложился в годы совместной борьбы стран антифашистской коалиции и стал итогом реализованного компромисса между «большой четверкой» стран-победительниц во Второй мировой войне.

В декабрьском 2015 г. фильме Владимира Соловьева, показанном по второму каналу Российского телевидения, его автор ставит вопрос: «Разве мораль лежала в основе ялтинских договоренностей?» И сам на него отвечает: «Ведь мы думали, что они моральны, а они всего лишь боялись нашей силы» [1].

Прежде, чем коснуться темы ценностных оснований Ялтинского мира, определимся в дефинициях «мировой порядок» и «международный порядок». Российский исследователь А. Д. Богатуров подразумевает под «международным порядком» порядок, складывающийся между всеми странами мира, совокупность которых условно именуется международным сообществом [2, с. 6–23]. Британский исследователь Роберт Купер определил международный порядок как «правила, которые управляют системой и поддерживают ее в состоянии стабильности; моральное содержание, воплощающее идеи справедливости и свободы». Л. Миллер и Р. Купер считают, что системный порядок в международных отношениях определяется прежде всего наличием свода правил поведения, и именно смена этих правил может характеризовать смену одного порядка другим [3].

Что регулирует международный порядок? Уставы, договоры, институты межгосударственных отношений (МО). В истории МО известны три типа международного порядка – равновесный, гегемонический и конституционный. В рамках одного мирового порядка может иметь место динамика типов междуна-

родного порядка. К этому могут быть отнесены колебания между однополярностью, многополярностью или ««плюралистической однополярностью» (как определил А. Богатуров).

В 2000 г. появилась российская версия «глобального демократического мира». Российская сторона подразумевает под ним ослабление относительной мощи США при сравнительном возрастании совокупных потенциалов Китая, России и, не исключено, некоторых других членов международного сообщества, включая в более отдаленном будущем Европейский союз.

Нововведения 1990-х гг., такие, как право гуманитарной интервенции и нелегитимность авторитарных режимов, «пенитенциарные интервенции» («интервенции возмездия») и «превентивные вмешательства», идут вразрез с классическим принципом невмешательства, на который со времен Вестфальского мира опирались отношения между государствами. Этот принцип сегодня оспаривается прежде всего США и их европейскими союзниками. Кроме того, США с 2003 г. стали отходить от консенсусной логики «многостороннего согласования» мировой политики, все более полагаясь на собственные национальные интересы. Для характеристики нового типа политики США исследователи ввели определение «авторитарного патернализма» [2].

Вполне естественным представлялось стремление российского руководства настаивать на демократизации международного порядка и повышении роли России в его формировании и регулировании.

Эти темы продолжают оставаться предметом острых дискуссий в профессиональной и научной среде. Мне довелось присутствовать при одной из них. В 2012 г. в библиотеке Сената Италии был представлен результат обобщающей дискуссии в виде монографии «Использование силы и законная оборона в современном международном праве» под редакцией А. Ланчиотти и А. Танци [4].

Теперь рассмотрим, что такое мировой порядок. Мировой порядок не имеет всеобщего характера, по охвату он уже, чем порядок международный. Его устанавливают, как правило, страны-победительницы, основатели мирового

порядка. Мировой порядок – это прежде всего ценностные основания мироустройства.

Если быть лаконичным, то Атлантическая хартия (август 1941 г.) стала первым документом, в котором были сформулированы основные принципы нового мирового порядка [5].

Ялтинский международный порядок обеспечивали, как минимум, три уровня институтов: ООН, Бреттон-Вудская система, Всеобщая декларация прав человека, принятая в 1948 г. Итак, концепт Ялтинского мирового порядка сформировался как концепт демократического мира, типичная либеральная модель с приматом человека перед государством, защитой индивидуальных прав, разделением властей. Именно они явились ценностной основой Ялтинского мирового порядка.

Советский марксизм, несмотря на очевидную мутацию, являлся производным левой европейской идеологии, порожденной эпохой Просвещения. У него были те же самые родительские корни, что и у европейского либерализма. Можно говорить о разном правоприменении, но у них были схожие философская база и понятийный аппарат.

Как можно оценить современные процессы, которые происходят в глобализирующемся мире?

После исчезновения угрозы с Востока сближение европейцев перешло из военно-политической в социально-экономическую сферу, и западная часть континента перестала воспринимать себя как «союз по необходимости», превратившись в сообщество, объединенное исторической идентичностью [3].

В марте 2014 г. Россия сделала заявку на выход из Ялтинского (пост-Ялтинского) мирового порядка и встала на путь глобального и регионального ревизионизма. Если в российской политической элите этот процесс воспринимается как возвращение к основам Ялтинского международного порядка, то в евроатлантическом мире это рассматривается как серьезный вызов ценностным основам Ялтинского мирового порядка, как попытка России отказаться от своей европейской идентичности [6]. Тем более, что речь идет о ядерной державе и

правопреемнице одного из основателей Ялтинского международного и мирового порядка.

Английский исследователь Бобо Ло отмечает: «для многих на Западе действия Москвы в начале 2014 г. означали конец иллюзий относительно сотрудничества и возвращение к геополитической и идеологической конфронтации. Россия после длительного нахождения на периферии стала центральным актором в новой глобальной драме» [7, с. 43–44].

Кремль продвигает образ России как знаменосца антилиберальной Европы, или Антизападной европейской цивилизации [6]. Администрация президента заказала разработку консервативной идеологии нескольким экспертным центрам, которые должны были опираться на классические работы по данному вопросу. Главный из таких центров, Институт социально-экономических и политических исследований (ИСЭПИ), возглавляет Дмитрий Бадковский, бывший заместитель начальника управления внутренней политики администрации президента. В 2014 г. ИСЭПИ опубликовал альманах под названием «Тетради по консерватизму», в котором были систематизированы материалы о консерватизме, подготовленные для Кремля. Тексты, собранные в альманахе, в основном представляли собой материалы «Бердяевских чтений». Наиболее цитируемые в них авторы – Николай Бердяев, Константин Леонтьев, Иван Ильин.

За пределами России Кремль рассчитывает на поддержку крайне правых, профашистских сил в Европе и христианских фундаменталистских сил в США [6]. Можно ли на этой идеологической основе стать инициатором и организатором ценностной базы нового мирового порядка?

Происходящие в мире изменения, особенно в 1990–2000-е гг., перевели представления о факторах, влияющих на формирование нового мирового порядка, в своего рода постклассические видения процессов. К примеру, Даниел Белл указывает на то, что к новому миру не применимы традиционные логические подходы, которые на протяжении XIX и XX в. казались незыблемыми. Поэтому время, в котором мы живем, если охарактеризовать его одним словом, это эпоха разобщенности. «...Возникающая картина не описывается с позиций

четкой системы методологических постулатов и не укладывается в рамки теории». По мере роста многообразия политических форм, сложности соподчинения экономических интересов и – что особенно важно – осознания того, что в мире нет единых ценностей и норм, попытки унификации глобального сообщества (даже нормативно-правовой, не говоря уже о политической) будут ослабевать, а союзы, предполагающие «включение» одних и «исключенность» других, укрепляться [3].

В наше время у Запада нет сил, возможностей и желания консолидировать мир на основе неких единых простых и понятных для него принципов. Европа не может сегодня служить примером для всего мира, но она безусловно указывает на некий магистральный путь развития, в результате которого разделенность мира может стать более очевидной, а стремление стран периферии приобщиться к ценностям центра – более выраженным.

Андрей Трейвиш полагает, что мир, скорее всего, не расколется на отдельные враждебные друг другу региональные блоки, а существующие объединения не распадутся под давлением национальных эгоизмов [8].

Каковы перспективы у российской правящей элиты относительно возможности формирования нового мирового порядка на основе антилиберальных ценностей?

Российский философ Григорий Померанц считает, что Россия продолжает метаться «в историческом пространстве и во времени». Можно сказать, что она «не приобрела собственную телесность». Еще более жесткую оценку дал известный политолог Глеб Павловский: «Мы не империя зла... Мы империя пустоты. Это более сильный новый вызов, культурный, человеческий и политический. Может быть, даже в первую очередь политический вызов. Вызов к строительству, вызов к созидательной воле». Россия разменивает время на пространство. «А держание власти в России — это что? Это держание пространства. Здесь уже внутри возникает новая готовность к размену времени на пространство. <...> Мы ставим ультиматум не кому-нибудь, даже не Америке, – мы ставим ультиматум глобализации, на которой целиком стоит наша экономика.

<...> С языком старой геополитики лезут в язык новой глобальности, который не знают, а та сама по себе не так уж проста и понятна... Это все равно, что лететь бомбить врага без навигационных приборов, но с бомбами, уже заведенными на время взрыва» [9].

Чтобы не поставить Россию в изоляцию, не нанести непоправимый ущерб национальной безопасности, российские политические элиты и экспертное сообщество обязаны глубоко и всесторонне изучить риски современных вызовов и быть ответственными в выработке рекомендаций к принятию политических решений.

-
1. *Соловьев В.* Миропорядок. URL: http://vrsoloviev.com/3030_miroporyadok-film-vladimira-soloveva-video/ (дата обращения: 28.11.2015).
 2. *Богатуров А.* Международный порядок в наступившем веке // *Международные процессы.* 2003. № 1. С. 6–23.
 3. *Иноземцев В. Л.* Крушение Ялтинской системы и судьбы демократии: надуманная связка. URL: <http://www.strana-oz.ru/2008/6/krushenie-yaltinskoy-sistemy-i-sudby-demokratii-nadumannaya-svyazka> (дата обращения: 01.09.2015).
 4. *Uso della forza e leggitima difesa nel diritto internazionale contemporaneo / a cura di A. Lanciaotti e A. Tanzi.* Napoli, 2012.
 5. *Англо-американская декларация (Атлантическая хартия).* 14 авг. 1941 г. URL: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1167579> (дата обращения: 27.09.2015).
 6. *Ларюэль М.* Россия как антилиберальная европейская цивилизация // *Контрапункт.* 2015. № 2.
 7. *Bobo Lo.* Russia and the Shifting Global Order. L., 2015. P. 43–44.
 8. *Трейвиш А.* Мировой кризис и мировой порядок // *Отечественные записки.* 2008. № 6. URL: <http://www.strana-oz.ru/2008/6/mirovoy-krizis-i-mirovoy-poryadokhttp://gefter.ru/archive/11979> (дата обращения: 01.09.2015).
 9. *Павловский Г.* 24 марта 2014 года. URL: <http://gefter.ru/archive/11979> (дата обращения: 01.09.2015).

**Теории регионализма в современных исследованиях
международной интеграции**

**Theories of regionalism in contemporary studies
of international integration**

В статье анализируются основные теоретические школы, объясняющие современные интеграционные процессы. Автор аргументирует, почему регионализм стал играть важную роль в современной науке международных отношений, а также раскрывает основные тенденции в изучении региональных процессов.

Ключевые слова: регионализм, новый регионализм, сравнительный регионализм, региональная интеграция.

The article analyzes the main theoretical schools, explaining the modern integration processes. The author argues why regionalism has come to play an important role in contemporary international relations, and reveals the major trends in the study of regional processes.

Keywords: regionalism, new regionalism, comparative regionalism, integration, regional integration.

Понятие «регионализм» в 1990-е гг. получило широкое распространение благодаря новому видению формирующегося регионального пространства после окончания холодной войны и относилось преимущественно к возникновению наднациональных регионов. Классические теории международных отношений, прежде всего реализма, объясняли побудительные мотивы региональных процессов укреплением баланса сил или рассматривали региональное строительство в рамках интеграционных теорий, как это делал функционализм Д. Митрани и неофункционализм. Так продолжалось до тех

пор, пока не заявило о себе в начале 1990-х гг. теоретическое направление, получившее название «новый регионализм».

В самом широком плане теоретические подходы к изучению региональных процессов делятся на «старый» и «новый» регионализм; регионализмы в «первом», «втором», «третьем» поколениях, на экономический, монетарный, культурный и др. [1].

Теоретические подходы регионализма многочисленны и разнообразны, но то же самое можно сказать об объектах исследования. До настоящего времени не существует единого определения, что такое регион. Большинство исследователей сходятся во мнении, что понятие регион подразумевает некоторую «географическую близость и примыкание к нему» (*geographical proximity and contiguity*) [2, p. 353], или «взаимозависимость» [3], или «культурную однородность» [4], или «чувство общности» [5], или «региональную консолидацию» (*regioness*) [6].

Регионализм, таким образом, относится к процессам и структурам регионального строительства с точки зрения тесных экономических, политических, безопасности и социально-культурных связей и вопросов между государствами и обществами, которые близки географически. В политических науках понятие «регионализм» часто используется как синоним регионального сотрудничества и региональной интеграции, которые могут рассматриваться на противоположных концах сущности, в рамках которой регионализм может изменяться [1].

Одним из главных объектов исследования теорий регионализма был и продолжает оставаться Европейский союз. По мнению немецкого исследователя Т. Берцель, процесс развития многоуровневой системы управления в Европейском союзе привел к «теоретическому перевороту» в исследовании региональных процессов, который охарактеризовался завершением доминирования теорий международных отношений и открыл пространство для теоретической и общественно-политической компаративистики [2, p. 7].

В исследовании процессов в ЕС это проложило путь *социальному конструктивизму* (*social constructivism*), который развивается в дискуссиях с *раци-*

оналистическими и историческими институционалистскими подходами (*rationalist and historical institutionalist approaches*). Исследования социальных конструктивистов (Дж. Чеккель, Т. Риссе, Т. Дайза) подчеркивали важность процессов социализации и формирования коллективной идентичности в процессах региональной интеграции [Ibid., p. 8]. Т. Берцель считает, что теоретические подходы регионалистского характера стали субдисциплинами теорий международных отношений [Ibid.].

Вместе с тем, она отмечает, что существующие теории международных отношений и сложившиеся теоретические подходы к исследованию европейской интеграции мало чем могут помочь в понимании регионалистских процессов в Африке и в Азии. Эту миссию взял на себя так называемый «новый регионализм», который синтезирует различные подходы, включающие социальное конструирование регионов, роль негосударственных акторов, групп давления, культуры и окружающей среды. Инструментарий мировой политической экономики используется при исследовании региональных торговых и инвестиционных моделей, институтов, содействующих либерализации доступов к региональным рынкам. При помощи статистических методов проверяются границы институционалистских теорий. Сравнительный регионализм сложился как исследовательское поле, конвергирующее различные теоретические подходы, которые сложно сочетаются между собой [7].

«Новые» регионалисты исходят из того, что «регион» является самостоятельным актором международных отношений. Таким образом, регион становится самостоятельным субъектом, действующим лицом в международных отношениях. Региональный уровень исследования позволил сформировать новую нишу в исследовании международных отношений, отличную от национального и глобального уровня. Исследователи исходят из того, что не существует «естественных» регионов. Определение «регион» может варьироваться в зависимости от конкретной проблемы или вопроса, в рамках которого проводится исследование.

Концепция регионализма является одной из наиболее дискуссионных в современных теориях международных отношений. Поэтому важно определить понятия, которыми оперирует теория «нового» регионализма, такие как «регион», «региональное сотрудничество», «региональная интеграция», «регионализм», «регионализация» и «региональная консолидация» (*regionness*).

Теории «нового» регионализма дали толчок развитию ряда новых направлений в исследовании регионов, таких как «азиатский» регионализм (П. Катзенштейн, А. Ачария), «виртуальный» регионализм (А. Ачария), культурная стратификация, региональная идентичность и т. п.), «сравнительный» регионализм, теории «концептов идентичности и пространства» (Ансси Пааси, исследователя Департамента географии Университета Оулу (Финляндия) [8], Джозефины Сисснер, сотрудника Исследовательского центра миграции, этничности и общества (REMESO, Швеция) [9] и Т. Перрена, сотрудника Института исследований социальных наук (PASTE-CNRS Laboratory, Гренобль, Франция) [10].

Термин «компаративный», или «сравнительный» регионализм (*comparative regionalism*) появился сравнительно недавно. Авторы, использующие данный термин, обозначают новый этап в эволюции подходов регионализма как всеохватывающее комплексное исследование региональных процессов. Одним из первых данный термин ввел в научный оборот Ф. Лорсен в монографии «Компаративная региональная интеграция», изданной под его редакцией [11]. Целью исследования является рассмотрение интеграционных процессов с точек зрения разных теорий, а именно реализма, институционализма, конструктивизма др. В написании книги участвовали такие авторы, как Фредерик Седербаум, Люк Ван Лангенхове, Алекс Варлейх-Лак и другие. Позднее в развитие темы вышли несколько работ, написанных этими же авторами, в том числе Фредериком Седербаумом и его коллегами [12]. Амитав Ачария, Таня Берцель также занимаются изучением сравнительного регионализма. Ачария предлагает не ограничиваться теориями сравнительной интеграции, но учитывать всю полноту классических международных теорий [7].

Философской аксиомой является то, что любая теория, которая заявляет о своем существовании, подвергается критике. Теории «нового» регионализма не являются исключением. Новый подход в региональной тематике не мог не вызвать критику, прежде всего со стороны представителей политической географии, которые опираются на иной методологический аппарат. Для представителей географической школы понятие «регион» используется как в более широком смысле, чем национальное государство, так и в качестве определения внутригосударственного объекта, например, город-регион, область-регион. Критерии определения регионов у представителей географической науки, следовательно, отличаются от тех, что используют экономисты, представители политической и социологической науки.

Критически оценивая саму критику «нового» регионализма, можно обобщить ряд принципиальных замечаний и претензий к данному теоретическому направлению. Во-первых, количество школ, направлений, подходов, которые называют себя или причисляют себя к теориям «нового» регионализма, действительно огромно. Дж. Ловеринг [13], Дж. Харрисон [14] и другие критики предпринимали попытки систематизировать и классифицировать данные подходы, однако изменяющиеся условия в рамках глобального, регионального и национального измерений открывают широкое пространство для новых открытий.

Таким образом, идентификация теорий как теорий «нового» регионализма сегодня осуществляется преимущественно на уровне самоидентификаций авторов исследований, что затрудняет классификацию данного направления.

Во-вторых, огромное количество авторов и школ, изучающих регионализм, работают в разных научных направлениях – это экономика, география, политика, социология, антропология и др. Каждое из направлений имеет свою методологию исследования, эмпирическую базу, но пока большинство из них работает изолированно. В связи с этим можно говорить о «новом» регионализме, синтезирующем экономическую, политическую, социальную, географическую динамику. Здесь нельзя не согласиться с Харрисоном о необходимости использования разных подходов при изучении каждого конкретного региона [15].

-
1. Михайленко Е. Б. «Старый» и «новый» регионализм: теоретический дискурс : курс лекций. Екатеринбург, 2014.
 2. Börzel T. A. Comparative Regionalism : A New Research Agenda // KFG Working Paper No. 2011. 28 Aug.
 3. Hurrell A. Explaining the Resurgence of Regionalism in World Politics // Rev. of Intern. Studies. 1995. P. 353.
 4. Nye J. S. Patterns and Catalysts in Regional Integration // Intern. Organization. 1965. № 4 (19). P. 7.
 5. Russett B. International Regions and the International System // A Study in Political Ecology. Chicago, 1967. Цит. по: Börzel T. A. Comparative Regionalism. P. 5.
 6. Deutsch K. W., Burrell S. A., Kann R. A. Political Community and the North Atlantic Area : International Organization in the Light of Historical Experience. Princeton, 1957.
 7. Hettne B., Söderbaum F. Theorising the Rise of Regionness // New Political Economy. 2000. № 5/3. P. 457–474.
 8. Acharya A. Comparative Regionalism : A Field Whose Time has Come? // The Intern. Spectator : Italian J. of Intern. Affairs. 2012a. Nr. 47/1.
 9. Paasi A. Region and place: regional identity in question // Progress in Human Geography. 27. April. 2003. P. 475–485.
 10. Sysner J. Conceptualization of Culture and Identity in Regional Policy / Regional & Federal Studies. 2009. № 3 (19). P. 437–458.
 11. Perrin T. New Regionalism and Cultural Policies: Distinctive and Distinguishing Strategies, from Local to Global / J. of Contemporary European Studies. 2012. № 4 (20). Pp. 459–475.
 12. Laursen F. Comparative Regional Integration. Ashgate, 2005.
 13. Söderbaum F., Sbragia A. Linking European Integration and Comparative Regionalism // Paper for UACES Conference 2010, Bruges. URL: http://uaces.org/documents/papers/1001/soderbaum_f.pdf (mode of access: 09.07.2013) ; de Lombaerde P., Söderbaum F., Van Langenhove L. F. Baert. The Problem of Comparison in Comparative Regionalism // Paper to be presented at symposium on Regionalism and the European Union. Apr. 6. 2009. University of Miami under the co-sponsorship of the Miami-European Union Center. URL: <http://aei.pitt.edu/14995/1/CompReg.pdf> (mode of access: 09.07.2013).
 14. Lovering J. Theory Led by Policy : The Inadequacies of the “New Regionalism” (Illustrated from the Case of Wales) // Intern. J. of Urban and Regional Research. 1999. No 23/2. P. 379–395.

15. *Harrison J.* Re-reading the New Regionalism: A sympathetic Critique // *Space & Polity*. 2006. No 10/1. P. 21–46.

УДК 351.746.1(470)+355.02+330.33.01

М. Р. Москаленко

*Уральский федеральный университет,
Екатеринбург*

Е. М. Кропанева

*Уральский государственный
медицинский университет,
Екатеринбург*

**Военно-стратегические вызовы для современной России
и системный кризис общества**

**Military and strategic Challenges for Russia
and the systemic crisis of society**

В статье рассматриваются тенденции развития современного российского общества, которые могут создавать угрозу его стабильному развитию и национальной безопасности страны. Изучаются факторы, влияющие на устойчивость современного российского общества.

Ключевые слова: национальная безопасность, военно-стратегические вызовы, социальные противоречия, кризис общества.

This paper discusses the development trends of modern Russian society, which can threaten its sustainable development and national security. Study the factors which influence the stability contemporary Russian society.

Keywords: national security, military and strategic challenges, social antagonisms, social crisis.

В современном мире происходит усиление конкурентной борьбы между государствами за ресурсы (природные и интеллектуальные) на фоне все возрастающего динамизма научно-технического и общественно-политического развития. Это делает современный миропорядок достаточно нестабильным, осо-

бенно на фоне возрастающих социальных противоречий в большинстве государств мира.

Россия в настоящее время находится перед рядом серьезных военно-стратегических вызовов. Хотя в современном мире конкуренция и борьба за ресурсы между государствами все чаще переходят из военной сферы в экономическую и политическую, тем не менее, практически все крупные страны развивают вооруженные силы и поддерживают их боеспособность, часто используя как инструмент международного влияния и политического давления. Между тем, концепция современных войн претерпевает серьезные изменения.

Во-первых, клуб ядерных держав расширяется, и вход в него – отнюдь не гарантия защиты стратегических интересов. Пример – СССР, который, обладая мощнейшим ядерным потенциалом, был уничтожен политическими и экономическими методами в холодной войне.

Во-вторых, все дальше отходит в прошлое концепция войны массовых армий с захватом территории противника, а сама оккупация и военный разгром не являются гарантиями победы. Самый свежий пример – оккупация США и их союзниками Ирака и Афганистана, когда после сравнительно легкой победы во фронтальном противостоянии армий они столкнулись с тотальной партизанской войной и сопротивлением по «сетевому» принципу.

В-третьих, еще со времен холодной войны в мировой практике стали доминировать такие технологии борьбы с противником, как подкуп элит, культурная агрессия (внедрение в массовое сознание населения противника деструктивных стереотипов мировосприятия), действие «агентов влияния», экономическое давление, информационно-пропагандистская агрессия (создание негативного имиджа страны-противника) и др. В современном мире вышеперечисленные методы давления на противника начинают играть не менее важную роль, чем традиционная военная сила, и это требует от руководства большинства государств переосмысления концепции использования армии и флота в случае потенциальных конфликтов.

Отметим также, что в социально-экономической, политической и духовной сферах жизни российского социума существуют опасные тенденции, которые говорят о продолжающемся системном кризисе общества и создают прямую угрозу национальной безопасности. Так, из всех противоречий позднего СССР в социально-экономической и политической сфере решено, по большому счету, только одно – товарный рынок насыщен продовольственными и промышленными товарами. Однако эта насыщенность имеет и обратную сторону – резко возросла и достигла критических показателей зависимость России от импорта продовольствия и ряда товаров народного потребления. Некоторые серьезные противоречия позднего СССР оказались неразрешенными:

- продолжает сохраняться топливно-сырьевая зависимость экономики, а бюджет государства во многом зависит от мировой конъюнктуры цен на энергоносители;
- так же, как и в СССР, и в Российской империи, продолжают сохраняться непропорционально большие затраты на содержание армии, силовых структур и ВПК: так, страна вышла на третье место в мире по военным расходам [1], в то же время занимая 15-е место по уровню ВВП [2];
- слабое развитие высокотехнологичных наукоемких отраслей промышленности (по сравнению с поздним СССР ситуация ухудшилась). Экономика по-прежнему плохо восприимчива к достижениям НТР и внедрению наукоемких технологий; в большинстве современных высокотехнологичных отраслей (производство электроники и ЭВМ, автомобилей, гражданское авиастроение и др.) отечественный производитель имеет неустойчивое положение даже на внутреннем рынке.

Кроме того, в современной Российской Федерации возникли противоречия и факторы неустойчивости, которых не знал СССР: высокая социальная поляризация; отсутствие признаваемых большинством населения стратегических целей развития страны; противоречия на межконфессиональной почве и случаи бытового национализма; кризис нравственного сознания и связанный с этим

рост преступности, особенно молодежной [3; 4]; социальная атмосфера тревожности и неуверенности в завтрашнем дне и др.

Все это позволяет говорить о продолжающемся системном кризисе общества и дефектах реализуемой модели модернизации. В критической ситуации «наложение» друг на друга вышеуказанных негативных тенденций способно привести к непредсказуемым последствиям.

-
1. Эксперты: РФ стала третьей страной в мире по объему оборонного бюджета. URL: <http://news.mail.ru/politics/16790297/> (дата обращения: 08.02.2014).
 2. Самые богатые страны мира – 2015 по абсолютному показателю ВВП. URL: <http://investorschool.ru/samye-bogatye-strany-mira-2015> (дата обращения: 24.12.2015).
 3. *Снегирева М. В.* Нравственное государство как императив государственной эволюции: необходимость изменения социальной политики // Социально-педагогическая деятельность в социуме: теория, практика, перспективы : материалы VI Междунар. соц.-пед. чтений им. Б. И. Лившица. Екатеринбург, 14 окт. 2014 г. Екатеринбург, 2014. Т. 1. С. 158–162.
 4. *Ожиганова М. В.* Педагогические задачи уголовного судопроизводства по делам несовершеннолетних // Молодой ученый. 2014. 17–1–1. С. 41–44.

УДК 339.7(5)+330(510):327

К. Г. Муратшина

*Уральский федеральный университет,
Екатеринбург*

Азиатский банк инфраструктурных инвестиций как новый актер международных отношений в АТР

Asian Infrastructural Investment Bank – a new actor of international relations in Asia-Pacific

В статье рассматривается инициированное Китаем создание новой международной финансовой организации – Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ). Банк был создан в 2015 г. В состав организации вошли государства различных регионов мира от За-

падной Европы до Австралии. Главным акционером банка стал Китай, уже на начальном, организационном этапе оказывающий значительное влияние на работу новой структуры.

Ключевые слова: Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, Китай, Центральная Азия, Азиатско-Тихоокеанский регион, инвестиционное сотрудничество, инициатива «Один пояс – один путь».

The article reviews the formation of a new international financial organization – Asian Infrastructural Investment Bank (AIIB), initiated by China. The organization was established in 2015. Member states from different regions of the world, from Western Europe to Australia, have already joined AIIB. The main AIIB share holder is China, which consequently possesses the most significant impact in the organisation.

Keywords: AIIB, China, Central Asia, Asia – Pacific, investments, “One Belt, One Road” initiative.

Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) – новая международная организация, соглашение о создании которой было подписано представителями 57 государств мира в Пекине 29 июня 2015 г. Инициатором создания нового международного банка выступила Китайская Народная Республика. Целью АБИИ, согласно упомянутому учредительному документу, является многостороннее финансовое сотрудничество в развитии инфраструктуры и различных отраслей промышленности в Азии и Океании. Соглашение находится в открытом доступе, и можно отметить, что достаточное количество его статей тем или иным образом закрепляют приоритет КНР в деятельности банка. Кроме того, в документе присутствует достаточное количество оговорок и многозначных формулировок [1].

Если говорить о размерах вложений, то Китай стал главным акционером и кредитором банка. На порядок меньшие суммы внесли Индия, Россия, Германия, Республика Корея и другие государства Европы, Азии, Океании и Африки [2]. Как заявил президент АБИИ, а также представитель КНР Цзинь Лицунь, еще около 20 стран могут стать членами новой структуры уже на этапе начала ее работы [3].

Уже сейчас, на этапе оформления и начала работы банка, можно с уверенностью говорить о том, что новая международная организация займет достаточно важную позицию в международном взаимодействии в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Главным образом к этому будет прилагать все усилия Пекин, впервые выдвинувший идею ее создания еще в 2013 г. [4].

Главной для Китая функцией АБИИ является поддержка проекта возрождения Шелкового пути «Один пояс – один путь», в рамках которого Пекин планирует развивать сотрудничество с государствами Центральной Азии и Европейского континента в торговых и инфраструктурных проектах. Предварительно руководством банка называются такие цифры кредитования проектов, как 10–15 млрд долл. ежегодно [5]. Критерии отбора проектов для финансирования пока не вполне прозрачны и ясны, однако очевидно другое: Пекин будет призывать своих зарубежных партнеров осуществлять взаимодействие именно с использованием нового банка, получая, таким образом, дополнительную посредническую выгоду.

Кроме того, АБИИ как структура, аналогичная Международному валютному фонду, Всемирному банку и Азиатскому банку развития, может стать серьезным инструментом по повышению роли юаня в мировой экономике или, как минимум, в международном финансовом сотрудничестве в региональном масштабе. С одной стороны, банк становится каналом для «инвестирования части валютных резервов в инфраструктурное строительство», с другой – китайская сторона планирует «выбрать юань в качестве инвестиционной валюты, когда будет достигнут определенный уровень его интернационализации» [6].

Планы Пекина относительно деятельности АБИИ говорят о том, что эта структура является частью его долгосрочной финансовой стратегии мирового масштаба: у развивающихся стран существует потребность в инвестициях, Китай в качестве потенциального инвестора демонстрирует им заметную конкурентоспособность в себестоимости строительства и функционирования инфраструктуры портов, аэропортов, железных дорог, энергетики и телекоммуникаций, затем им предоставляется возможность пользоваться услугами банка. Как

отмечает центральная китайская газета «Жэньминь жибао», таким образом должна сложиться ситуация, в которой «страны, которые обладают запасами или денежными потоками в юанях, могут напрямую приглашать китайские компании к участию в строительстве и управлении инфраструктурой», что «не только усиливает потребность в китайской валюте, но и повышает ее стоимость. В связи с выходом Китая в индустрию инфраструктурного строительства на международном рынке усилится потребность к запасам в юанях, а интернационализация китайской валюты может перейти на второй этап, от “торговых расчетов” к “потребностям резервирования”... Создание инфраструктуры (в рамках “Экономического пояса “Шелкового пути”. – К. Г.) может способствовать экспорту КНР, а также стимулировать потребности в соответствующих финансовых структурах. Строительство надлежащих финансовых структур предоставит готовую систему и платформу для будущих глобальных расчетов, финансирования, запасов и торговли в юанях... Отношения между валютами, торговлей и экономикой не являются изолированными... По “причинам и следствиям” АБИИ, а также соперничеству разных сторон несложно заметить, что базовое условие для достижения влиятельности и руководящей роли Китая заключается в способности китайского капитала, производства и технологий подняться на новый уровень, а также добиться признания среди многочисленных государств» [6].

Как видим, стратегия излагается китайской стороной достаточно четко и открыто. Очевидно, что АБИИ будет отдавать предпочтение лишь тем проектам, которые будут работать на интересы Китая, а значит, говорить о «независимости» новой структуры не приходится. Меняются лишь акценты: если МВФ и Всемирный банк зарекомендовали себя как международные институты, в которых воплощается лидирующая роль США и стран Западной Европы, то АБИИ становится одним из значимых и действенных инструментов наращивания своего влияния в Азии для Китая.

1. Articles of Agreement // The Asian Infrastructure Investment Bank [official website]. URL: <http://www.aiib.org/uploadfile/2015/0814/20150814022158430.pdf> (mode of access: 23.11.2015).
2. Россия стала третьим по количеству акций государством-учредителем АБИИ // Пульс планеты – Азия ИТАР-ТАСС. 2015. 29 июня.
3. Up to 20 Countries Waiting to Join China-Led AIIB, President-Designate Says // The Wall Street J. 19.09.2015. URL: <http://www.wsj.com/articles/up-to-20-countries-waiting-to-join-china-led-aiib-president-designate-says-1442666572> (mode of access: 23.11.2015).
4. Китай может получить право вето в АБИИ – СМИ // Пульс планеты – Азия ИТАР-ТАСС. 2015. 16 июня.
5. АБИИ ежегодно будет выделять кредиты в размере до \$15 млрд – СМИ // Пульс планеты – Азия ИТАР-ТАСС. 2015. 2 дек.
6. Как АБИИ поможет китайскому юаню выйти в мир? // Жэньминь жибао онлайн. 24.03.2015. URL: <http://russian.people.com.cn/n/2015/0324/c95181-8867812.html> (дата обращения: 23.11.2015).

УДК 330(470:510)+339.16.012.23/.24

К. Г. Муратшина, Н. М. Пруткина
*Уральский федеральный университет,
Екатеринбург*

Челночный бизнес в российско-китайских торгово-экономических отношениях в 1990-е гг.

Shuttle business in Russian-Chinese trade and economic relations in 1990-s

Статья посвящена роли челночного бизнеса в российско-китайской торговле. Показано, что на начальном этапе он давал возможность потерявшим работу россиянам прокормить себя, покупая необходимые товары по доступной цене, но в дальнейшем начал выступать тормозящим элементом в развитии цивилизованных экономических связей.

Ключевые слова: Россия, Китай, челночный бизнес, российско-китайское торгово-экономическое сотрудничество.

The article is devoted to the role of shuttle business in Russian-Chinese trade. At first it helped Russian people who lost their jobs to feed themselves and buy necessary goods by a reasonable price, but later it transformed to a setback for the development of the cooperation.

Keywords: Russia, China, shuttle business, Russian-Chinese trade and economic cooperation.

Челночный бизнес – специфический вид международной торговли, занимавший значительное место в торгово-экономических связях России и Китая в начале 1990-х гг. Специалистами дается следующая дефиниция понятия: «импорт потребительских товаров физическими лицами с целью продажи в розницу или мелким оптом на российском рынке» [1].

Катализаторами появления и развития челночной торговли стали принятие закона о кооперации, появление в стране коммерческих банков и начало свободного хождения валюты [2], а также общий развал экономики, наступивший в результате распада СССР. Российские частные предприниматели, не имевшие опыта прямого взаимодействия с иностранными партнерами, получили возможность покупать доллары, организовывать собственные предприятия, начали выезжать с валютой за границу и закупать там необходимые товары и реализовывать их в России.

Челночный бизнес даже начал играть важную роль в общественной жизни: товары, импортируемые из Китая, были представлены на рынке в достаточно большом ассортименте по сравнению с отечественным и продавались по доступным для населения ценам. По словам В. Л. Ларина (Дальневосточное отделение РАН), в начале 1990-х, когда либеральные «реформы поставили население на грань жизни и смерти, именно китайские дешевые товары и продукты питания сняли проблему угрожавшей населению Дальнего Востока гуманитарной катастрофы» [3, с. 10]. Также нельзя не отметить и тот факт, что челночная торговля в условиях экономического кризиса обеспечила работой огромное количество людей, благодаря ей начала развиваться инфраструктура: возникли шоп-туры, чартерные рейсы, а позже – специализированные транспортные фирмы. По сути, это можно было назвать элементом малого и среднего бизнеса.

С другой стороны, челночная торговля имела достаточно серьезные недостатки, которые сказывались на двусторонних отношениях. Во-первых, почти вся продукция, пришедшая в Россию из Китая, была очень низкого качества,

что не способствовало развитию социальной базы торговых связей. Китаист Е. П. Бажанов вспоминает: «Воспользовавшись емкостью, близостью и неупорядоченностью российского рынка, китайские торговцы привозили в Россию продукцию самого низкого пошиба, не находившую сбыта не только где-то еще за рубежом, но даже в самом Китае. Более того, в Россию начали сбывать откровенные отбросы, опасные для здоровья вещи... По подсчетам ряда экономистов, Россия потеряла на низких ценах сырьевого экспорта в КНР как минимум 30 % выручки, т. е. миллиарды долларов» [4, с. 319–320].

Во-вторых, во многих приграничных районах ухудшилась криминогенная обстановка. В-третьих, увеличение поставок сопровождалось ростом коррупции и уклонением от уплаты налогов. Но Российское государство вынуждено было принимать такой бизнес своих граждан, поскольку само из-за отсутствия валюты и развала экономики, выполняя старые контракты, вело с Китаем бартерный обмен комплексов ПВО, которых еще не было у российской армии, на тряпки и «мороженые свиные блоки в четвертинах», на которые наложил запрет российский ветеринарный контроль из-за «сокрытия различных заболеваний у свиней» [5, с. 403–405].

Таким образом, челночный бизнес в начале 1990-х гг. занял своё место в структуре взаимодействия России и Китая и сыграл определенную роль в сотрудничестве, но с течением времени недостатки стали превышать достоинства, и впоследствии двум странам пришлось приложить серьезные усилия для упорядочения взаимной торговли.

1. Капралова Н. Л., Карасева Л. А. Феномен челночной торговли в российской экономике и его эволюция // Модернизация экономики и выращивание институтов : в 2 кн. М., 2005. Кн. 2. URL: https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=3&cad=rja&uact=8&ved=0ahUKEwj_nOyKyd7JAhVL63IKHfzFCNsQFggsMAI&url=http%3A%2F%2Fwww.hse.ru%2Fdata%2F361%2F867%2F1238%2FKapralova.doc&usg=AFQjCNETJBnSXjz_bCRZinKhj0evVhNljQ (дата обращения: 16.12.2015).

2. Российский рубль прошел два десятка лет, чтобы стать свободно конвертируемым // ТАСС [официальный сайт]. URL: <http://tass.ru/ekonomika/2377871> (дата обращения: 08.01.2016).

3. Ларин В. Л. Россия и Китай : Уроки прошлого, откровения настоящего, горизонты будущего // Россия и АТР. 2007. № 3.

4. Бажанов Е. П. Китай: от Срединной империи до сверхдержавы XXI в. М., 2007.

5. Галенович Ю. М. Москва – Пекин, Москва – Тайбэй. М., 2002.

УДК 341.9+355.425+356.15

Т. П. Мусихина, Н. В. Мамин

*Уральский федеральный университет,
Екатеринбург*

Партизанские войны как «войны четвертого поколения»: теоретический аспект

Guerrilla wars as «4th generation wars»: theoretical aspects

Большая часть конфликтов сегодня ведется по асимметричному сценарию, когда одна из сторон вынуждена использовать партизанские методы борьбы. В работе предпринята попытка выделить условные этапы развития современных вооруженных конфликтов, а также их характерные особенности.

Ключевые слова: вооруженные конфликты, войны четвертого поколения, вызовы региональной безопасности.

Most conflicts today are conducted on asymmetrical scenario where one party is forced to use guerrilla methods of struggle. In this article was made an attempt to allocate the conditional stages of the development of modern armed conflicts, as well as the characteristic features.

Keywords: armed conflicts, 4th generation wars, challenges to regional security.

В течение XX в. произошли десятки локальных конфликтов, различных по своему масштабу. Безусловно, асимметричный сценарий развития военных действий не нов, однако, рассматривая многочисленные примеры партизанских

движений, можно условно разделить их развитие в рамках конфликта на три последовательных этапа: формирование, противостояние и наступление.

На первом этапе организация, как правило, состоит из нескольких ячеек, вооруженных отрядов. Создаются опорные базы, организуются каналы снабжения, привлекаются новые бойцы, ведется активная пропаганда. Задача расширения движения является важнейшей для этого этапа. Постепенно растут радиус действия, численность, а также эффективность действий. В результате образуются зоны, где движение имеет сильные позиции [1, с. 63]. Количества оружия, боеприпасов и взрывчатки к этому времени достаточно, чтобы полностью обеспечить отряды всем необходимым, а также начать вооружение населения вне освоенных районов. Особое внимание уделяется идеологии, проявляются первые черты регулярности и политизации войны [2]. Логичным завершением этапа становится экспансия в прилегающие районы, когда организация накапливает достаточное количество материальных и человеческих ресурсов, а текущие позиции уже хорошо освоены и укреплены.

Наступающая далее вторая фаза становится настоящей проверкой жизнеспособности движения. Столкнувшись с реалиями боев, командиры вынуждены извлекать уроки из действий противника, так как в большинстве случаев боевые отряды не в состоянии вести общевойсковой классический бой. Во-первых, организация не располагает необходимым количеством, качеством и разнообразием вооружения. Кроме того, уступая в живой силе, движение оказывается лишено поддержки военной техники, следовательно, усилия бойцов и применяемые тактические приемы направляются на то, чтобы перевести противоборство в плоскость схватки между людьми [1, с. 74]. По этим же причинам отряды вынуждены действовать небольшими группами, которые представляют собой «миниатюрные армии», порой кардинально отличающиеся друг от друга. Таким образом, организация оказывается сосредоточена на эффективном и экономичном использовании имеющихся ресурсов, и единственная возможность выстоять состоит в постоянной импровизации. Целью войны становится не физическое уничтожение, а

«сокрушение противника изнутри» [3]. Для регулярной армии в рамках асимметричной войны многие методы борьбы оказываются неэффективны, в то время как партизанские формирования используют полученный опыт, навязывая невыгодные условия противнику [1, с. 93].

Заключительная фаза – наступление. Партизанские формирования самостоятельно или во взаимодействии друг с другом на каждый удар отвечают ударом, вынуждая противника вступить в открытый бой, одновременно избегая этого. Проводят все более масштабные и рискованные операции с целью достижения устойчивого контроля над обширными территориями и демонстрации недееспособности противника. Подобные действия можно назвать стратегическим наступлением. При активной поддержке населения параллельно боевым действиям могут происходить забастовки, отказ от уплаты налогов. В такой ситуации обычный человек превращается в солдата, для которого тылом становится его дом, родина [1, с. 71]. Армия, не имея возможности определять сугубо военные цели, постепенно переходит к репрессиям против мирных граждан. Отмечается резкое снижение морально-психологических качеств личного состава. Ярким примером тому является война во Вьетнаме, где до 12 % от санитарных потерь приходилось на психические заболевания и душевные травмы, вызванные боевой усталостью [4, с. 53].

Уже сегодня можно говорить о завершившемся процессе формирования ряда отличительных особенностей современной войны. Если для войн XIX – начала XX в. целью было подчинение враждебного государства, то современные «войны четвертого поколения» своей целью ставят мобилизацию населения, расширяя сеть экстремизма. Для «новой войны» классические сражения являются редкостью, а насилие направлено против гражданского населения. Выход за рамки человечности является ее центральным стержнем. По разным данным, около 90 % жертв «новых войн» – это гражданское население [5]. Другой важной в условиях современного общества особенностью является возрастающая роль электронных средств массовой информации.

В отличие от опосредованного воздействия печатных средств, радио и телевидение воздействуют напрямую на сознание. Кроме того, все большую роль играет Интернет, по мере распространения сети по земному шару позволяя привлечь новые категории населения [2].

В войнах четвертого поколения нет явных побед и поражений, несмотря на обилие заинтересованных сторон. Подобные конфликты в первую очередь опасны тем, что подтачивают механизм государственного устройства, подрывают остатки производственной базы, разрушают систему внутригосударственной безопасности, на годы оставляя страну в состоянии серой зоны международных отношений. Кроме того, вызванные войной тяжелые гуманитарные условия, обесценивание человеческой жизни, разгул преступности становятся причиной формирования целого ряда вызовов безопасности в регионе (миграция, голод, наркоторговля, незаконное распространение оружия, разрушение экономических связей, распространение радикальных идей), которые вследствие бездействия или неспособности международного сообщества прийти к компромиссу переходят на новый уровень.

-
1. Широков А., Золотарев В. Армия и внутренние войска в противоповстанческой и противопартизанской войне : Мировой опыт и современность. М., 1997.
 2. Kaldor M. Beyond Militarism, Arms Races and Arms Control // Social Science Research Council, 2001. URL: <http://essays.ssrc.org/10yearsafter911/beyond-militarism-arms-races-and-arms-control/> (mode of access: 20.10.2015).
 3. The Changing Face of War : Into the Fourth Generation // Marine Corps Gazette. Oct. 1989. P. 22–26.
 4. Neel S. Vietnam Studies : Medical Support of the U. S. Army in Vietnam, 1965–1970. Washington, 1973.
 5. Kaldor M. In Defence of New Wars // Stability : Intern. J. of Security and Development. March 2013. URL: <http://www.stabilityjournal.org/articles/10.5334/sta.at/> (mode of access: 9.11.2015).

**Концептуальные основы современной политики КНР
в отношении государств Арабского Востока**

**Conceptual foundations of PRC policy
towards Arab States**

В статье рассматриваются принципы внешней политики КНР в отношении государств Арабского Востока. Показано, что между сторонами развивается сотрудничество на различных уровнях в двустороннем и многостороннем форматах. Геополитические интересы КНР, связанные с Арабским Востоком, охватывают такие области, как аспекты государственной безопасности, связанные с ситуацией среди мусульманского населения КНР, энергетическую безопасность и вопросы трактовки политики невмешательства КНР.

Ключевые слова: концепция внешней политики, международное экономическое сотрудничество, КНР, Арабский Восток.

The article contains the analysis of the conceptual foundations of PRC's policy towards Arab States and systemizes its main points: goals, principles, key partners, problems and tools. In the year 2010 China and the League of Arab states established strategic partnership. Countries are performing a multi-level bilateral and multilateral cooperation within different organizations and in different formats. Chinese geopolitical interests in the includes such areas as: connection between Chinese internal and Chinese muslims, the concept of non-intervention in the internal affairs, energy security of the People's Republic of China.

Keywords: Concept of the Foreign Policy, international economic cooperation, PRC, Arab East.

КНР позиционирует себя как один из важнейших центров современной системы мироустройства. Предпосылки к этому стали складываться с момента создания КНР в 1949 г. Однако объективный процесс приведения экономических, политических, научно-технических и военных факторов к такому балансу меж-

ду ними, который бы соответствовал глобальному статусу глобальной державы, стартовал лишь в 1978 г. Финальной точкой начавшейся в 1978 г. модернизации в Китае принято считать 2050 г. Очевидные успехи на пути развития признаются не только со стороны самого Китая, но и с точки зрения других ведущих субъектов международных отношений. При построении отношений с другими акторами Китай подчёркивает, что он является развивающейся страной и ни в коем случае не претендует на статус сверхдержавы.

В основе внешней политики КНР в отношении государств Арабского Востока лежит нормативно-правовая база, сформировавшаяся в два этапа (после 1949 г. и после 1978 г.) и вобравшая в себя весь опыт внешнеполитической работы не только коммунистического Китая, но и исторически сложившийся опыт китайской цивилизации [1]. Этот комплекс документов различного характера придаёт оформленный вид внешней политике КНР в отношении арабских стран.

Приоритетная цель внешней политики КНР – обеспечение стабильной и мирной обстановки, безопасной для внутреннего развития Китая и реализации его экономических и политических интересов на международной арене.

Принципы внешней политики Китая, воплощённые в «пяти принципах мирного существования», были сформулированы в 1949 г., отражены в документах 1955 г., впоследствии – в Конституции КНР от 1982 г. Помимо этих основополагающих принципов, КНР в 1964 и 2004 г. провозглашала принципы сотрудничества с арабскими странами. В качестве основы этих принципов следует выделить политику невмешательства во внутренние дела арабских стран и стремление к развитию экономического взаимодействия.

Представляется возможным выделить три направления внешней политики Китая: 1) в отношении ведущих мировых акторов, 2) в отношении соседних с Китаем стран, 3) в отношении развивающихся стран. Политика КНР на Арабском Востоке относится к третьему направлению.

Политика КНР в отношении государств Арабского Востока значима для реализации внешнеполитических интересов Китая. Для Пекина важно сохране-

ние стабильного сотрудничества со странами этого региона. Это связано, во-первых, со значением Арабского Востока в мировой политике, во-вторых, с потенциалом экономического сотрудничества с арабскими странами. Поэтому за истекшие с момента установления дипломатических отношений с первой арабской страной 60 лет Пекином был выработан обширный спектр внешнеполитических средств [2, с. 315–324].

В начале XXI в. основными торговыми партнёрами КНР на Арабском Востоке являются страны Персидского залива. Среди них особенно следует выделить Саудовскую Аравию – первого поставщика энергоресурсов в КНР.

Важнейшим фактором взаимодействия КНР с арабскими странами стал Форум китайско-арабского сотрудничества. В 2015 г. были озвучены итоги его десятилетней работы (2004–2014): двусторонний товарооборот КНР с арабскими странами вырос с \$ 25 млн 500 тыс до \$ 238 млрд 900 млн, прирост в год превысил планку в 25 %; объём поставок энергоресурсов из арабских стран в КНР вырос с 40 тыс 580 до 133 млн т, то есть на 12 % в год. Сумма контрактов, подписываемых ежегодно между китайскими и арабскими предприятиями выросла с \$ 2 млн 600 тыс до \$ 29 млрд 100 млн с годовым приростом в 27 %. Объём прямых инвестиций китайских компаний увеличился с \$ 17 тыс 250 до \$ 2 млн 40 тыс. Китай стал вторым торговым партнёром арабских стран и первым торговым партнером девяти из них. Арабские страны выдвинулись на место седьмого торгового партнёра КНР, при этом став её основным поставщиком энергоресурсов [3].

1. *Li Guofu*. China in the Middle East // Fourth Dialogue on U. S. – China Relations in a Global Context. Вашингтон, 12 мая 2009 г. URL: http://www.gwu.edu/~sigur/assets/docs/us_china_dialogue_051209/4_Li_Guofu.pdf (mode of access: 10.12.2015).

2. *Пахомова М. А.* Стратегические интересы КНР на Арабском Востоке в контексте китайской концепции безопасности и событий «арабской весны» 2011 г. // Безопасность на Западе, на Востоке и в России: представления, концепции, ситуации. Изд-во Иванов. гос. ун-та, 2013. С. 315–324.

3. Wang Yi. Jiaqiang luntan jianshe, dazao zhong-a guanxi “shengjiban”. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/ce/cejo/chn/zygxyw/t1162559.htm> (mode of access: 15.12.2015).

УДК 327.2(73)+325.3(967.2)+325.3(729.5)

Д. И. Победаш, К. Ю. Пиксаева

*Уральский федеральный университет,
Екатеринбург*

**Политика США в бывших испанских колониях после 1898 г.
по настоящее время (на примере Гуама и Пуэрто-рико)**

Us policy in Former Spanish colonies after 1898 (Guam and Puerto-rico)

В статье рассматривается политика США в бывших испанских колониях Пуэрто-Рико и Гуаме, перешедших к США от Испании по результатам испано-американской войны 1898 г. Авторы утверждают, что, несмотря на борьбу населения этих территорий за право на самоопределение, до сих пор обе эти территории во многом фактически остаются колониями США. Это объясняется, в частности, тем, что они важны для США как стратегические военные базы.

Ключевые слова: США, Гуам, Пуэрто-Рико, американский империализм, колонии, суверенитет.

The article reviews US policy in former Spanish colonies Puerto Rico and Guam that the USA took from Spain after the Spanish-American war in 1898. The authors claim that, despite continuous struggle of the local populations for self-determination, both territories essentially remain US colonies. That is explained, among other things, by the fact that these two territories are important for the USA as strategic military bases.

Keywords: USA, Guam, Puerto-Rico, US imperialism, colonies, sovereignty.

У отечественной аудитории словосочетание «Американская империя» не вызывает недоумения, тогда как большинство американцев склонны считать, что США – не империя, поскольку у них нет колоний. Иногда американский империализм принимается с оговорками, употребляют такие термины как «неонеоколониализм» в значении «без прямого управления колониями». Ино-

гда же признается факт существования американского империализма, но, в отличие от традиционного, предполагается, что он существует не для того, чтобы грабить колонии, а для того, чтобы принести им свободу и демократию [1, с. 75–76]. Представляется возможным утверждать, что в США сохранились элементы империи с подчиненными метрополии колониями. При этом внутренними колониями можно считать индейские резервации, а внешними – завоеванные колонии за пределами США. Как индейцы США, так и жители Гуама и Пуэрто-Рико борются за свой суверенитет. Однако необходимо отметить, что в контексте США суверенитет трактуется как местное самоуправление, ограниченное федеральными законами. Интересно проследить, как расширяются права на местное самоуправление, за которые ведут борьбу жители Пуэрто-Рико и Гуама – двух «внешних колоний» США.

Американо-испанская война, целью которой было прекращение присутствия Испании на островах Пуэрто-Рико и Куба, закончилась подписанием 10 декабря 1898 г. Парижского мирного договора (ратифицированного Сенатом США 6 февраля 1899 г.). В соответствии со ст. 2 данного договора Испания уступила Гуам и Пуэрто-Рико с его островами Соединенным Штатам. Генерал Джон Р. Брук стал первым американским военным губернатором Пуэрто-Рико [2]. На Гуаме после годового периода политической нестабильности губернатором острова вплоть до 1950 г. становился командующий военно-морской базы США на острове. Первым эту должность занял адмирал Ричард Лири.

Президент Мак-Кинли в своем приказе (Executive Order) от декабря 1898 г., говоря о передаче бывших испанских владений США, обязал командующих оккупационными силами объявить населению данных территорий, что американцы пришли туда «не как оккупанты или завоеватели, но как друзья, для того, чтобы защитить местное население, их дома, их работу, их человеческие и религиозные права». Согласно приказу, военная администрация должна была «завоевать доверие, уважение и расположение» местного населения и уверить его в том, что миссия США заключается в «доброжелательной ассимиляции» [3].

Однако процесс ассимиляции и предоставления прав затягивался, обе территории оставались под военным управлением.

Уже 17 декабря 1901 г. чаморро, коренные жители Гуама, подали первую петицию в Конгресс США о предоставлении им гражданства США и соответствующих прав, в том числе права на местное самоуправление. Подобные петиции, которые подписывало все большее количество людей, подавались в Конгресс впоследствии в 1917, 1925, 1929, 1933, 1936, 1947, 1949, и 1950 г.

В 1917 г. военный губернатор Гуама Рой Смит создал первый Конгресс Гуама. 2 марта 1917 г. президентом В. Вильсоном был подписан акт Джонса-Шафрота, по которому Пуэрто-Рико становилось территорией США, которая была «включена в состав, но не обладала всей правосубъектностью» [4]. Пуэрториканцы получили ограниченное американское гражданство. Это означало, что они не обладали всеми правами американских граждан, таким, например, как право голосовать на президентских выборах США. Акт также подразумевал разделение властей Пуэрто-Рико на три ветви власти – исполнительную (назначаемую президентом Соединенных Штатов), законодательную и судебную. Назначаемый президентом США губернатор, сам президент, а также Конгресс США получали право наложить вето на любые законодательные инициативы пуэрториканского Конгресса [5]. Закон также признал английский язык официальным языком судов.

Подобный закон был принят в отношении Гуама Конгрессом США только 1 августа 1950 г. [6]. Право же самостоятельно выбирать губернатора было предоставлено населению Гуама 11 сентября 1968 г. [7]. При этом губернатор Гуама должен был ежегодно представлять отчеты министру внутренних дел для дальнейшей передачи на рассмотрение Конгрессу США. В феврале 1952 г. была принята Конституция Пуэрто-Рико, в которой был закреплён статус свободно ассоциированного государства Пуэрто-Рико. Попытки принять Конституцию Гуама в 1979 г. не увенчались успехом.

До сих пор, несмотря на постоянные призывы Генеральной ассамблеи ООН преодолеть колониальное прошлое и предоставить народам этих террито-

рий полное право на самоопределение, статус Пуэрто-Рико и Гуама остается неизменным, фактически они остаются колониями. И Пуэрто-Рико, и особенно Гуам важны для США как стратегические военные базы, что оказывает свое влияние на нежелание американских лидеров расстаться с данными территориями. Примечательно, что борцы за суверенитет Гуама и Пуэрто-Рико не только апеллируют к резолюциям Генеральной ассамблеи ООН, поскольку в США существует приоритет национального права над международным, но и указывают, что наличие этих территорий прямо противоречит Конституции США [9, с. 23].

При схожести ситуаций в двух названных выше государствах существуют и некоторые различия. Пуэрто-Рико еще с испанских времен вовлечен в торговые связи, ранее на острове находились сахарные плантации, сейчас чрезвычайно развито фармацевтическое производство. На Гуаме же находится только стратегическая база, крайне важная для США. Леон Панетта, занимавший в 2009–2011 гг. пост директора ЦРУ, а в 2011–2013 – министра обороны, 31 декабря 2012 г. отмечал, что США будут продолжать развивать Гуам как стратегическую базу на Тихом океане, а также развернут на острове оперативные соединения наземных и воздушных сил корпуса морской пехоты [10].

Интересно, что с момента завоевания Пуэрто-Рико американцы вели остров к демократии, развивали образование, преподавали в школах основы конституции и права, тогда как на Гуаме давали только начатки английского языка и обучали правилам гигиены [11, с. 261]. Эти отличия объясняются, среди прочего, тем, что Пуэрто-Рико уже при испанцах был значительно более вестернизирован, тогда как население Гуама считали «дикарями».

Статус Пуэрто-Рико и Гуама остается неизменным, они и по сей день не обладают суверенитетом, а их граждане – полными правами. При этом население обеих территорий постепенно получает все больше прав на самоуправление, а Пуэрто-Рико в этом процессе опережает Гуам.

1. *Go J.* The Provinciality of American Empire: 'Liberal Exceptionalism' and U. S. Colonial Rule, 1898–1912 // *Comparative Studies in Society and History*. Vol. 49, no. 1 (Jan. 2007). P. 74–108. URL: <http://www.jstor.org/stable/4497683> (mode of access: 25.11.2015).
2. Chronology of Puerto Rico in the Spanish – American War // Library of Congress. URL: <http://www.loc.gov/rr/hispanic/1898/chronpr.html> (mode of access: 27.11.2014).
3. Executive Order. May 19, 1898 // American Presidency Project. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=69291> (mode of access: 25.12.2015)
4. Ramos de Santiago C. El Desarrollo Constitucional de Puerto Rico : Documentos y casos // La Editorial, UPR. 1979. URL: http://books.google.ru/books?id=28WMgzul8V4C&dq=puerto+rico+estado+no+incorporado,+pero+organizado&hl=ru&source=gbs_navlinks_s (realizado: 28.11.2014).
5. Jones Act // Library of Congress. URL: <https://www.loc.gov/rr/hispanic/1898/jonesact.html> (mode of access: 25.12.2015).
6. Organic Act of Guam : An Act to provide civil government for Guam. Public Law 630. Aug. 1, 1950 // Office of the Law Revision Counsel. URL: <http://uscode.house.gov/statviewer.htm?volume=64&page=384> (mode of access: 25.12.2015).
7. Public Law 90–497. Sept. 11, 1968 // U. S. Government Publishing Office. URL: <https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/STATUTE-82/pdf/STATUTE-82-Pg842.pdf> (mode of access: 25.12.2015).
8. Declaration on the Granting of Independence to Colonial Countries and Peoples. URL: <http://www.un.org/en/decolonization/declaration.shtml> (mode of access: 27.11.2015).
9. *Fallon J. E.* Federal Policy and U. S. Territories: The Political Restructuring of the United States of America // *Pacific Affairs*. Vol. 64, no. 1 (Spring, 1991). P. 23–41. URL: <http://www.jstor.org/stable/2760361> (mode of access: 27.11.2015).
10. *Panetta L. E.* America's Pacific Rebalance // Project Syndicate. Dec. 31, 2012. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/renewing-the-us-commitment-to-the-asia-pacific-region-by-leon-e-panetta> (mode of access: 25.12.2015).
11. *Cook K. M.* Federal Relations to Education in Outlying Parts // *The Journal of Negro Education*, Vol. 7, no. 3. The Purpose and Scope of the Seventh Yearbook (Jul., 1938). P. 256–266. URL: <http://www.jstor.org/stable/2291884> (mode of access: 25.12.2015).
12. International Commission of Inquires : The Violation of Human Rights by U. S. Court in Puerto Rico in Relation to the Protests Against the Naval Bombing of Vieques // UNESCO [site]. URL: <http://unescopaz.uprrp.edu/documentos/Inquiry.html> (mode of access: 27.11.2015).

13. International Tribunal on Violation of Human Rights in Puerto Rico and Vieques by the United States of America // Social Justice. Vol. 27, no. 4 (82). P. 143–151. URL: <http://www.jstor.org/discover/10.2307/29768042> (mode of access: 27.11.2015).
14. UN General Assembly : Special Committee on the Situation with regard to the Implementation of the Declaration on the Granting of Independence to Colonial Countries and Peoples. Guam. Working Paper A/AC.109/2014/14. March 11, 2014. URL: http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/AC.109/2014/14 (mode of access: 27.11.2015).
15. Resolutions adopted by the General Assembly on 11 December 2013 [on the report of the Special Political and Decolonization Committee (Fourth Committee) (A/68/433)] 68/95. Questions of American Samoa, Anguilla, Bermuda, the British Virgin Islands, the Cayman Islands, Guam, Montserrat, Pitcairn, Saint Helena, the Turks and Caicos Islands and the United States Virgin Islands. URL: http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/68/95A-B (mode of access: 27.11.2015).

УДК 327.82(470:593)+341.232.7

К. Пунгчинггам

Университет Таммасат,

г. Аюттхая, Таиланд

Развитие руссиеведения в Таиланде и его значение для российско-таиландского гуманитарного сотрудничества

The development of Russian studies in Thailand and its significance for the Russian – Thai humanitarian cooperation

Статья посвящена рассмотрению истории отношений в гуманитарной сфере между Таиландом и Россией в период 1980–2015 гг. Автор подчеркивает важность образовательных программ руссиеведения в университетах Таиланда для развития двусторонних отношений. Показано, что расширение российско-таиландского двустороннего сотрудничества в разных сферах вызвало потребность в специалистах, знающих реалии стран. Продемонстрировано, что программа изучения России в учебном центре университета Таммасат позволяет готовить высококвалифицированных тайских специалистов по России и странам СНГ. Установлено, что в Таиланде возрастает интерес к изучению русского языка, истории и культуры России, что способствует расширению двустороннего политического и экономического сотрудничества.

Ключевые слова: руссиеведение в Таиланде, гуманитарное сотрудничество, образовательные программы.

The article is devoted to the analysis of humanitarian cooperation between Thailand and Russia between 1980 and 2015. The author emphasizes the significance of Russian studies programmes in Thai universities for bilateral relations in general. The article demonstrates that the broadening Russian-Thai cooperation in different areas required the training of specialists in country studies, and the outlined Russian studies programme in Thammasat University provides the opportunity to train qualified Thai specialists in Russian and CIS studies. The author concludes that there is a significant increase in interest to Russian language, history and culture studies in Thailand, that helps to promote bilateral political and economic cooperation.

Keywords: Russian studies in Thailand, humanitarian cooperation, education programmes.

После распада СССР руссиеведению в Таиланде уделяется мало внимания. Основной причиной этого, с одной стороны, является снижение влияния Российской Федерации в постобиполярном мире, приоритет западных интересов России в ущерб странам в Юго-восточной Азии. С другой стороны, Таиланд активно развивает сотрудничество в рамках АСЕАН, а также ориентируется на мощные азиатские державы – Китай и Японию.

Несмотря на это, страны Юго-восточной Азии в последней четверти XX в. начали проводить политику, направленную на укрепление связей с Россией. Важными шагами на этом пути стал визит принцессы Таиланда Калаяни Ваттан в Россию в 1975 г. [1]. После этого в 1982 г. в университете Таммасат по ее инициативе началось обучение русскому языку, а в 1993 г. была открыта первая кафедра русского языка на факультете гуманитарных наук [2; 3, с. 74]. С тех пор университет Таммасат является одним из ведущих центров изучения русского языка. Несмотря на политические и идеологические различия между Россией и Таиландом, многие тайцы учат русский язык.

В условиях изменения обстановки на международной политической арене роль России в мире возросла. После вступления В. В. Путина в должность президента в 2000 г. в Таиланде начали рассматривать Россию как островок

экономической стабильности в мире. В этих условиях Университет Таммасат внедрил программу изучения России и в 2003 г. открыл первый в Таиланде центр россияведения [3, с. 74].

Развитие российско-таиландского сотрудничества в разных сферах вызвало потребность в специалистах, знающих реалии обеих стран. Программа изучения России в учебном центре Университета Таммасат направлена на подготовку высококвалифицированных тайских специалистов по России и странам СНГ. В Таиланде возрастает интерес к изучению русского языка, а также истории и культуре России. В бакалавриат по программе ежегодно набирают около ста человек [3]. Основными дисциплинами, которые изучают студенты, являются история, политика, экономика, культура и международные отношения России. На четвертом курсе студенты проводят исследования, связанные с изучением России, например, это касается отношений между Россией и АСЕАН, роли России в Центральной Азии и др. Обучают студентов русскому языку русскоговорящие преподаватели.

В 2004 г. между Таиландом и РФ было подписано соглашение по сотрудничеству в области образования [4]. Для лучших студентов, обучающихся в Центре Россияведения, правительством Таиланда ежегодно выделяется 40 государственных стипендий [5]. После окончания программы студенты стремятся продолжить учебу в России. В настоящее время среди таиландских студентов, обучающихся в российских магистратурах, большинство оканчивало университет Таммасат [2].

Основными специальностями, которые осваивают таиландские студенты в России, являются русский язык и литература, технические профессии (авиация, информация и информационные технологии), право, медицина, туризм и международные отношения [2]. Университет Таммасат подписал соглашения о сотрудничестве с российскими вузами, в том числе с Московским государственным университетом, Санкт-Петербургским государственным университетом, Уральским федеральным университетом, Нижегородским государственным лингвистическим университетом и Институтом стран Азии и Африки МГУ

[6, с. 75]. Каждый год студенты 3-го курса программы изучения России проходят семестровую стажировку в этих университетах.

10 ноября 2015 г. в Университете Таммасат открылся Центр изучения России и стран СНГ. Этот центр сможет оказать неоценимую помощь тайландским студентам не только университета Таммасат, но и других университетов, а также обычным тайцам, интересующимся Россией. Центр обеспечен необходимой информацией по истории, культуре, научным исследованиям, а также в том, что касается внешних связей России (политических, экономических, дипломатических и др.) [2]. Кроме того, центр располагает информационными ресурсами по странам СНГ, имеющим общую историю с Россией.

Университет Таммасат является главным учебным заведением Таиланда, готовящим специалистов по России и русскому языку. Кафедра русского языка, программа изучения России и Центр изучения России и стран СНГ являются важной частью развития не только российско-тайландского гуманитарного сотрудничества, но и политических и экономических связей. Специалисты по России способствуют укреплению взаимопонимания и дружбы между народами России и Таиланда.

В настоящее время в контексте многополярности Россия развивает двусторонние и многосторонние отношения, направленные на взаимовыгодное и равноправное партнерство со всеми государствами на основе принципа уважения независимости и суверенитета [1]. Россия вновь становится великой державой. Многие страны, включая Таиланд, заинтересованы в развитии отношений с ней. Благодаря росту влияния России в Юго-Восточной Азии Таиланд придает большое значение расширению связей с ней не только на уровне правительств, но и на уровне вузов.

В заключение нужно отметить, что руссификация в Таиланде играет важную роль для укрепления двусторонних отношений в области образования и развития межнационального общения. Тесные отношения между двумя странами будут двигаться вперед.

1. Концепция внешней политики Российской Федерации. 18.02.2013 // Министерство иностранных дел Российской Федерации [официальный сайт] URL: http://archive.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F. (дата обращения: 30.11.2015).
2. Барский К. М. Выступление на открытии Центра изучения России и стран СНГ в Таммасатском университете. 10.11.2015. URL: <http://thailand.mid.ru/news/975-vystuplenie-posla-rossijskoj-federatsii-v-korolevstve-tailand-k-m-barskogo-na-otkrytii-tsentra-izucheniya-rossii-i-stran-sng-v-tammasatskom-universitete>. (дата обращения: 4.12.2015).
3. จุลชีพ ชินวรโรณ. สยาม รัสเซีย ไทย การทูตการเมือง การเมืองการทูต อดีต ปัจจุบัน อนาคต. กรุงเทพฯ: สำนักพิมพ์มหาวิทยาลัยธรรมศาสตร์. 2556.
4. Лосюков А. П. Россия – Таиланд : 110 лет по пути взаимопонимания // Международная жизнь. 2007. № 6. 28.06.2007. URL: http://www.mid.ru/press_service/deputy_ministers_speeches/asset_publisher/O3publba0Cjv/content/id/369416. (дата обращения: 30.11.2015).
5. Российско-таиландское сотрудничество в гуманитарной сфере. 06.04.2009. // [официальный сайт] Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: http://www.mid.ru/maps/th/-/asset_publisher/UhQB5xrATSUO/content/id/295254. (дата обращения: 10.12.2015).
6. สถานเอกอัครราชทูต ณ กรุงมอสโก. ของเพื่อนให้: การครบรอบความสัมพันธ์ 110 ปี ความสัมพันธ์ระหว่างไทยกับรัสเซีย. กรุงเทพฯ: บริษัทบุญรอดเทรดดิ้ง อินเตอร์เนชั่นแนล จำกัด. 2550.

УДК 327(510:517.3)

В. А. Родионов

Бурятский государственный университет,

Улан-Удэ

Китайский фактор в политическом процессе современной Монголии

China's factor in the political process of contemporary Mongolia

В центре внимания автора — изучение «фактора КНР» в политическом процессе Монголии. В работе показано, что, нормализовавшись в начале 1990-х гг., отношения Монголии с Китаем стали стремительно развиваться в различных сферах – политической, военной, экономической, культурной. Это делает КНР важнейшим партнером во внешней политике Мон-

голии. В то же время существуют факторы, ограничивающие китайское влияние на Монголию и заставляющие ее искать иные векторы внешней политики.

Ключевые слова: международные отношения, политический процесс, Монголия, Китай, китаефобия, внешнеполитические факторы.

The paper is aimed to studies of the factor of the Peoples Republic of China in Mongolia's political process. Having normalized in the early 1990s, Mongolia-Chinese relations began develop in various spheres – political, military, economic, cultural. It makes the Peoples Republic of China the major partner in foreign policy of Mongolia. At the same time there are the factors limiting the Chinese influence to Mongolia and forcing it to search for other vectors of foreign policy

Keywords: international relations, political process, Mongolia, China, political process, sino-phobia, foreign policy factors.

В начале 1990-х гг. в результате распада СССР и резкого ослабления связей между новой Россией и Монголией последняя получила возможность диверсифицировать свои внешние контакты. В первую очередь это выразилось в дипломатическом прорыве на китайском направлении. В этот период были окончательно нормализованы политические отношения между странами, долгое время находившимися в состоянии конфронтации. Двусторонние официальные визиты на высшем уровне, контакты между руководством правящих МНРП и КПК стали осуществляться регулярно. В ходе визита премьера Госсовета КНР Ли Пэна в Монголию в 1994 г. был подписан Договор «О дружественных отношениях и сотрудничестве», который обозначил качественно новый этап в монголо-китайских отношениях [7, с. 341–343]. Особенно интенсивными стали контакты в последние годы. Во время официального визита в августе 2014 г. в Монголию председателя КНР Си Цзиньпина стороны обязались продвигать всестороннее стратегическое партнерство [2].

С начала 1990-х гг. активно развивается монголо-китайское сотрудничество в военной, образовательной, научной-культурной сферах. Но наиболее впечатляющий прогресс достигнут в экономической сфере. Торгово-экономические связи между странами возросли с 2 % в 1990 г. до 56 % в 2014 г.

от общего объема внешней торговли Монголии [3, с. 273]. По данным Инвестиционного агентства Монголии, Китай в 1990–2013 гг. инвестировал в монгольскую экономику порядка 4 млрд долл. США, занимая по этому показателю лидирующие позиции [4].

Таким образом, за последние два десятилетия Китай превратился в безусловного лидера в торгово-экономических отношениях с Монголией. В то же время существует ряд причин, по которым Китай не может рассматриваться в качестве самого желанного партнера для Монголии. Более того, образ Китая и китайцев в общественно-политическом дискурсе все чаще рисуется в качестве главной угрозы национальной безопасности страны.

Одним из таких источников угрозы называется экономическая зависимость от южного соседа, способная в перспективе перерасти в политическую. И хотя Пекин подчеркнуто устраняется от монгольской внутривнутриполитической тематики, сосредотачивая внимание исключительно на экономических интересах, подозрения монгольской общественности не снижаются. Данные опасения активно используются в политических дискуссиях монгольских политиков. Например, противники строительства узкоколейных железных дорог от крупнейшего монгольского месторождения угля Таван Толгой до китайской границы аргументируют свою позицию прежде всего геополитическими соображениями [5].

Другой источник угрозы видится в демографическом и криминальном давлении Китая. По официальным данным, большинство рабочих-мигрантов в стране составляют китайские граждане [3]. Кроме того, китайцы зачастую ведут в Монголии незаконный бизнес, связанный с добычей золота, контрабандой различных товаров, подделкой документов, что также подпитывает негативный образ Китая [7]. Для существующих в Монголии неонацистских организаций именно китайцы являются главными объектами для нападений и символической агрессии (антикитайские митинги и китаефобские граффити на улицах Улан-Батора) [8].

Особое место при анализе монголо-китайских отношений занимает проблема исторической памяти. За многовековой период существования китайско-

го и монгольского социумов обе стороны неоднократно проявляли агрессию по отношению друг к другу. Такой пласт «исторической памяти» породил у китайского и монгольского народов сложности взаимного восприятия. В свою очередь, восприятие Монголии и монголов в Китае также является источником настороженности в двусторонних отношениях. Несмотря на официальную подтвержденную позицию Пекина о признании независимого статуса Монголии, внутренняя пропаганда КНР подчеркивает легитимность китайских территориальных притязаний, в частности, выпущены географические карты с указанием монгольской территории в качестве части КНР, изданы учебники. В 1993 г. в Пекине вышла книга «Тайные истоки независимости Внешней Монголии», в которой говорилось, что независимость современной Монголии – результат интриг внешних сил, и сами монголы никогда не стремились к отделению от Китая [9, с. 18].

Монгольская общественность крайне чувствительна по отношению к любому высказыванию официальных лиц КНР. Во время своего официального визита в Монголию в 2014 г. председатель КНР Си Цзиньпин процитировал стихи монгольского поэта Д. Нацагдоржа «Моя Родина». Представители монгольской общественности увидели в этом намек китайского лидера на политические притязания Китая на Монголию [10].

В целом роль Китая в политическом процессе современной Монголии крайне противоречива. С одной стороны, без сотрудничества с южным соседом в политической, экономической, научно-культурной, образовательной сферах немыслимо будущее Монголии. С другой стороны, именно с Китаем связываются самые негативные сценарии будущего монгольской государственности и монгольской нации. Данные обстоятельства стимулируют сохранение интереса Монголии к отношениям с иными странами, в том числе с Россией, способной сбалансировать китайское влияние.

1. Яскина Г. С. Монголия и внешний мир. М., 2002.

2. Председатель КНР Си Цзиньпин выразил свою позицию // «Монцамэ» : информ. Агентство. 22.08.2014. [официальный сайт] URL: <http://montsame.mn> (дата обращения: 25.09.2015).
3. Монгол улсын статистикийн эмхтгэл 2014. Улаанбаатар, 2015.
4. Invest Mongolia Agency. URL: http://investmongolia.gov.mn/ru/?page_id=686 21.07.2014. (mode of access: 25.12.2015).
5. Төмөр замын дайн // Өнөөдөр. 26.07.2014.
6. Большая часть иностранцев работает в горнорудной сфере // Монголия сегодня. 24.01.2011.
7. Столкновения на золотых рудниках // «Монцамэ» : информ. агентство 04.08.2010. URL: <http://montsame.mn> (дата обращения: 25.09.2015).
8. Delaplace G. Chinese Ghosts in Mongolia // Inner Asia. 2010. № 12. P.127–142.
9. «Цаг үе, үзэл бодол» УИХ-ын гишүүн М. Батчимэг Youtube.com. 09.09.2015. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=VZH3oHx5L1s> (mode of access: 25.12.2015).
10. Си Зиньпин “Миний нутаг” шүлгийн хэсгээс уншив // Youtube.com. 21.08.2014. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=9Znljy3kgFk> (mode of access: 25.12.2015).

УДК 327(593)+327.7АСЕАН+342.7

Н. Сомкамнерд

*Уральский федеральный университет,
Екатеринбург*

Направления сотрудничества Таиланда со странами — членами АСЕАН в сфере защиты прав человека

Key features of Thailand – ASEAN cooperation in the area of human rights protection

Статья посвящена исследованию прав человека в регионе Юго-Восточной Азии – странах АСЕАН в частности, в Таиланде. Дан обзор роли Таиланда в рамках АСЕАН по защите прав человека. Особый акцент сделан на деятельности Таиланда по решению проблемы торговли людьми. Установлено, что эффективное урегулирование проблемы прав человека в регионе возможно путем развития международного сотрудничества в данной сфере.

Ключевые слова: Юго-Восточная Азия, АСЕАН, Таиланд, права человека, международное сотрудничество.

The article is devoted to the analysis of human rights issues in Southeast Asia, ASEAN and particularly in Thailand. The author outlines the role of Thailand in ASEAN in human rights protection and specially emphasizes its activity in the solution of human trafficking problem. The author concludes that efficient solution of human rights violation problem in the region is possible only by means of intensive international cooperation in this area.

Keywords: Southeast Asia, ASEAN, Thailand, human rights, international cooperation.

В настоящее время ускорение развития мирового сообщества обуславливает возникновение множества проблем. В этой ситуации соблюдение прав и свобод человека является важным на региональных международных уровнях, а особенно в регионе Юго-Восточной Азии (ЮВА), и в частности в Таиланде. Проблеме прав человека уделяется большое значение важнейшими международными организациями, особенно ООН. Тем не менее, сегодня в мире существуют такие проблемы нарушения прав человека, как свобода объединений и собраний, использование детского труда, торговля людьми, унижение женщин, нелегальная миграция и т. д.

В связи с этим страны АСЕАН активно сотрудничают в сфере защиты прав человека. На саммите 1993 г. Малайзия, Индонезия, Филиппины, Сингапур, Таиланд и Бруней обратили внимание на нарушение прав человека, и данные страны приняли совместное заявление об уважении и защите прав и свобод человека на основе норм Устава ООН по правам человека [1].

Обеспечение прав человека до сих пор остается важным вопросом для стран АСЕАН. Многие проблемы и внутренние конфликты стран АСЕАН коренятся в нарушении прав человека. В некоторых странах существует проблема нарушения прав человека государством. Характерным примером является государство Мьянма, где были нарушены права национальных меньшинств, в частности, народности рохинджа.

Представители рохинджа частично мигрировали в Бангладеш, Малайзию, Таиланд и Индонезию [1]. Проблема нелегальной миграции из Мьянмы затронула соседние страны. Другой актуальной проблемой Мьянмы является огра-

ничество прав на свободное выражение политических мнений, свободу мирных собраний и ассоциаций. Правительство Мьянмы применяло вооруженные силы, чтобы контролировать ситуацию, в которой население требует демократических выборов. Оно не принимает во внимание мнение других стран мира или международных организаций.

Однако страны АСЕАН могут принять эффективные меры для защиты прав человека [2]. Принцип невмешательства во внутренние дела других стран – членов АСЕАН известен под названием «путь АСЕАН» (ASEAN Way) [3, с. 25]. Именно согласно этому принципу АСЕАН не может вмешиваться во внутренние дела Мьянмы. Но сегодня мировое сообщество и ООН особо обращают внимание на защиту прав человека и стремятся, чтобы АСЕАН оказала влияние на решение проблемы прав человека в Мьянме. Недавно все страны АСЕАН подписали декларацию, которая начинается со слов о том, что все люди рождены свободными и равными в своем достоинстве и правах [4]. Все граждане нации имеют право на равную защиту со стороны закона; уязвимые группы (женщины, меньшинства, инвалиды и мигранты) также имеют неотчуждаемые права и свободы [5].

Согласно речи бывшего секретаря АСЕАН Сурина Питсувана (Таиланд), права человека в странах ЮВА являются одним из важных факторов, соблюдение которых должно стать основой АСЕАН. Все страны – члены АСЕАН должны совместно решать проблемы, связанные, например, с пограничными конфликтами, внутривнутриполитическими конфликтами и т. д. [3, с. 78]. Страны – члены АСЕАН создали подкомитет по борьбе с торговлей детьми и женщинами в субрегионе реки Меконг [6]. АСЕАН подтвердила свою приверженность демократическим принципам. Более того, АСЕАН стремится к продвижению демократии и прав человека, стремится привить населению уважение к закону.

Таиланд разработал план решения проблемы между странами – членами АСЕАН и международными организациями для содействия защите прав человека. Декларация по этому вопросу была одобрена министерским комитетом по правам человека [4]. В рамках АСЕАН Таиланд играет важную роль, способ-

ствуя решению проблем торговли людьми. Им также была принята Декларация о борьбе с проблемой торговли людьми (*ASEAN Declaration against Trafficking in Persons, Particularly Women and Children*) и Декларация о защите прав трудящихся-мигрантов (*ASEAN Declaration on the Protection and Promotion of the Rights of Migrant Workers*) [2]. Таиланд сотрудничает в сфере обмена информацией со странами ЮВА и другими государствами, чтобы эффективно бороться с торговлей людьми.

Проблема нарушения прав человека, особенно проблема незаконной миграции, является одной из серьезных международных проблем. В условиях глобализации Таиланд, как и другие страны, столкнулся с ней. Правительство Таиланда заинтересовано в решении и урегулировании проблемы прав человека путем развития международного сотрудничества в различных сферах.

-
1. สิทธิมนุษยชนในอาเซียน. URL: <http://www.uasean.com/travel/2051> (วันที่สืบค้น: 23.11.2015).
 2. อติศักดิ์ ศรีสม. ปัญญาอาเซียนกับปัญหาแรงงานข้ามชาติ. URL: http://www.asean thai.net/ewt_news.php?nid=1012&filename=index (วันที่สืบค้น: 23.11.2015).
 3. สุรินทร์ พิศสุวรรณ. อาเซียน รู้ไว้ได้เปรียบแน่. กรุงเทพฯ: สำนักพิมพ์อัมรินทร์. 2012. 158 น.
 4. Страны Ассоциации государств Юго-Восточной Азии подписали декларацию прав человека. URL: <http://korrespondent.net/world/1425579-strany-associacii-gosudarstv-yugo-vostochnoj-azii-prinyali-deklaraciyu-prav-cheloveka>. (дата обращения: 23.11.2015).
 5. ASEAN Human Rights Declaration: a step forward or a slide backwards? URL: <http://theconversation.com/asean-human-rights-declaration-a-step-forward-or-a-slide-backwards-10895> (mode of access: 23.11.2015).
 6. ประเทศไทยกับอาเซียน. URL: <http://www.inspect3.moe.go.th/strategy3/upload/asean/106.pdf> (วันที่สืบค้น: 23.11.2015).

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ СТУДЕНЧЕСКОЙ СЕКЦИИ

УДК 94(100)“1939/45”+94(430)+94(492)+330:327

А. А. Ахунова

*Уральский федеральный университет,
Екатеринбург*

**Проблема урегулирования отношений Западной Германии
с Нидерландами после окончания Второй мировой войны**

**The problem of normalization of relations with West Germany,
the Netherlands, after the Second World War**

В статье рассмотрена проблема урегулирования отношений между Германией и Нидерландами в контексте принципов Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений. Отмечено наличие враждебности в двусторонних отношениях, вызванной опытом немецкой оккупации. Показано влияние стремления к возобновлению хозяйственных связей для восстановления экономики стран. Тем не менее, германско-нидерландский политический диалог первых послевоенных лет характеризовался отсутствием последовательной политики двустороннего урегулирования.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Германия, Нидерланды, экономические отношения, политическое урегулирование.

In the article the problem of normalization of relations between Germany and the Netherlands in the context of the principles of the Yalta-Potsdam system of international relations. Noting the existence of hostility in bilateral relations caused by the experience of the German occupation. The influence of the desire for the resumption of economic relations for the country's economic recovery. Nevertheless, the German-Dutch political dialogue first years after the war was characterized by the lack of a consistent policy of bilateral settlement.

Keywords: World War II, Germany, the Netherlands, economic relations, political settlement.

Отношения в 1945 г. между Германией и Нидерландами, двумя «неравными соседями», могут быть охарактеризованы как напряженные и, со стороны

Нидерландов, антинемецкие. В первые послевоенные годы нормализация немецко-нидерландских отношений происходила на различных уровнях и с разной скоростью. Настроения в конце войны и после освобождения Нидерландов в мае 1945 г., после пяти лет оккупации, унижения и террора, когда Нидерланды потеряли приблизительно 250 тыс. убитыми и понесли ориентировочный финансовый ущерб в 25,75 млрд гульденов [1, р. 62], были крайне антинемецкими.

Требования нидерландцев состояли в наказании Германии и немцев, возмещении ущерба, аннексии немецких областей, депортации всех немцев из Нидерландов и исключении уроков немецкого языка из учебных программ, что отражало общую атмосферу первых послевоенных лет.

В то же время руководство Нидерландов ясно осознавало, что суровое экономическое наказание Германии не было в интересах Нидерландов, и возобновление коммерческих связей довоенного времени было необходимо для восстановления страны [2, р. 906]. Согласно нидерландскому торговому менталитету, «сделка есть сделка, даже если партнер – дьявол», поэтому у голландцев были надежды на создание границ, в которых «здоровая экономика немцев могла бы, так сказать, безопасно процветать» [3, р. 25]. С учетом этого, а также на фоне того, что Нидерланды как небольшой союзнический партнер едва ли смогут влиять на политику Соединенных Штатов, Советского Союза, Великобритании и Франции, авторитет которых как оккупационных держав был в Германии наивысшим, едва ли можно было сформулировать последовательную политику в отношении Германии. Чтобы в противовес кругу великих держав суметь оказывать большее влияние, Нидерланды объединились с Бельгией и Люксембургом в союз Бенилюкс и повторно предъявили финансовые и экономические требования в отношении Германии.

При этом восстановление экономических отношений с Германией стало для Нидерландов краеугольным камнем послевоенной политики, поэтому выступая за восстановление Германии, правительство Нидерландов придерживалось того же направления, что американское и британское. Однако наряду с

развитием экономических контактов, была осуществлена массовая депортация по приблизительным оценкам 25 тыс. немцев, длительное время проживавших в Нидерландах и не имевших с национал-социализмом ничего общего или даже бежавших сюда в 1930-е гг. от национал-социалистов [4, р. 55]. И почти в это же время Нидерланды предоставили гражданство почти 119 тыс. «новых немцев» [5, р. 34]. Такие разнонаправленные тенденции в отношении Германии привели к расхождению мнений и внутри парламента Нидерландов. Если социал-демократическая партия труда (PdA) считала более важным поворот политики Нидерландов к созданию демократической и экономически здоровой Германии, восстановлению Европы и предлагала повременить с вопросами корректировок границ на востоке, то Католическая народная партия (KVP) выступала за немедленное исправление границ и выражала явное недовольство попытками Германии предотвратить корректировку границ [6, р. 27].

Нидерландско-немецкие отношения послевоенных лет (до 1947 г.) были отмечены комбинацией целей, интересов и намерений, что делало невозможной выработку последовательной политики по вопросам Германии. Следствием этого стало то, что Германия заключила соглашение о компенсации с Бельгией в 1956 г., а с Нидерландами – только в 1960 г. [7, р. 119]. К тому же, нидерландская пресса мало внимания уделяла Германии, если не считать события военных лет, которые преподносились как сенсация и вызывали вспышки ненависти. С немецкой стороны для большинства населения на первом плане были собственные воспоминания о войне – бомбардировки, фронт, поражение, оккупация, а также бегство и изгнание. Только незначительная часть населения говорила о вине и ответственности; интерес к последствиям Второй мировой войны был невелик. В такой ситуации два народа смотрели друг на друга примерно одинаково, при этом нидерландцы не могли забыть оккупацию и ожидали признания пережитой трагедии, а немцы видели в этом непреклонный антинемецкий настрой и не были готовы признать травму, нанесенную нидерландцам войной [4, р. 68]. Однако развитие нидерландско-немецких отношений послевоенных лет характеризовалось региональными различиями. Если в больших

городах, таких как Амстердам, пострадавших от массовой депортации евреев, в интеллектуальных кругах и среди деятелей искусства долгие годы были сильны антинемецкие настроения, то в приграничных регионах, где культурные, ландшафтные и языковые различия были слабее и контакты в прошлом – более тесными, обстановка разрядилась быстрее. Таким образом, немецко-нидерландские отношения в первые годы после войны характеризовались отсутствием последовательной политики двустороннего урегулирования.

1. *Mensing H. P.* Konrad Adenauer und die Benelux-Staaten // Jahrbuch des Zentrums für Niederlande-Studien, Bd. 15. 2004. S. 47–63.
2. *Schwarz S.* Wechselvolles deutsch-niederländisches Verhältnis // Zeitschrift für das vereinigte Deutschland. 2001. № 4. S. 906–920.
3. *Wielenga F.* Vom Feind zum Partner : Die Niederlande und Deutschland seit 1945. Münster, 2000.
4. *Schönwald M.* New Friends – Difficult Friendships: Germany and its Western Neighbours in Postwar Era // Contemporary European History. 2002. № 2 S. 53–72.
6. *Wahl J.* Deutsch-Niederländische Beziehungen // Politische Studien, Sonderheft 49. Jg. 1998. № 2. S. 26–30.
7. *Wever T.* De Groei naar het CDA. Momenten en impressies uit dertien bwogen jaren. Groningen, 1980.
8. *Wielenga F.* West-Duitsland: partner uit noodzaak / Nederland en de Bondsrepubliek 1949–1955. Den Haag, 1989. S. 30–48.

УДК 330(574:510)+330(51)

Е. А. Брусенкова

*Уральский федеральный университет,
Екатеринбург*

Роль Казахстана в центрально-азиатской стратегии Китая

The role of Kazakhstan in Central Asia strategy of China

В статье дана оценка политической и экономической роли Казахстана в стратегии Китая в Центрально-Азиатском регионе. В результате анализа эффективности китайской политики в Казахстане показано соответствие между реальными и декларированными действиями

Китай. Делается вывод о том, что сотрудничество КНР с Казахстаном в основном происходит в рамках возрождения Великого шёлкового пути, где Казахстан рассматривается в качестве транзитного государства, а также энергетической стратегии Китая.

Ключевые слова: Центрально-Азиатский регион, экономическое сотрудничество, энергетическая стратегия, Китайская Народная Республика, Республика Казахстан, возрождение Великого шёлкового пути.

The author analyses the political and economical role of Kazakhstan in China's political and economical strategy in Central Asian region. As a result of the analysis of Chinese political effectiveness in Kazakhstan was demonstrated the consistency between real actions and proclaimed ones. The author concludes that the cooperation of Kazakhstan and China mainly takes place within a framework of the New Silk Road initiative, where Kazakhstan is seen as a transit country, in addition within a framework of energy strategy of China.

Keywords: Central Asian region, economic cooperation, energy strategy, China, Kazakhstan, New Silk Road initiative.

С момента распада СССР Китай наращивает свое присутствие в Центральной Азии. С 2013 г. после объявления о возрождении Великого шёлкового пути (ВШП) основное содержание сотрудничества включает политическую координацию, взаимосвязь инфраструктуры, бесперебойную торговлю, свободное передвижение капитала и укрепление близости между народами [1; 2]. Также на Центральную Азию распространяется энергетическая стратегия Китая. Заинтересованность КНР в Казахстане во многом объясняется наличием у него значительных запасов топливных ресурсов и урановых руд [3].

Инвестиционная активность КНР в Казахстане не отличается высокими темпами развития. С 2013 г. накопленные инвестиции выросли с 22,6 до 24,6 млрд долларов при преобладании вложений в нефтедобычу и прокладку магистральных нефтепроводов. Объем транзитных перевозок между странами АТР и ЕС, хотя Казахстан и настроен на его увеличение, составляет всего 5 % от общего числа. Несмотря на активное строительство дорог, их недостаточно для эффективной переправки грузов. В таможенной сфере Республики Казахстан установлена самая низкая ставка НДС в Таможенном союзе – 12 %, но нере-

шённой остается проблема коррупции и недостатка кадров – брокеров, стивидоров, страховщиков, логистов [4].

В целом руководство Казахстана более заинтересовано в возможности стать транзитным мостом на Шелковом пути, однако Китай в сотрудничестве с ним предпочитает больше решать иные свои задачи.

-
1. Стратегия «Экономического пояса Шёлкового пути». 16 апреля 2015 г. // Посольство КНР в республике Узбекистан [сайт]. URL: <http://uz.chineseembassy.org/rus/slfy/sczljjd/> (дата обращения: 16.12.2015).
 2. *Лыбыдкин А.* «Новый Шелковый путь» для Китая. 14 нояб. 2014 г. // Эксперт online. URL: <http://expert.ru/2014/11/14/novyij-shelkovyij-put/> (дата обращения: 16.12.2015).
 3. *Парамонов В.* Центральная Евразия – Энергетика. 21 августа 2011 г. // Информационно-аналитический центр. URL: <http://ia-centr.ru/expert/11399/> (дата обращения: 16.12.2015).
 4. 习近平哈萨克斯坦发表演讲 提出建设"丝绸之路经济带", 2013 年 09 月 07 日 (Си Цзиньпин Хасакэсытан фабяо яньцзян тичу цзяньшэ сычоу чжи лу = В своей речи в Казахстане Си Цзиньпин предложил создание «Экономического пояса Шелкового пути»). 2013. 7 нояб. URL: [news.ifeng.ru.](http://news.ifeng.ru/) URL: http://news.ifeng.com/gundong/detail_2013_09/07/29405407_0.shtml?_from_ralated (дата обращения: 16.12.2015).

**Деятельность ЮНЕСКО по реализации права на образование
в первое послевоенное десятилетие**

**UNESCO's activities in realization of the right to education
in the first post-war decade**

В статье проанализированы основные послевоенные шаги ЮНЕСКО на пути к реализации права на образование. Основной целью, декларируемой организацией, стало содействие укреплению мира и безопасности. Развитие образования является одним из важнейших средств достижения данных целей. Показано, что ЮНЕСКО выступает за гуманистическое видение качественного образования во всём мире и осуществление всеобщего права на образование, а также отстаивает идею о центральной роли образования в развитии человеческого потенциала, общества и экономики.

Ключевые слова: ЮНЕСКО, права человека, культурные права, право на образование, послевоенный период.

The article outlines the main post-war measures taken by UNESCO for the realisation of the human rights for education. Since its creation in 1945 UNESCO considers education as a priority. The organization was aimed at strengthening peace and security. Developing education is one of the basic means for achieving this goal. The article demonstrates that UNESCO supports the holistic and humanistic vision of quality education and realization of the right to education. The organization is in favor of the education's central role in the development of human potential, society and economy as well. The paper dwells on the UNESCO main post-war activities in realization of the right to education.

Keywords: UNESCO, human rights, cultural rights, right to education, post-war period.

С момента основания 16 ноября 1945 г. ЮНЕСКО считает образование своим приоритетным направлением деятельности. Основной целью, декларируемой организацией, стало содействие укреплению мира и безопасности. Разви-

тие образования является одним из важнейших средств достижения данных целей. ЮНЕСКО выступает за целостное и гуманистическое видение качественного образования во всём мире и осуществление всеобщего права на образование, а также отстаивает идею о центральной роли образования в развитии человеческого потенциала, общества и экономики. Рассмотрим мероприятия, проводимые ЮНЕСКО в области образования в самый тяжелый период – первую декаду после окончания Второй мировой войны.

Одной из первых инициатив ЮНЕСКО в сфере образования стал выпуск в 1947 г. «Книги образовательных, научных и культурных потребностей пятнадцати стран, разрушенных войной» (*The Book of Needs of Fifteen War-Devastated Countries in Education, Science and Culture*). Данное издание представляет собой справочник, содержащий статьи о двенадцати европейских странах, а также о Китае, Бирме и Эфиопии. В данных статьях приведены количественные данные о разрушенных учебных заведениях, оставшихся в живых преподавателях, разграбленных музеях и библиотеках. В конце каждой статьи подводится итог: составляется список предметов, необходимых для восстановления образования и культуры в стране. Например, бумага, карандаши, мел, микроскопы, книги, карты и многое другое [1].

В феврале 1947 г. в штаб-квартире ЮНЕСКО в Париже состоялась встреча 38 международных и национальных неправительственных организаций, ориентированных на оказание помощи детям, ученикам, студентам и другим группам нуждающихся. В ходе последующих двух встреч в мае и сентябре того же года был учрежден Временный международный совет по восстановлению системы образования. Целью данного совета была координация действий организаций-членов в области образования, науки и культуры. Одни организации поставляли в пострадавшие страны необходимые материалы – проекторы, канцтовары, радиоприемники и др. Вторые предоставляли школьникам и студентам гранты, стипендии и возможность поехать учиться по обмену. Волонтеры третьих организаций занимались непосредственно восстановлением разрушенных учебных заведений [1].

Что касается музеев и библиотек, то им уделялось мало внимания: в первую очередь необходимо было все-таки восстановить жилые дома, больницы и школы. Однако во Франции в 1950 г. была развернута кампания по восстановлению библиотеки в небольшом нормандском городе Валонь. Франция, приняв на своей территории штаб-квартиру ЮНЕСКО, обеспечила себя очень хорошими преференциями в данной организации. Франция не только получала помощь от ЮНЕСКО, но и сама ее спонсировала. Например, через ЮНЕСКО Париж распространил тысячи изданий на французском языке по всему миру, что явилось примером применения «мягкой силы» [2].

В 1948 г. увидело свет первое издание справочника «Учеба за рубежом» (*Study abroad: international handbook*). Он должен был способствовать обмену между студентами и молодыми исследователями. В книге можно было найти информацию о возможностях получения образования за границей: сведения об учебных программах, расценках на образовательные услуги, условиях въезда, стипендиях и различных формах финансовой помощи. Благодаря данному изданию 180 учащихся получили гранты в рамках программы по восстановлению системы образования [3].

В 1949 г. Генеральной ассамблеей ООН было учреждено Ближневосточное агентство для помощи палестинским беженцам и организации работ. Целью данной организации стала защита и отстаивание прав палестинских беженцев, обеспечение их едой и водой. В 1950 г. руководителем агентства был назначен представитель ЮНЕСКО, и оно стало предоставлять палестинцам услуги в сфере образования, здравоохранения, социальной защиты и др. В рамках образовательной программы Ближневосточного агентства для помощи палестинским беженцам и организации работ были открыты начальные школы, началась подготовка учителей и студентов технических специальностей [2].

В 1953 г. была создана сеть ассоциированных школ ЮНЕСКО. 33 школы из 15 стран стали первыми участниками программы. Программа была нацелена на содействие развитию образования, распространение позитивного опыта воспитания, развитие межкультурной коммуникации и укрепление мира [4].

В 1955 г. ЮНЕСКО совместно с агентством ООН по восстановлению Кореи открывает типографию, которая обеспечивает печать 20 млн учебников в год. Одним из детей, кому достался выпущенный в 1956 г. учебник, был Пан Ги Мун, впоследствии ставший Генеральным секретарем Организации Объединенных Наций [4].

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что ЮНЕСКО внесла огромный вклад в дело развития образования. ЮНЕСКО смогла объединить и скоординировать усилия множества неправительственных организаций. Ее силам и были не только восстановлены школы и музеи, пострадавшие во время Второй мировой войны, она также оказывала помощь палестинским беженцам, детям из разрушенной войной Кореи. Все это свидетельствует о важности и эффективности организации с самого начала ее основания. И по сей день реализация всеобщего права на образование остается приоритетом ЮНЕСКО.

-
1. The Book of Needs of Fifteen War-Devastated Countries in Education, Science and Culture. UNESCO, Paris, 1947. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0012/001272/127246EB.pdf> (mode of access: 22.12.2015).
 2. United nations relief and works agency for Palestine refugees in the near west. URL: <http://www.unrwa.org> (mode of access: 19.12.2015).
 3. Наследие ЮНЕСКО : Цифры и факты. URL: http://nasledie-unesco.ru/foto/cifry-i-fakty/unesco_foto_2.html (дата обращения: 21.12.2015).
 4. Education. UNESCO. URL: <http://www.unesco.org/new/en/education/networks/global-networks/aspnet/about-us/history> (mode of access: 20.12.2015).

Участие Италии в гражданских миссиях ЕС

Italy's participation in the EU civilian missions

В статье рассматривается участие Италии в деятельности Европейского Союза. Отмечено, что миротворческий контингент и финансовые затраты Италии постоянно увеличиваются. Автор делает вывод о том, что в целом деятельность Италии в области кризисного урегулирования свидетельствует о стремлении ее руководства повысить роль и авторитет организации в новой системе международных отношений в интересах достижения своих внешнеполитических целей в различных регионах мира.

Ключевые слова: Европейский Союз, Итальянская Республика, гражданские миссии, миротворческая деятельность.

The article reviews the participation of Italy in European Union activities. The author demonstrates that the Italian peacekeeping forces and financial expenses increase. Consequently, Italy is an active participant in all spheres of crisis management activity of the European Union. In general, activities in Italy in the field of crisis management, reflecting the desire of its government to increase its role and enhance the credibility of the new system of international relations in order to achieve its foreign policy goals in various regions of the world.

Keywords: European Union, the Italian Republic, civil missions, ESDP, peacekeeping.

Обязательства стран – членов ЕС, а также их тесное сотрудничество являются основными условиями для успешной реализации оборонной политики, которая зарекомендовала себя как один из основополагающих аспектов проектирования внешнего и международного авторитета Европейского союза. Поэтому очень важно, что страны, обладающие политическим влиянием и древней европейской традицией, имеющие в распоряжении значительные ресурсы для гражданского управления кризисами, объединялись [1].

В Италии в антикризисном регулировании участвуют все институты гражданского общества. Но безусловно, МИД и правительство республики имеют решающее значение в подобных вопросах.

По заявлению главы министерства иностранных дел Италии Джулио Терци ди Сант'Агата (16 ноября 2011 – 26 марта 2013 г.) на выбор участия или неучастия в гражданской миссии влияют три фактора: во-первых, возможность подтвердить и укрепить роль Италии в рамках международных организаций, во-вторых, природа возникающих угроз (от терроризма до пиратства), требующая многосторонних решений, в-третьих, легитимность миссий и достижение консенсуса [2].

После окончания Второй мировой войны и по настоящий период Италия приняла участие в 132 гражданских миссиях, 30 из которых все еще находятся в процессе в 27 различных странах и регионах мира. Большинство из них были развернуты в рамках международных организаций: 38 миссий – под эгидой ООН, 27 – совместно с НАТО, 23 миссии – в рамках ЕС, две миссии – в сотрудничестве с ОБСЕ, две миссии – совместно с НАТО и ЗЕС [3].

В Италии финансирование международных миссий, включая миссии в области гражданской политики ЕПБО, определяется специальными законами, обычно так называемыми «указами миссий», которые впоследствии превращаются в законы, отражающие запросы, сделанные администрацией, о внутренней оценке ситуации [4].

Италия принимает участие во всех видах гражданских миссий: *peacekeeping* либо *peaceforcing*. Однако после Второй мировой войны прослеживается тенденция, которая выражается в следующих данных: операции по поддержанию мира (миротворческие) – 40 %, операции международной помощи – 36 %, принуждение к миру – 17 %, операции по восстановлению мира и предотвращению конфликтов – 7 % [5].

Первые миссии с итальянским участием связаны с операциями Ливан-1 и Ливан-2, состоявшимися, соответственно, в 1982, 1982–1984 гг. Данные операции продемонстрировали сдвиг к увеличению международной роли Итальян-

ской Республики. Мероприятие получило поддержку парламента, большинство политических сил увидело в гражданских миссиях важный инструмент утверждения роли Италии на международной арене.

Италия занималась урегулированием кризиса в Албании в 1997 г., где были проведены миссии «Пеликан», что дало начало переходу Албании к демократии; а затем операция «Alba» была первой формой многонационального вмешательства во главе с Италией [6].

Участие республики в данной операции породило множество споров, премьер-министр Италии Романо Проди (1996–1998) подверг риску своё место в парламенте, поскольку большинство парламентариев выступало против высадки итальянских миротворцев в Албании. Проди заявлял, что цель Италии – это помочь Албании трансформировать государственную систему и провести демократические выборы, однако он заверил, что вмешиваться во внутренние дела страны итальянцы не намерены. Сложно сказать, какие еще цели преследовала Италия, возможно, это исключение возможности потока беженцев из бунтующей Албании [6].

Присутствие Италии на Ближнем Востоке и в Средиземноморье в начале XXI в. осуществлялось в рамках миротворческих миссий ООН UNTSO (Палестина), UNFIL (Ливан), MFO (Египет), TIPH (г. Хеврон). Итальянская дипломатия, как и в большинстве других стран Европы, традиционно рассматривала арабо-израильский конфликт как сердцевину напряженности на Ближнем Востоке. Правительство Италии является активным сторонником усиления роли в процессе принятия решений по арабо-израильской проблеме так называемого «квартета посредников», в который входят ООН, Евросоюз, Соединенные Штаты Америки и Российская Федерация [7].

1. The Italian Foreign Ministry on the Way of Reform // Istituto affari internazionali. URL: <http://www.iai.it/pdf/DocIAI/iai1001.pdf> (mode of access: 20.12.2015).

2. Risoluzione 1701 Adottata dal Consiglio di Sicurezza (5511° sessione) dal 11 agosto 2006 // Centro regionale dell'azione unite URL: <http://www.unric.org/it/attualita/6229> (accesso: 4.12.2015).
3. La partecipazione dell'Italia all'Unione europea // Dipartimento politiche europee. URL: file:///C:/Users/Elena%20Z/Downloads/Relazione-Consuntiva_2012.pdf (accesso: 24.05.2015).
4. Italian Missions Abroad: National Interests and Procedural Practice // Istituto affari internazionali. URL: <http://www.iai.it/content.asp?langid=1&contentid=858> (mode of access: 20.12.2015).
5. Italy in the World // Esteri.it. URL: http://www.esteri.it/eng/4_29.asp (accesso: 20.12.2015).
6. Итальянцы в Албании // Коммерсант. URL: <http://kommersant.ru/doc/176138> (дата обращения: 20.12.2015).
7. L'Italia e le missioni internazionali // Istituto affari internazionali. URL: <http://www.iai.it/pdf/DocIAI/iai1205.pdf> (accesso: 20.12.2015).

УДК 327.54+327.57+327(470:73)

Ю. Д. Гаева

Уральский федеральный университет,

Екатеринбург

**Значение контактов лидеров двух сверхдержав Дж. Ф. Кеннеди
и Н. С. Хрущева для разрешения кризисных моментов холодной войны**

**The meaning of private contacts between leaders of two superpowers
Jh. F. Kennedy and N. S. Khrushchev for resolving crisis moments
of the Cold War**

Статья посвящена вопросу значения личных контактов лидеров США и СССР в контексте холодной войны. Особое внимание уделяется тому, как личное общение способствовало решению наиболее острых моментов противостояния (на примере Карибского кризиса).

Ключевые слова: Карибский кризис, холодная война, международные контакты, СССР, США, Н. С. Хрущев, Дж. Ф. Кеннеди.

The article is dedicated to the question of the USSR and the USA leaders' private contacts' meaning in the context of the Cold War. Special attention is paid to the reason how their private

communication promotes the solution of the most controversial Cold war issues and acute moments (confrontation on the example of Caribbean crisis).

Keywords: Caribbean crisis, Cold War, international contacts, the USSR, the USA, N. S. Khrushchev, Jh. F. Kennedy.

Взаимодействие лидеров – неотъемлемая часть развития контактов между государствами в мирное время. В кризисные же периоды личные контакты имеют еще большее значение. Цель данной работы – дать целостную картину прямых связей между лидером США Дж. Ф. Кеннеди и лидером СССР Н. С. Хрущевым для разрешения кризисных моментов на примере кубинского вооруженного конфликта.

Для разрешения конфликтов лидеры двух сверхдержав либо устраивали встречи, либо, что использовалось чаще, вели личную переписку. Например, при разрешении Карибского кризиса активно использовались прямые послания. Так, 26 октября 1962 г. Н. С. Хрущев направил послание Дж. Кеннеди: «Если бы были даны заверения президента и правительства Соединенных Штатов, что США не будут сами участвовать в нападении на Кубу и будут удерживать от подобных действий других, если Вы отзовете свой флот, – это сразу все изменит... Наша цель была и есть – помочь Кубе, и никто не может оспаривать гуманности наших побуждений..» [1, с. 200]. 27 октября уже Дж. Ф. Кеннеди направил послание Хрущеву. В нем четко фиксировалась позиция США: СССР должен убрать с Кубы все виды наступательного оружия под наблюдением ООН и дать обязательство не поставлять подобное оружие на Кубу. США соглашались быстро отменить все меры карантина и дать заверения в отказе вторжения на Кубу [2, с. 22]. Именно в ходе обмена посланиями лидерам удалось прийти к единому решению.

Значение личных контактов отмечает и посол СССР в США А. Ф. Добрынин: «Упор был сделан на политическое решение конфликта, чему в немалой степени помогло наличие прямого конфиденциального канала между руководителями стран» [3, с. 78]. После окончательного разрешения кризиса лидеры

двух сверхдержав приняли решение постоянно поддерживать контакты между Вашингтоном и Москвой, создав прямую линию связи.

1. Из переписки президента США Джона Ф. Кеннеди и председателя Совета министров СССР Н. С. Хрущева. Вашингтон – Москва. Октябрь – декабрь 1962 г. // Богатуров А. Д. Системная история международных отношений : Документы 1945–2003: в 4 т. М., 2003. Т. 4. С. 201–204.
2. Макнамара Р. Путем ошибок к катастрофе : Опыт выживания в первом веке ядерной эры. М., 1988.
3. Добрынин А. Ф. Сугубо доверительно М., 1996.

УДК 327(5-011)+341.17(5-011)

В. Э. Гладкая

*Уральский федеральный университет,
Екатеринбург*

Эволюция процессов регионализма на Ближнем Востоке

The evolution of regionalism in the Middle East

Статья посвящена анализу процессов регионализма на Ближнем Востоке. Автор анализирует эволюцию процессов региональной интеграции на основе рассмотрения факторов, оказавших решающее влияние на историческое развитие Ближнего Востока.

Ключевые слова: Ближний Восток, регионализм, региональная идентичность.

The article is devoted to regionalism in the modern Middle East. The author analyses the growth and development of regionalism in the Middle East and singles out some factors, which cause the relative success or failure of different schemes.

Keywords: Middle East, regionalism, regional identity.

Ближний Восток представляет собой важный политический, экономический, культурный и религиозный центр. Однако регион отличается высочайшим уровнем конфликтности. В настоящее время в регионе осуществляется масса

региональных проектов как внешними, так и внутренними акторами. Изучение данных проектов и процессов необходимо для понимания направления и содержания его дальнейшего развития, для прогнозирования внутривнутриполитической и внешнеполитической стратегии государств региона.

Прежде всего необходимо выделить четыре фактора, оказывающих решающее влияние на развитие региона: внешнее влияние, региональная гегемония, тип режима и идентичность [1]. Первый фактор воздействия на развитие Ближнего Востока – это внешнее влияние. Внерегиональные акторы оказывали влияние на регион и в период колониального господства, и во время биполярности, и продолжают оказывать его по настоящий момент. Как известно, границы региона были определены державами-победительницами Первой мировой войны и не учитывали этнические и конфессиональные границы Ближнего Востока, что и стало одной из причин его конфликтности. Важнейшим документом для региона стала декларация Бальфура 1917 г., обещавшая создание еврейского государства в Палестине. В эпоху биполярности регион являлся ареной противостояния между СССР и США. Попытки региональной интеграции осуществлялись под эгидой сверхдержав, поэтому они не способствовали развитию регионализма, а наоборот, вызывали противодействие. Региональные акторы имели различные представления о региональном порядке, а внешнее вмешательство приводило либо к блокированию, либо к радикализации их инициатив.

После холодной войны процессы региональной интеграции по инициативе акторов региона активизировались, однако вмешательство Запада не прекратилось и послужило причиной конфликтов между государствами в связи с их разным отношением к США и Израилю. Новейшим этапом развития региона стал 2015 г., когда вооруженное вмешательство в регион осуществила и Российская Федерация. В результате в настоящее время регион отличают политическая фрагментарность и раздробленность на анклавов регионализма. При этом регионализм носит преимущественно внешний, экзогенный характер: на Ближнем Востоке внерегиональными акторами осуществляется ряд проектов, и каждый из них пользуется поддержкой определенных государств или их групп на тер-

ритории региона. В числе этих акторов США, Евросоюз и Россия. Вовлеченность США и РФ носит военно-политический характер, присутствие Евросоюза же обусловлено в основном использованием инструментов «мягкой силы».

Второй значимый фактор – это роль регионального гегемона. Отсутствие гегемона является серьезным препятствием регионализму [1]. На протяжении длительного времени гегемон в регионе отсутствовал, что было обусловлено объективными причинами: страны региона находились под постоянным контролем и давлением со стороны Запада. Сейчас же на лидерство претендуют две страны региона: суннитская Саудовская Аравия и шиитский Иран. В этой связи нельзя не упомянуть об «Исламском государстве», которое предлагает свой проект государственности и регионального развития, основанный на шариате и создании исламского халифата. Однако наличие претендентов на региональное лидерство в данном случае препятствует регионализму, так как отношения между этими государствами и акторами определяются как враждебные. Взаимное недоверие приводит к дальнейшей милитаризации региона и препятствует интеграции.

Рассмотрим третий фактор – тип режима. По мнению многих исследователей, успешный регионализм связан с преобладанием демократий в региональных группах [2]. Режимы подавляющего большинства стран региона относятся к авторитарным, и «арабская весна» уже показала необходимость демократизации либо смены режимов и расширения политического участия населения стран региона. Однако в странах региона население стоит перед нелегким выбором: либо авторитарные лидеры, легитимность власти которых под сомнением, либо политические группы, не имеющие опыта пребывания во власти и часто не способные справиться со сложной ситуацией в государстве. Если же оценивать качество управления в странах Ближнего Востока, можно заключить, что в целом оно является низким, доказательством чему служат ситуации в Афганистане, Ираке, Сирии, Ливии и других странах региона [3]. В целом государства региона отличаются агрессивностью политики, а сам Ближний Восток классифицируется как конфликтное образование, что обозначает региональный

комплекс, в котором войны и применение насилия в политических отношениях имеют существенную степень вероятности [4]. Тип режимов в странах региона в ближайшем будущем не изменится.

Четвертая переменная – региональная идентичность. Под данным термином подразумеваются некие ценности и устремления, разделяемые всеми государствами региона. На Ближнем Востоке отсутствует единая концепция идентичности. Более того, разные идентичности государств региона наряду с внутренними факторами рассматриваются в качестве главной помехи региональному сотрудничеству [5, с. 80]. Конфликт между Израилем и арабскими государствами, между суннитами и шиитами, между различными течениями политического ислама, разное отношение к Западу – все это препятствует регионализму на Ближнем Востоке. Особое значение в данном контексте имеют ситуация в Сирии и операция стран залива против хуситов в Йемене, которые демонстрирует столкновение региональных проектов, предлагаемых Ираном при поддержке Сирии, Ирака, России и Саудовской Аравией при поддержке монархий залива и США. Государства и в дальнейшем будут образовывать интеграционные блоки и использовать преимущественно двусторонний формат сотрудничества в качестве альтернативы коллективному институту в сфере обеспечения безопасности.

Таким образом, регион имеет ряд ярко выраженных особенностей: он обладает повышенным конфликтным потенциалом, находится под сильным влиянием внерегиональных акторов, характеризуется отсутствием региональной идентичности. Регион находится в стадии трансформации, формирования идентичности. Ближний Восток не представляет собой единое интеграционное пространство с военно-политической точки зрения: пока можно говорить лишь о блоковой интеграции стран региона, об анклавах регионализма. Для придания динамики интеграционным процессам странам региона необходимо прежде всего стремиться к стабилизации обстановки на Ближнем Востоке и устойчивому миру как общей предпосылке для развития интеграционного процесса [3].

В ближайшем будущем ситуация в регионе не изменится, и процессы регионализма не получают дальнейшего развития.

-
1. Fawcett L. Regionalism in Africa and the Middle East : Implications for EU Studies // Taylor & Francis Online: [website]. 2010. URL: http://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/07036337.2010.518719#.VXF12_ntmko (mode access: 15.04.2015).
 2. Bilgin P. Regional Security in the Middle East: A Critical Perspective // Academia.edu. 2005. [website]. URL: https://www.academia.edu/393305/Regional_Security_in_The_Middle_East_a_Critical_Perspective (mode of access: 15.04.2015).
 3. Россия и Большой Ближний Восток : доклад Российского совета по международным делам // Российский совет по международным делам [официальный сайт]. 2013. URL: http://russiancouncil.ru/common/upload/russia_middle_east.pdf (дата обращения: 15.05.2015).
 4. Buzan B. Regions and Powers : The Structure of International Security // Cambridge University Press [website]. URL: <http://ebooks.cambridge.org/ebook.jsf?bid=CBO9780511491252> (mode of access: 15.03.2015).
 5. Севастьянов С. В. Межправительственные организации Восточной Азии: эволюция, эффективность, перспективы развития и российского участия. Владивосток, 2008.

УДК 94(100)“1939/45”+94(44)+94(73)+94(410)+94(470)

К. К. Гусейнов

*Уральский федеральный университет,
Екатеринбург*

Дискуссии в рамках «большой тройки» о месте Франции в послевоенном мироустройстве

Discussion among the Big Three about the role of France in the postwar world

В статье рассмотрены проблемы послевоенного устройства мира и места Франции в нем. Освещено положение Франции в годы Второй мировой войны, выявлены противоречия между странами антигитлеровской коалиции по вопросам послевоенного мироустройства, дана оценка роли Шарля де Голля в становлении Франции в качестве державы-победительницы.

Ключевые слова: Вторая мировая война, второй фронт, послевоенный мир, Франция, США, Великобритания, СССР, Германия, Шарль де Голль, И. Сталин, Ф. Рузвельт, У. Черчилль, Подстадам, Тегеран, Ялта.

The paper is devoted to a brief review on the issues of the postwar world and the position of France. The report clarifies the status of France during the World War II, regards the contradictions between the States of the anti-Hitler coalition on the issues of the postwar world. The author evaluates the role of Charles de Gaulle in the establishing of the France as the winner of the war.

Keywords: World War II, second front, postwar world, France, USA, Great Britain, USSR, Germany, Charles de Gaulle, Yosif Stalin, Franklin Roosevelt, Winston Churchill, Potsdam, Teheran, Yalta.

На протяжении нескольких столетий Франция была и остается одной из ведущих стран мира. Внешняя политика современной Франции строится на принципах, установленных во время Второй мировой войны Шарлем де Голлем. Способность Франции неизменно отстаивать собственные национальные интересы может служить примером для многих государств. Несмотря на то, что Франция выбыла из войны в самом начале, она сумела стать державой-победительницей. После окончания войны и освобождения Франции новый мировой порядок строился тремя мировыми державами: это СССР, США, Великобритания. И место Франции в нем во многом зависело от планов этих держав.

Несмотря на то, что главная общая цель стран – членов антигитлеровской коалиции заключалась в победе над нацистской Германией и её союзниками, видение войны и личные интересы каждой из стран в отдельности имели качественные различия. Противоречия между союзниками затрагивали и послевоенное мироустройство в том числе. В ходе встречи британского министра иностранных дел Энтони Идена и Иосифа Сталина в Москве в самый разгар ожесточенных боев у самых подступов к столице Сталин неожиданно поднимает вопрос о послевоенном устройстве мира. В плане послевоенного устройства Европы, предложенном советским правительством, будущий статус Франции не был определен четко. План содержал в себе положение о том, что в случае

потери Франции статуса великой державы Англия занимает ряд ее регионов для построения военных баз. Это говорит о том, что до определенного момента Советский Союз не интересовала судьба Франции.

Англо-американский план послевоенного устройства мира, существовавший еще в 1941 г., не только исключал Францию из состава «великих держав», но и предполагал установление контроля над самой Францией и ее заморскими владениями. Премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль вынашивал планы по присвоению «французского наследства». У Черчилля родилась идея межгосударственного объединения двух стран с тем условием, что французский флот и французская авиация будут переданы под командование Великобритании. Черчилль понимал: Францию спасти невозможно, но «прибирать к рукам все, что останется от нее – можно» [1, с. 60]. Реальные шаги для реализации этого плана начинаются с вторжения англо-американских вооруженных сил в северо-западную Африку. Эта операция получила кодовое название «Торч», что в переводе означает «факел». Решение о планировании операции «Торч» было принято англо-американским комитетом начальников штабов 24 июля 1942 г., а уже через день одобрено президентом США Рузвельтом. Черчилль, который был главным инициатором операции «Торч», рассматривал ее как альтернативу второму фронту в Европе. В своем послании Сталину 14 августа 1942 г. Черчилль пишет: «Самым разумным методом было бы... провозгласить “Факел”, когда он начнется, как второй фронт» [2, с. 75]. В официальных заявлениях правящих кругов Англии и США целью операции было лишение Германии базы подводных лодок и самолетов в северо-западной Африке. Но Черчилль преследовал и другие, более значимые для Великобритании цели. В результате успеха данная операция могла привести к уничтожению французской колониальной администрации и созданию новой, но уже под контролем правительства Великобритании. Формально англо-американское вторжение должно было выглядеть как освободительная война, а не как интервенция. Операция «Торч» привела к самоуничтожению французского флота, что являлось последней опорой возможного будущего восстановления Франции.

Проблема французского флота в период капитуляции Франции оказалась и в центре внимания Рузвельта. Он заявлял, «что дальнейшая судьба Франции в большей степени зависит от сохранения ею своего флота» [3, с. 61]. Несмотря на это, правительство США исключало возможность оказать Франции военную помощь путем открытого выступления на стороне союзников.

В условиях, когда Франция потеряла всякую надежду на восстановление своего бывшего статуса, резко возвышается фигура генерала де Голля, исключительного патриота, не желавшего идти на поводу у великих держав. Де Голлю приходилось искать компромиссы, играть на противоречиях между союзниками. Осознавая недружественность политики западных союзников, де Голль намеренно идет на сближение с Советским Союзом. Острые антифранцузской политики в первую очередь было направлено на самого де Голля, который в силу своего национально-патриотического взгляда не устраивал Рузвельта и Черчилля. Черчилль и Рузвельт были крайне раздражены амбициями генерала. Черчилль обвинял его в стремлении за спиной союзников сговориться с Москвой сепаратным образом. Рузвельт предлагал Черчиллю «порвать с Ш. де Голлем – с этим трудным человеком» [1]. В октябре 1943 г. ввиду того, что западные союзники не решались открыть второй фронт, по инициативе СССР в Европейскую консультативную комиссию по вопросам послевоенного устройства мира были включены представители Французского комитета национального освобождения. Опять же по настоянию Молотова с повестки дня конференции был снят вопрос о рассмотрении англо-американского плана управления освобожденной Францией.

В 1944 г. генерал Шарль де Голль посетил Москву. По завершении переговоров 10 декабря 1944 г. был подписан советско-французский договор. Французские политики высоко оценили итоги переговоров. Кроме того, к лету 1944 г. во Франции были созданы все необходимые условия для успешного национального восстания. Примечательно то, что от имени Национального совета Сопротивления с речью о необходимости общенационального восстания обра-

тился Генеральный секретарь Французской коммунистической партии М. Торез [4, с. 204].

Риторика западных держав несколько меняется после осознания того, что де Голль, имевший реальную популярность среди французов, сближается с Советским Союзом. Дело в том, что в глазах многих европейцев СССР выступал как освободитель от немецко-фашистского режима. Это привело к популяризации коммунистических партий на европейском континенте. Не осталась в стороне и Франция, где компартия стала довольно серьезной конкурирующей силой. Опасность победы коммунизма во Франции была довольно серьезна, что не устраивало США и Великобританию. Рузвельт принимает шаги по сближению с Францией и перетягиванию ее на сторону западных союзников. Тем не менее, французская делегация не была приглашена на Тегеранскую конференцию 1943 г., где решался вопрос об открытии второго фронта во Франции. Де Голлю и его окружению приходилось доказывать степень своей важности в этой операции, чтобы не остаться в стороне от освобождения Франции.

После освобождения Франции «великие державы» не сразу признали её новое правительство. Официально это произошло только через несколько недель [5, с. 207]. Судьбоносными для Франции стали встречи держав-победительниц в Ялте и Потсдаме. В Ялте президент США Рузвельт предлагает предоставить зону оккупации в Германии для Франции и включить её в состав контрольной комиссии. На Потсдамской конференции новый президент США Гарри Трумен, следуя традиции своего предшественника, предпринял шаги по сближению с де Голлем. Трумен предложил создать Совет министров иностранных дел и включить в него Францию. Постепенно втягивая Францию в орбиту своего влияния, используя как политические, так и экономические методы, США удалось избежать прихода коммунистов к власти во Франции. В свою очередь, де Голль добился необходимой для него поддержки со стороны западных держав.

Таким образом, Франция, выбыв из Второй мировой войны в самом ее начале и практически не имея влияния на ее ход, смогла из проигравшей стра-

ны превратиться в державу-победительницу. Это было связано с рядом факторов, среди которых важное место занимали противоречия между державами-победительницами, борьба за сферы интересов. Безусловно, роль Шарля де Голля в становлении Франции является неоценимой.

1. *Бережков В. М.* Страницы дипломатической истории. М., 1984.
2. Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : в 2 т. 2-е изд. М., 1989. Т. 1. Переписка с У. Черчиллем и К. Эттли (июль 1941 г. – ноябрь 1945 г.).
3. *Севостьянов Г. Н., Уткин А. И.* США и Франция в годы войны. 1939–1945 гг. М., 1974.
4. *Волков Ф. Д.* За кулисами Второй мировой войны. М., 1985.
5. *Верт А.* Франция в 1940–1955 гг. / пер. с англ. А. О. Зеленина, И. С. Тихомирова ; под ред. Е. В. Рубинина. М., 1959.

УДК 327(510:594)+327.82(5-12)

А. Е. Иванова

*Уральский федеральный университет,
Екатеринбург*

Роль китайской диаспоры в отношениях Индонезии и КНР

The role of the Chinese diaspora in Sino-Indonesian relations

В статье описывается влияние китайской диаспоры на развитие китайско-индонезийских отношений. Приводятся данные о вовлеченности этнических китайцев, проживающих вне территории КНР, в индонезийскую экономику. Дается прогноз распространения культурного влияния Китая в Юго-Восточной Азии.

Ключевые слова: китайско-индонезийские отношения, китайская диаспора, хуацяо, Юго-Восточная Азия, дипломатия, экспансия Китая.

The article describes the influence of Chinese diaspora on the development of Sino-Indonesian relations. It also refers to the involvement of ethnic Chinese who are living outside

mainland China in Indonesian economy, and gives a forecast of Chinese culture promotion in Southeast Asia.

Keywords: Sino-Indonesian relations, chinese diaspora, huaqiao, Southeast Asia, diplomacy, China's expansion.

«Мягкая сила», наращиваемая Китаем в соседних с ним государствах и регионах, во многом определяется постоянно растущим числом хуацяо (华侨 (huáqíáo) – этнические китайцы, проживающие вне Китая [1]). Китайская диаспора в странах Юго-Восточной Азии играет важную роль в распространении китайского экономического, политического и культурного влияния.

В Индонезии хуацяо составляют около 3 % населения (до 10 млн человек), и по положению в обществе их можно отнести к модели неассимилировавшейся диаспоры. Этнические китайцы, проживающие в Индонезии, вовлечены более чем в 90 % китайско-индонезийских торговых контактов, сделок. Китайская диаспора контролирует около 70 % частного сектора экономики и 17 из 25 крупнейших концернов страны [2].

На современном этапе КНР рассматривает китайскую диаспору не только как важный источник инвестиций и технологий, но также как инструмент политики в глобальном понимании [3, с. 185]. Китай развивает отношения с китайскими организациями по всему миру, призывая хуацяо расширять связи между их исторической родиной и развивающимися странами.

Таким образом, на примере связей с Индонезией мы можем наблюдать, что китайская диаспора уже во многом стала эффективным инструментом в развитии экономической интеграции и росте китайского культурного влияния в ЮВА.

1. Хуацяо, их роль в политике КНР // NEO – Новое восточное обозрение [официальный сайт]. URL: <http://ru.journalneo.org/2014/03/27/huatsyao-ih-rol-v-politike-knr/> (дата обращения: 20.12.2015)

2. 华侨华人分布状况和发展趋势 [电子资源] // 中华人民共和国国务院办公厅. URL: <http://qwgzyj.gqb.gov.cn/yjyt/155/1830.shtml> (治疗的日期: 20.12.2015) Распределение хуацяо и тенденции развития. // Zhonghua renmin gongheguo guowuyuan bangongshi. URL: <http://qwgzyj.gqb.gov> (mode of access: 20.12.2015).
3. Молодой солдат Чжан Га // Государственный департамент Китайской Народной Республики. URL: <http://qwgzyj.gqb.gov> (дата обращения: 20.12.2015).

УДК 327.5+327.7+355.01(460)+355.01(567)

В. А. Ильиных

*Уральский федеральный университет,
Екатеринбург*

Участие Испании в военном конфликте на отдаленной территории на примере войны в Ираке

Participation of Spain in the conflict on a remote territory on the example of war in Iraq

В статье рассмотрены причины участия Испании в военном конфликте в Ираке, а также причины вывода войск в самом разгаре военных действий. Показано, какие последствия для страны имели подобные действия.

Ключевые слова: война в Ираке, Испания, НАТО, ООН.

This article is aimed to research the cause of Spain participation in Iraq conflict, why its troops were withdrawn in the middle of the confrontation and what consequences these actions had.

Keywords: war in Iraq, Spain, NATO, UN.

Войска коалиции вторглись в Ирак 20 марта 2003 г. без санкции ООН. НАТО в данном конфликте не вводило свой вооруженный контингент, а только оказало помощь Польше и Турции по их запросу [1]. Позднее Совет Безопасности учредил миссию ООН по оказанию содействия Ираку [2].

С официальной точки зрения участие Испании объясняется политикой правительства, направленной на борьбу с терроризмом и с распространением

оружия массового уничтожения, однако это был скорее политический шаг, нежели стратегический [3, с. 25]. Правительство Аснара во всем поддерживало США, но после теракта в Мадриде 11 марта 2004 г. к власти пришла оппозиционная партия, и итальянские войска из Ирака были выведены. Тем не менее, Испания продолжила в рамках ООН участвовать в восстановлении и обеспечении безопасности Ирака [4]. Новый премьер-министр стал восстанавливать связи с другими странами, ухудшившиеся после ввода испанских войск в Ирак [5, с. 65].

1. NATO and the 2003 campaign against Iraq (Archived) // NATO [official site]. 01.09.2015. URL: http://www.nato.int/cps/ru/natohq/topics_51977.htm?selectedLocale=en (mode of access: 14.11.2015).
2. Resolution 1500 (2003), adopted by the Security Council at its 4808th meeting, on 14 Aug. 2003 // UN [official site]. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N03/467/78/PDF/N0346778.pdf?OpenElement> (mode of access: 06.12.2015).
3. *Талайко Т.* Война в Ираке и трансатлантические отношения // Журнал Международного права и международных отношений. 2005. № 2.
4. Asistencia a Irak // Gobierno de España Ministerio de Defensa [official site]. URL: http://www.defensa.gob.es/misiones/en_exterior/historico/listado/asistencia-irak.html (acceso: 12.12.2015).
5. *Черкасова Е.* Поворот во внешней политики Испании : амбиции и границы возможного // Мировая экономика и международные отношения. 2005. № 8. С. 65–66.

**Эволюция международно-правового статуса коренного народа
в документах Международной организации труда (МОТ)**

**The evolution of the international legal status of the indigenous people
in the documents of the International Labour Organisation**

В работе исследуется влияние Международной организации труда на статус коренных народов в международном праве во второй половине XX в.

Ключевые слова: коренные народы, международное право, Международная организация труда.

The main idea of the article is the influence of the ILO to the international status of indigenous peoples in the second half of the XX century.

Keywords: indigenous peoples, international law, The International Labour Organisation.

Международная Организация Труда (МОТ) – первая глобальная организация, объявившая о невозможности ассимиляции коренных народов. На повестку дня этой организации были поставлены следующие вопросы, касающиеся коренных народов: условия труда, профессиональное обучение, социальная защита, здравоохранение, средства общения [1]. За коренными народами было закреплено право интеллектуальной и частной собственности на их территориях [2, с. 77]. Из-за гибкой политики МОТ в этом аспекте и многие государства, и сами коренные народы доверяли организации и старались участвовать в разработке проектов и программ по защите прав аборигенного населения.

1. Андриченко Л. В. Международно-правовая защита коренных народов // Журнал российского права. 2001. № 5.

2. Indigenous and Tribal Populations Convention No. 107 of the ILO // ILO Documents. URL: <http://www.ilo.org/images/empent/static/coop/pdf/Conv107.pdf> (mode of access: 05.03.2015).

УДК 327.7+327(510)+327(529)

А. А. Обанина

*Уральский федеральный университет,
Екатеринбург*

Передача места в ООН от Китайской Республики Китайской Народной Республике

UN seat handover from the Republic of China to people's Republic of China

Статья посвящена важному для современного Китая историческому событию – передаче места в ООН от КР к КНР. Используются официальные документы ООН, материалы СМИ, а также работы отечественных и зарубежных исследователей.

Ключевые слова: международные организации, Китайская Республика, Тайвань, ООН, КНР, тайваньская проблема.

The article is devoted to an important historical event for modern China – the handover of the UN seat from ROC to PRC. The article is based on official documents, media resources and the works of Russian and foreign researchers.

Keywords: international organisations, Republic of China, Taiwan, UN, PRC, Taiwan Issue.

После Второй мировой войны в Китае произошли коренные политические изменения. Народная революция 1945–1949 гг. привела к образованию Китайской Народной Республики и бегству главы Китайской Республики (КР) Чан Кайши вместе с частью населения на Тайвань. Ранее, в 1945 г., Китайская Республика стала одной из стран-основательниц ООН и принимала активное участие в её деятельности. Членом ООН КР являлась до 1971 г., но чем более устойчивые позиции занимал коммунистический режим на материковой части Китая, тем более отчетливо руководители Тайваня понимали, что вскоре вста-

нет вопрос о том, что представлять китайскую нацию на международной арене сможет либо КР, либо КНР.

На это указывал в том числе разрыв дипломатических отношений большинства стран с Тайванем под давлением КНР [1; 2]. К 1971 г. Китайская республика признавалась уже только 22 государствами. Логичным продолжением этой тенденции стало принятие ООН по предложению КНР Резолюции «О праве представительства Китая», которая признавала КНР единственным законным представителем Китая в ООН [3]. Резолюция была принята при поддержке 76 стран против 35, и Тайвань был исключен из ООН.

Таким образом, можно сделать вывод, что передача места в ООН Китайской Народной Республике прошла относительно быстро и была поддержана международным сообществом, что отражало реальную расстановку сил и значимость КНР на мировой арене. А КР была практически полностью изолирована, в связи с чем премьер-министр Цзян Цзинго в мае 1972 г. предложил новую внешнеполитическую стратегию установления и развития отношений со странами вне зависимости от того, признали ли они суверенитет Тайваня [4].

-
1. *Cabestan J.-P.* France's Taiwan policy: a case of shopkeeper diplomacy. URL: <http://www.sciencespo.fr/cei/sites/sciencespo.fr/cei/files/jpcabest.pdf> (mode of access: 15.01.2016).
 2. Relazioni Taiwan-Italia // Ufficio di Rappresentanza di Taipei in Italia. URL: <http://www.roc-taiwan.org/IT/ct.asp?xItem=86823&CtNode=6331&mp=187&xp1=187> (accesso: 15.01.2016).
 3. Resolution 2758 of the General Assembly UN "Restoration of the lawful rights of the People's Republic of China in the United Nations". 25 Oct. 1971 // United Nations [site]. URL: [http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/2758\(XXVI\)&referre=/english/&Lang=E](http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/2758(XXVI)&referre=/english/&Lang=E) (mode of access: 12.01.2016).
 4. *Hengjun Y.* Chiang Ching-kuo, China's Democratic Pioneer // The Diplomat. 2014. URL: <http://thediplomat.com/2014/12/chiang-ching-kuo-chinas-democratic-pioneer/> (mode of access: 11.01.2016).

Соперничество США и Канады в Арктическом регионе в постбиполярную эпоху

US and Canada rivalry in the Arctic region in the post-bipolar era

В работе сформулированы основные сферы столкновения интересов североамериканских государств и описаны возможные решения спорных вопросов, которые связаны с определением статуса Северо-Западного прохода (Соединенные Штаты настаивают на придании проливу международного статуса, Канада, в свою очередь, доказывает принадлежность пролива своим территориальным водам), а также с определением границы в море Бофорта.

Ключевые слова: международное соперничество, территориальные споры, Арктика, Канада, США, море Бофорта, Северо-Западный проход.

Primary fields of North America states' rivalry and expectative solutions of disputes are represented in this work. Disputes between the USA and Canada are connected with determination of Northwest Passage status (the U. S. insists on its international status, whereas in contrast Canada proves its belonging to Canada's territorial waters), and determination of borders in Beaufort Sea.

Keywords: international rivalry, territorial disputes, Arctic, Canada, USA, Beaufort Sea, Northwest Passage, rivalry.

Спор вокруг статуса Северо-Западного прохода между США и Канадой начался еще в 1960-х гг. В этом вопросе, как и во всех остальных, связанных с Арктикой, Канада одна из первых заметила важность распространения своего суверенитета не только на сухопутную часть региона, но и на акватории. Вследствие этого Северо-Западный проход начал приобретать особое значение в обеспечении суверенитета Канады над морскими территориями Арктического архипелага. Причиной этому послужил спор между Канадой и Соединенными Штатами об определении статуса Северо-Западного прохода [1].

По мнению канадских экспертов, пролив, который проходит через Канадский Арктический архипелаг, является частью канадских территориальных вод. Исследователи используют функциональный подход в определении статуса прохода. Профессор Д. Фаренд отметил, что до конца XX в. Северо-Западный проход лишь несколько раз использовался иностранными государствами для совершения транзитных рейсов, и практически все плавания совершались с разрешения канадского правительства, кроме нескольких плаваний американских судов [2]. Однако в связи глобальным потеплением пролив стал использоваться гораздо активнее после 1991 г., когда состоялось больше 60 % от общего числа транзитных рейсов через него. Более того, в настоящее время Северо-Западным проходом пользуются не только канадские и американские судна, но и корабли многих других стран [2].

При этом США настаивают на географическом подходе к определению статуса Северо-Западного прохода, согласно которому, поскольку пролив имеет выходы к Атлантическому и Тихому океанам, он должен иметь статус экстерриториальных вод, открытых для международного использования.

Одной из причин актуализации вопроса о статусе пролива стала возможность его круглогодичного использования без специализированной техники. Теоретически этот проход может стать международным, ведь Северо-Западный проход является очень выгодным маршрутом: по сравнению с протяженностью пути через Суэцкий или Панамский каналы, длина пути через Северо-Западный проход может оказаться на 9 тыс. км короче [2].

Брайан Флемминг, член Института канадской обороны и международных отношений, в своих трудах говорит, что наиболее подходящим решением может стать создание международного органа по управлению Северо-Западным проходом [3].

Определение границ в море Бофорта также вызвало споры между США и Канадой. В связи с экономическим кризисом в 1970-х гг. североамериканские государства находились в поисках альтернативных источников энергии, поскольку были зависимы от поставок газа и нефти из развивающихся и социали-

стических государств. В этот период были открыты новые нефтегазовые месторождения на дне моря Бофорта, что привело к необходимости определения границы в морских территориях между Юконом и Аляской [1].

Для решения данного спора Канада использовала Англо-Русскую конвенцию 1825 г. В данном документе заявлено, что граница в море Бофорта должна проходить по прямой линии от границы между Юконом и Аляской, которая идет «вдоль 141-го меридиана до самого Ледовитого океана» [4]. США утверждают, что граница должна проходить по 141-му меридиану только до побережья, а далее в арктических акваториях она должна определяться принципом равной удаленности [2].

На сегодняшний день спорная часть моря Бофорта начинает приобретать большее значение для обеих сторон; в связи с таянием ледников в Арктике могут возрасти возможности развития коммерческого рыболовства, а также разработок нефтегазоносных месторождений [5]. В нефтегазоносном бассейне дельты реки Маккензи – моря Бофорта, согласно исследованиям, сконцентрировано около 1,7 трлн м³ природного газа и до 9 млрд т нефти, такого количества газа достаточно, чтобы поставлять его в Канаду в течение 20 лет [6]. Однако для осуществления поставок газа в южные территории Канады и за границу необходимо первоначально развить соответствующую инфраструктуру.

Согласно недавно проведенным канадо-американским геологическим исследованиям арктических акваторий, шельф обеих стран может распространиться дальше к Северному полюсу, чем предполагалось до этого, что, вероятно, может повлечь за собой увеличение зоны спора. В этих условиях от решения данной проблемы зависит возможное расширение северных территорий и США, и Канады [1].

В изменившихся условиях Канаде, как и США, более выгодно использовать принцип равной удаленности, так как граница между двумя странами в этом случае отодвинется под углом 45° на северо-запад и дойдет до российско-американской морской границы. Тогда оба государства смогут претендовать на гораздо более обширные территории.

Причина такого изменения ситуации состоит в расположении острова Бэнкс, который отодвигает морскую границу на запад [7]. Таким образом, от решения спора о границах в море Бофорта зависит расширение северных континентальных шельфов обеих стран [1]. США и Канада находятся в поиске мирных способов решения спорных вопросов, связанных с определением границ. Государства разрабатывают совместные исследовательские проекты, участвуют в различных форумах, где поднимают проблемы арктического региона.

В 2013 г. в Галифаксе (Канада) состоялся ежегодный международный форум по безопасности. По словам министра обороны Соединенных Штатов Чака Хэйгла, «Соединенные Штаты ценят союз с Канадой, ведь связывает нас не только общая граница протяженностью 5000 миль, но и общая история, общие ценности, а также и общие интересы безопасности» [8]. Роб Николсон, министр иностранных дел Канады, отметил, что он имел возможность обсудить вопросы совместного с США реагирования на современные вызовы глобальной обороны и безопасности, а также национальную арктическую стратегию США [9].

Кроме этого, 1 ноября 2013 г. были организованы совместные канадо-американские учения по проведению поисково-спасательной операции в Арктике [10]. Это говорит о том, что Канада и США намерены все вопросы, связанные с проблемами экологии, безопасности, а также разделения границ, решать совместными усилиями мирным путем.

1. *Максимова Д. Д.* О некоторых проблемах межгосударственных отношений Канады в арктическом регионе // Россия и Америка в XXI в.: электрон. журн. 2011. № 2. URL: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=274>(дата обращения: 28.04.2015).

2. *Зберя В. А.* Канадо-американские отношения в арктическом регионе // Россия и Америка в XXI в.: электрон. журн. 2011. № 1. URL: http://www.rusus.ru/?act=read&id=236#_edn16 (дата обращения: 29.05.2015).

3. *Flemming B.* Canada – U. S. Relations in the Arctic : A Neighbourly Proposal // Canadian Defense & Foreign Affairs Institute. 2008. URL: http://www.dal.ca/content/dam/dalhousie/pdf/law/MELAW/MELAW_BFlemming_Canada-US_Arctic_Proposal.pdf (mode of access: 15.05.2015).

4. Конвенция, заключенная в Санкт-Петербурге между императором всероссийским и королем великобританским, о взаимных выгодах. 1825. URL:http://istorik.ucoz.com/publ/dopolnitelnyj_material/istochniki/konvencija_zakljuchennaja_v_sankt_peterburge_mezhdu_imperatorom_vserossijskim_i_korolem_velikobritanskim_o_vzaimnykh_vygodakh/20-1-0-740 (дата обращения: 14.05.2015).
5. *DeMille D.* Steerage and Stewardship: The US, Canada, & Denmark/Greenland should join forces to guard the North American side of the Arctic // CASR – Canadian American Strategic Rev. [web-portal]. 2009. URL: <http://www.casr.ca/ft-arctic-trilateral-treaty-1.htm> (mode of access: 01.05.2015).
6. *Hutter K.* Canada an ‘energy superpower’ in Arctic, Cannon says // The Globe and Mail: [web-portal]. 2009. URL: <http://www.theglobeandmail.com/news/politics/canada-an-energy-superpower-in-arctic-cannon/article17585/>(mode of access: 15.05.2015).
7. *Босуэлл Р.* Россия и Канада – соседи? // inoSMI.ru. [web-portal]. 2012. URL:<http://inosmi.ru/usa/20120214/185891284.html> (дата обращения: 05.06.2015).
8. Secretary of Defense Speech, Halifax International Security Forum (DoD Arctic Strategy) // U. S. Department of Defense [official website]. 2013. URL: <http://www.defense.gov/speeches/speech.aspx?speechid=1821> (mode of access: 18.05.2015).
9. Nicholson says U. S. Arctic strategy consistent with Canada’s approach // Herald News. 2013. URL: <http://thechronicleherald.ca/canada/1169668-nicholson-says-us-arctic-strategy-consistent-with-canada-s-approach> (accessed: 18.05.2015).
10. *Miles D.* U. S., Canadian Forces Exercise Arctic Search-and-rescue Ops // U. S. Department of Defense [official website]. 2013. URL: <http://www.defense.gov/news/newsarticle.aspx?id=121043> (accessed: 18.05.2015).

Отношения Мексики и США в годы холодной войны**Relations of Mexico and the USA during the Cold War**

В статье рассмотрена эволюция взаимоотношений между Мексикой и США в период холодной войны. Показано, что между двумя государствами наблюдались как взаимное сотрудничество, так и противоречия, однако рано или поздно находились компромиссные решения. Например, США поставляли значительные инвестиции в мексиканскую экономику, Мексика служила источником дешевой рабочей силы для США, совместно решались многие проблемы, в частности, нелегальной миграции, наркоторговли. Таким образом, сложились предпосылки для дальнейшей интеграции.

Ключевые слова: холодная война, Ялтинско-Потсдамская система международных отношений, Мексика, США, интеграция.

The article outlines the evolution of relations between Mexico and USA during the Cold War. The author argues that there were both mutual cooperation and contradictions; however, sooner or later they found compromising decisions. For example, USA notably invested into Mexican economics, Mexico was the source of cheap workforce for USA, and a lot of problems as illegal migration, drug traffic were being solved jointly. Finally, there were created preconditions of further integration of both states.

Keywords: Cold War, Yalta-Potsdam system of international relations, Mexico, USA, integration.

В период холодной войны отношения США и Мексики претерпели значительную эволюцию. К началу 1950 гг. Мексика находилась в сильной экономической зависимости от США, около 80 % иностранных инвестиций были американскими [1, с. 24]. Для США Мексика служила рынком сбыта американских товаров и источником ресурсов, прежде всего нефти и дешевой рабочей силы.

С другой стороны, оба государства сталкивались с проблемами нелегальной миграции, наркоторговли, спорами о приграничных территориях и воздушном пространстве. Но оба государства принимали меры по их преодолению. Например, в 1963 г. был разрешен давний спор о части границы Чамисаль – Эль-Пасо [2]; к концу 1970-х гг. поставки марихуаны из Мексики в США сократились на 69 %; в 1986 г. был принят Закон об иммиграционной реформе и контроле [3], что через некоторое время сократило нелегальную миграцию.

Представляется возможным охарактеризовать мексиканско-американские отношения в течение периода холодной войны как нарастание взаимозависимости и движение к закреплению интеграционных связей.

-
1. История Латинской Америки : Вторая половина XX века / отв. ред. Е. А. Ларин. М., 2004.
 2. “New York Times” chronology // New York Times. July 1963. URL: <http://www.jfklibrary.org/Research/Research-Aids/Ready-Reference/New-York-Times/Chronology/Browse-by-Date/New-York-Times-Chronology-July-1963.aspx> (mode of access: 03.08.2015).
 3. Immigration Reform and Control Act of 1986 // Department of Homeland Security [official website] URL: <http://www.uscis.gov/iframe/ilink/docView/PUBLAW/HTML/PUBLAW/0-0-0-15.html> (mode of access: 21.12.2015).

**Интеграционные процессы в Северной Америке в 1945–1988 гг.
(на примере соглашения о свободе торговли – ФТА)**

**Integration processes in North America in 1945–1988
(by the example of free trade agreement – FTA)**

Статья посвящена истории развития канадо-американских отношений во второй половине XX в. Определены предпосылки и этапы становления сотрудничества между США и Канадой. Исследован процесс ратификации соглашения в Конгрессе США и Парламенте Канады.

Ключевые слова: международное экономическое сотрудничество, интеграционные процессы, Соглашение о свободной торговле (ФТА), США, Р. Рейган, Б. Малруни, «Шэмпрок Саммит».

The report is devoted to the history of Canada-United States relations in the second half of the 20th century. The author defines the prerequisites and stages of cooperation between the United States and Canada. The paper also investigates the ratification of FTA in the U. S. Congress and the Parliament of Canada.

Keywords: international economic cooperation, integration processes, The Free Trade Agreement (FTA), The USA, Канада, Canada, R. Reagan, B. Mulroney, “Shamrock Summit”.

Интеграционные процессы в Северной Америке по окончании Второй мировой войны были обусловлены, во-первых, расстановкой сил на мировой арене в пользу США [1, с. 7], во-вторых, начавшимися процессами интеграции двух стран, [2, с. 234]; в-третьих, важной стала совместная борьба с коммунизмом [3, р. 184–185], в-четвертых, усилилось стремление США к созданию некой американской империи, частью которой должна была стать и Канада [4, с. 124].

Однако если США стремились к активизации сотрудничества с Канадой, то в Канаде наблюдалась смена настроений по поводу расширения связей с США, обусловленная колебаниями курса от националистического до континенталистского. Сторонники курса «канадизации» к усилению связей с США относились отрицательно, а сторонники континентализма, напротив, считали экономическую интеграцию с США выгодной для Канады. Окончательный поворот к тесному экономическому сотрудничеству связан с приходом к власти в Канаде Б. Малруни, ставшего инициатором переговоров по созданию зоны свободной торговли, продолжавшихся с 1985 по 1988 г. [3, 184–185].

Ключевым пунктом на пути к подписанию соглашения стала встреча Б. Малруни и Р. Рейгана в Квебеке 17 марта 1985 г., получившая неофициальное название «Шэмок Саммита» [3, р. 286]. По ее итогам были приняты Декларация о торговле товарами и услугами, закрепившая курс на ликвидацию торговых барьеров [2], и Декларация о международной безопасности, предусматривавшая активизацию двусторонних связей в области обороны [5]. В результате в 1988 г. было подписано канадо-американское соглашение о свободе торговли. Оно предполагало отмену в течение десяти лет всех таможенных пошлин. Однако ратификация соглашения в Канаде столкнулась с серьезным препятствием: часть общества считала его «предательством национальных интересов и капитуляцией перед Соединенными Штатами» [6, с. 222]. В Палате Общин канадского парламента все оппозиционные партии выступили против его ратификации. В результате премьер-министр Б. Малруни распустил парламент и провел новые выборы, по итогам которых победили сторонники утверждения ФТА, и 1 января 1989 г. соглашение вступило в силу. Оно стало воплощением плана по «открытию мира», созданию пространства без границ и барьеров.

1. Киссинджер Г. *Дипломатия*. М., 1997.

2. Сороко-Цюпа О. С. *История Канады*. М., 1985.

3. Thompson J. H., Randall S. J. *Canada and the United States: ambivalent allies*. Montreal, 1994.

4. Уткин А. И. Американская империя. М., 2003.
5. Declaration by the Prime Minister of Canada and the President of the United States of America Regarding International Security on March 18, 1985 // The Ronald Reagan Presidential Library [official web-site]. URL: <http://www.reagan.utexas.edu/archives/speeches/1985/31885d.htm> (mode of access: 07.12.2015).
6. Данилов С. Ю. История Канады. М., 2006.

УДК 339.564(460)+332.135

Л. В.Старикова

*Уральский федеральный университет,
Екатеринбург*

Испания в международной системе экспортного контроля (1945—1991)

Spain in the international system of export control (1945—1991)

В статье рассматривается эволюция международной системы экспортного контроля в 1945—1991 гг. и участие Испании в международных юридически обязывающих документах в сфере экспортного контроля и в его широких многосторонних режимах.

Ключевые слова: стратегическая торговля, экспортный контроль, Испания, международное экономическое сотрудничество.

The article examines the evolution of international system of export controls in 1945–1991 and Spain's participation in international legally binding export control agreements and in broader multilateral export control regimes. Spain and informal multilateral export control regimes; International export controls arrangements.

Keywords: strategic trade, export control, Spain, international economic cooperation.

Анализируя роль Испании в международной системе экспортного контроля в рамках Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений, можно четко проследить промежуток времени, когда Испания практически не участвовала в международной системе стратегической торговли: это период со времени окончания Второй мировой войны и до 1970-х гг. (диктаторский режим Франсиско Франко 1936–1975 гг. значительно ограничивал международное взаимо-

действие Испании с другими государствами, и страна фигурировала лишь в рамках международной организации МАГАТЕ [1]). Также можно выделить период активного участия страны в данной деятельности – 70–80-е гг. XX в. – период кардинальных изменений в стране и постепенный переход к демократии, когда Испания являлась членом таких важных инструментов регулирования экспортного контроля, как Комитет Цангера [2], Группа ядерных поставщиков, Австралийская группа [3], ДНЯО – краеугольный камень режима ядерного нераспространения.

1. The members of the Agency // International Atomic Energy Agency [official site]. URL: <https://www.iaea.org/sites/default/files/infocirc2.pdf> (mode of access: 14.08.2015).
2. History of Zangger Committee // Zangger Committee [official site]. URL: <http://www.foi.se/en/Customers--Partners/Projects/zc/zangger/history/> (mode of access: 14.08.2015).
3. The Australian Group : An Introduction // The Australian Group [Official site]. URL: <http://www.australiagroup.net/en/introduction.html> (mode of access: 14.08.2015).

УДК 341.215.4-055.2+341.123

Е. А. Тодрик

*Уральский федеральный университет,
Екатеринбург*

Защита прав женщин в международном праве с середины 1940-х по 1960-е гг.

Protection of women's rights in international law from the first half of 1940s to 1960s

Статья посвящена развитию международного права и, в частности, института защиты прав женщин в 1940—1960-е гг. XX в. Этот период характеризуется большим количеством международных конвенций и деклараций, посвященных уравниванию в правах женщин и мужчин. Автор утверждает, что несмотря на то, что законодательно права женщин были закреплены, на практике эффективного механизма по их осуществлению не существовало.

Ключевые слова: международное право, права человека, права женщин, защита прав человека, ООН.

The article is devoted to the development of women's rights protection in international law from the first half of 1940s to 1960s. This historical period is characterized by a significant number of Conventions and Declarations which established equality between men and women. The Charter of The United Nation Organization is the main source of international law of that period which proclaimed “fundamental human rights and the equal rights of men and women”. Despite the fact that the legislation fixed women’s rights there were an efficient mechanism to put them in practice.

Keywords: international law, human rights, women’s rights, protection of human rights, UN.

После Второй мировой войны, унесшей жизни многих людей, вопрос о реализации прав человека и о создании механизма их защиты встал наиболее остро. В особенности это касалось одной из самых уязвимых социальных групп – женщин. Первым документом, ознаменовавшим собой новую эпоху – эпоху прав человека – стал Устав ООН, провозгласивший в преамбуле «права человека, достоинство и ценность человеческой личности и равноправие мужчин и женщин» [1].

Спустя три года 10 декабря 1948 г. Организацией Объединенных Наций была принята Всеобщая декларация прав человека, явившаяся «стандартом, к которому должны стремиться все народы и государства» и также обращавшая внимание на равноправие в ст. 2 [2]. В 1950 г. была принята Европейская конвенция о защите прав человека и его основных свобод, которая, в отличие от Всеобщей декларации, явилась эффективным многосторонним международным договором, закрепляющим механизм, обеспечивающий его соблюдение. Страны, ратифицировавшие конвенцию, попадают под юрисдикцию Европейского суда по правам человека [3].

В 1952 г. принимается Конвенция о политических правах женщин, целью которой стало претворение в жизнь провозглашенного в Уставе ООН равноправия [4]. В 1957 г. был сделан большой шаг в направлении защиты прав женщин в семье – Конвенция о гражданстве замужней женщины провозгласила

независимость гражданства жены от гражданства мужа [5]. В 1962 и 1965 г., развивая направление защиты прав женщин в браке, принимаются последовательно Конвенция о согласии на вступление в брак, брачном возрасте и регистрации браков и Рекомендация о согласии на вступление в брак, минимальном брачном возрасте и регистрации браков [6].

Следующим шагом в развитии института защиты прав женщин стало принятие сразу двух международных пактов в 1966 г., регулирующих гражданские и политические права и экономические, социальные и культурные права. Однако несмотря на провозглашенную доступность для женщин всех возможных прав наравне с мужчинами, де-факто ситуация обстояла иначе: женщины составляли конкуренцию возвратившимся с войны мужчинам и потому реже нанимались на работу, труд их оплачивался на 20 % ниже, чем труд мужчины на той же должности, женское избирательное право в Швейцарии было законодательно закреплено только в 1971 г., а в Лихтенштейне – в 1984 г. [7]. Женщины по-прежнему являлись самой уязвимой категорией граждан, так как они могли одновременно являться и представителями других категорий, требующих защиты и особого отношения: подростками, инвалидами, пожилыми людьми. Таким образом, вокруг женщин возводилась стена двойной дискриминации [8].

И как показала практика ЕСПЧ, дела о дискриминации по половому признаку стали появляться уже в постбиполярный период – 50 лет понадобилась женщинам, чтобы укрепиться в мысли, что они обладают правами, что они могут их отстаивать и что это у них получится [9]. С 1959 г. было рассмотрено по существу всего 239 жалоб, поданных по ст. 14 Европейской конвенции, то есть по вопросу дискриминации. Для сравнения: по вопросам несоблюдения права собственности было рассмотрено 2 898 жалоб, а по вопросу права на судебную защиту – 4 198 [10].

Вот почему уже в 1967 г. ООН приняла Декларацию о ликвидации дискриминации в отношении женщин. Документ поставил в один ряд две такие категории как «свобода» и «равенство». Несмотря на то, что лозунг «Liberte, Egalite,

Fratemite» («Свобода, равенство, Братство») известен миру с конца XVII в., только в конце XX в. он звучал как правовая доктрина: декларация требовала включения принципа равноправия в конституции стран-участниц и аннулирования существующих законов, положений и обычаев, дискриминационных в отношении женщин [11].

На этом завершился этап пристального внимания мирового сообщества к правам женщин. С распадом социалистического лагеря во главу угла во многих западных странах, а впоследствии и в странах Восточной Европы была помещена политика неолиберализма, пропагандирующая принципы естественного социального неравенства, конкуренции, меркантилизма и отсутствия солидарности [12].

-
1. Устав ООН // ООН URL: <http://www.un.org/ru/charter-united-nations/index.html> (дата обращения: 15.12.2015).
 2. Всеобщая декларация прав человека, 1948 г. // ООН [официальный сайт]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 15.12.2015).
 3. Конвенция о защите прав человека и основных свобод, 1950 г. // Информационная система по документам по правам человека и тематическим публикациям URL: <http://www.echr-base.ru/conven.jsp> (дата обращения: 15.12.2015).
 4. Конвенция о политических правах женщин, 1952 г. // ООН [официальный сайт]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/women.pdf (дата обращения: 15.12.2015).
 5. Конвенция о гражданстве замужней женщины, 1957 г. // ООН [официальный сайт]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/married_women_nationality.shtml (дата обращения: 15.12.2015).
 6. Конвенция о согласии на вступление в брак, брачном возрасте и регистрации браков // ООН [официальный сайт]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/conmarr.shtml (дата обращения: 15.12.2015).
 7. Женское избирательное право // Wikipedia. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%96%D0%B5%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B5_%D0%B8%D0%B7%D0%

B1%D0%B8%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE%D0%B5_%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BE (дата обращения: 15.12.2015).

8. Поленина С. В. Права женщин в системе прав человека: международный и национальный аспект // Женщина и общество. URL: <http://owl.ru/win/books/polenina/index.htm> (дата обращения: 15.12.2015).

9. European Court of Human Rights // URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng> (mode of access: 15.12.2015).

10. Violations by Article and by State. 1959–2014 // European Court of Human Rights. URL: http://www.echr.coe.int/Documents/Stats_violation_1959_2014_ENG.pdf (mode of access: 15.12.2015).

11. Конвенция о ликвидации дискриминации в отношении женщин, 1979 г. // ООН [официальный сайт] URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml (mode of access: 15.12.2015).

12. Бибииков А. Культурная политика неолиберализма // Художественный журнал. URL: <http://permm.ru/menu/xzh/arxiv/83/kulturnaya-politika-neoliberalizma.html> (дата обращения: 15.12.2015).

УДК 94(100)“1939/45”+355.015(520)+929ХирооОнода

В. Б. Туганов

*Уральский федеральный университет,
Екатеринбург*

Затянувшаяся тихоокеанская война: случай Хироо Оноды

Prolonged Pacific war: Hiroo Onoda's case

Статья посвящена получившей огласку после Второй мировой войны истории японца Хироо Оноды и особенностям ее современной интерпретации.

Ключевые слова: Вторая мировая война, партизанская война, Тихоокеанская война, японский милитаризм, Хироо Онода.

The article is about the case of Japanese Hiroo Onoda, revealed much later after the World War Two, and its modern interpretations.

Keywords: World War Two, guerilla war, Pacific war, Japanese militarism, Hiroo Onoda.

История Второй Мировой войны знает тысячи случаев, которые поразному принесли известность солдатам в их странах. К ним относится и случай японца Хироо Оноды, который, оказавшись со своим отрядом в джунглях, продолжал военные действия до 1974 г.

Анализ его биографии показывает, что Онода был типичным представителем праворадикальной японской молодежи [1]. В 1942 г. он был призван в армию и отправлен в Китай, в 1944 г. переведен на филиппинский остров Лубанг и получил приказ вести партизанскую войну. После разгрома Японии союзниками Оноде не был передан приказ сдаться. Он продолжал воевать, отказываясь верить в сообщения о капитуляции. Жертвами его диверсий стали около 130 военнослужащих США и Филиппин [2]. Филиппинскому спецназу не удавалось найти отряд. Отыскать Оноду и заставить его сдаться удалось благодаря одному японскому журналисту и очной ставке с тем майором, который отдавал ему приказ в 1944 г.

Самым странным в этой истории является то, что Онода не был казнен как военный преступник. Напротив, он вернулся в Японию, впоследствии написал мемуары и прожил до 2014 г. [2]. Почему? Пожалуй, главной причиной могла послужить приводящая в недоумение лояльность филиппинских властей, чья страна, как и Япония, оказалась после Второй мировой в сфере влияния США [3]. Столь же лояльную позицию можно встретить и в современном освещении данного случая на Западе [2].

Таким образом, история Хироо Оноды, с одной стороны, сама по себе является беспрецедентным случаем, а с другой, в более широком контексте, заставляет задуматься о проблемах изменения интерпретации и искажения истории Второй мировой войны.

1. Последний самурай // Аргументы и факты. 2004. № 33. URL: <http://www.aif.ru/archive/1633176> (дата обращения: 15.12.2015).

2. Hiroo Onoda – obituary // The Telegraph. 17.01.2014. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/obituaries/10579800/Hiroo-Onoda-obituary.html> (mode of access: 15.12.2015).

3. Clinton H. America's Pacific Century // Foreign Policy. 11.10.2011. URL: <http://foreignpolicy.com/2011/10/11/americas-pacific-century/> (mode of access: 15.12.2015).

УДК 327(575.3)+355.01

Ф. Р. Тулаев

*Уральский федеральный университет,
Екатеринбург*

Доктринальные основы внешней политики современного Таджикистана

The doctrinal foundations of foreign policy of modern Tajikistan

В статье рассматриваются доктринальные основы внешней политики современного Таджикистана. Проанализированы такие документы, как Концепция внешней политики Республики Таджикистан и военная доктрина Республики Таджикистан. Автор показывает, что суть внешней политики РТ заключается в концепции многовекторной политики «открытых дверей».

Ключевые слова: Таджикистан, внешняя политика, концепция, военная доктрина, сотрудничество, международные отношения.

The article examines the doctrinal foundations of foreign policy of modern Tajikistan. The documents analyzed include the Concept of foreign policy of the Republic of Tajikistan and the Military doctrine of RT. According to the article, the essence of the foreign policy of the Republic of Tajikistan is the concept of multi-vector policy of “open doors”.

Keywords: Tajikistan, foreign policy, concept, military doctrine, cooperation, international relations.

После распада СССР и провозглашения независимости во внешней политике Таджикистана начался новый этап. Был создан новый внешнеполитический механизм государства, основанный на установлении и развитии взаимовыгодных равноправных связей и контактов со всеми странами, содействии укреплению мира и международной безопасности [1]. Доктринальные основы данной политики складываются из Концепции внешней политики Республики Таджикистан, других документов и отчасти военной доктрины.

В соответствии со ст. 69 Конституции Республики Таджикистан, основные направления внешней политики государства определяет президент страны, он же представляет Таджикистан в международных отношениях [2].

Основные принципы, цели, задачи и приоритетные направления внешней политики Республики Таджикистан изложены в Концепции внешней политики, которая утверждена указом президента страны от 27 января 2015 г. [3]. Правовую основу концепции составляют Конституция Республики Таджикистан, законы и нормативные правовые акты, регулирующие деятельность государственных органов страны в сфере внешней политики, и признанные Республикой Таджикистан международно-правовые акты (п. 1.3).

Концепция последовательно излагает такие аспекты, как принципы и национальные интересы Таджикистана (п. 1.4 и 1.5), вызовы и угрозы, оказывающие влияние на безопасность Республики Таджикистан как составной части системы международных отношений (п. 2.2). В п. 2.3 наряду с вызовами и угрозами упоминаются и потенциально опасные для национальных интересов региональные факторы, такие как близость Таджикистана к конфликтогенным регионам, источникам проявлений терроризма, учебным центрам экстремистов и зонам производства наркотиков; возможность использования территории страны для трансграничной контрабанды наркотиков и распространения экстремистской идеологии.

Важный принцип определен в п. 2.7: «Внешняя политика Республики Таджикистан является политикой “открытых дверей”, миролюбивой и бескорыстной, и при ее осуществлении Таджикистан готов развивать отношения дружбы и признание обоюдных интересов на основе взаимного уважения, равноправия и взаимовыгодного сотрудничества со всеми ближними и дальними странами».

Отдельно стоит отметить региональные приоритеты Таджикистана. Согласно п. 3.1, «осуществление долгосрочных и стабильных отношений с традиционными партнерами – Россией и другими государствами – участниками СНГ отвечает политическим, экономическим и культурным интересам Республики Таджикистан, и с учетом концепции разносторонней и равноуровневой инте-

грации в рамках Содружества она будет стремиться к углублению взаимовыгодного сотрудничества с ними. Как важнейший механизм решения экономических, социальных, экологических вопросов и обеспечения мира и стабильности в Центральной Азии Республики Таджикистан рассматривает разветвленную региональную интеграцию. В условиях расширения глобализации и поступательного углубления политических и экономических интеграционных процессов в мире Республики Таджикистан налаживает многостороннее сотрудничество с такими международными и региональными организациями и институтами, как ООН, ОБСЕ, СНГ, ШОС, ОДКБ, ОИС, ОЭС, ДСА, СВМДА». Наряду с этим, указывается на важность укрепления и расширения двустороннего разномыпланового сотрудничества с Китаем, Ираном, США, Канадой, а также со странами Европы, Азии и Латинской Америки.

П. 3.2 посвящен еще одному важнейшему принципу – многовекторной дипломатии Таджикистана. Далее следует выделение таких направлений, как экономическая дипломатия (п. 3.3), дипломатия водного сотрудничества (п. 3.4), культурно-гуманитарная дипломатия (п. 3.5), информационная дипломатия (п. 3.6).

Что касается военной доктрины Республики Таджикистан, то данный документ был принят в октябре 2005 г. Доктрина носит оборонительный характер и подтверждает последовательную приверженность Таджикистана миру, но «с твердой решимостью защищать национальные интересы». Также выделяется направление сотрудничества с ОДКБ, СНГ и ШОС; в доктрине обозначено, что РТ полагается на коллективные механизмы безопасности [4].

Таким образом, можно заключить, что главные принципы и цели внешней политики Республики Таджикистан сформированы и полностью отражены в основных доктринальных документах государства. Важнейшими чертами его внешней политики являются многовекторная политика и политика «открытых дверей» в расширении и углублении двусторонних и многосторонних отношений со всеми зарубежными партнерами.

1. Внешняя политика и внешние связи // Tajik Development Gateway. URL: http://www.tajik-gateway.org/wp/?page_id=12070 (дата обращения: 13.12.2015).
2. Конституция Республики Таджикистан // Президент Республики Таджикистан [официальный сайт]. URL: <http://www.prezident.tj/ru/taxonomy/term/5/112> (дата обращения: 13.12.2015).
3. Концепция внешней политики Республики Таджикистан: утверждена Указом Президента Республики Таджикистан 27 янв. 2015 г. № 332 // МИД РТ. URL: <http://mfa.tj/ru/pravovaya-osnova-vp/kontseptciya-vneshney-politiki-respubliki-tadzhikistan.html> (дата обращения: 15.12.2015).
4. Об утверждении военной доктрины Республики Таджикистан : постановление Маджлиси Намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан от 3 окт. 2005 г. № 103 // URL: http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=12243 (дата обращения: 14.12.2015).

УДК 327.7(410)+327.82(410)

А. А. Чудинова

*Уральский федеральный университет,
Екатеринбург*

П. В. Хэнсен

*Уральский экономический колледж,
Екатеринбург*

Место Великобритании в Ялтинско-Потсдамской системе послевоенного десятилетия

Location British in Yalta-Potsdam system in the post-war decade

Статья посвящена анализу внешней политики Великобритании в контексте ее положения в системе международных отношений в послевоенное десятилетие. Выявлены особенности, связанные с ролью Великобритании в международных организациях и с ее взаимоотношениями с другими важнейшими акторами. Показаны основные направления внешнеполитического курса британского правительства в послевоенное десятилетие.

Ключевые слова: внешняя политика Великобритании, 1950-е гг., Ялтинско-Потсдамская система, международные организации.

This article analyzes the foreign policy of Great Britain in the context of its position in the system of international relations in the post-war decade. The features associated with the role of Great Britain in international organizations and its relations with other key actors. The main directions of the foreign policy of the British government's post-war decade.

Keywords: foreign policy of Great Britain, 1950s, Yalta-Potsdam system, international organizations.

В период Второй мировой войны на конференциях «большой тройки», объединивших страны антигитлеровской коалиции в борьбе с фашизмом, закладывались и основы будущего послевоенного миропорядка. Политическими и дипломатическими усилиями СССР, США и Великобритании были оформлены главные принципы Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений. Одним из ее ключевых элементов стала Организация Объединенных Наций, устав которой был утвержден на конференции в Сан-Франциско и вступил в силу 26 октября 1945 г.

Великобритания изначально играла важнейшую роль в ООН, став не только одним из пяти постоянных членов Совета Безопасности, обладающих правом вето, но фактически возглавила ее, поскольку первым исполняющим обязанности ее генерального секретаря стал англичанин Глэдвин Джебб [1, с. 115]. В это же время шел процесс политического сближения Великобритании с США. Проявился он, в частности, в действиях британского правительства по отношению к иранскому вопросу, когда совместно с США была поддержана жалоба иранского правительства в ООН на вмешательство советских властей во внутренние дела Ирана [2]. Укреплению политического влияния Великобритании способствовало и установление «особых отношений» с США и создание в 1952 г. ядерного оружия, в результате чего Соединенное Королевство стало третьей в мире ядерной державой.

Параллельно с усилением политическим и военным, Великобритания стремилась к восстановлению и развитию своего экономического потенциала. Так, во время Бреттон-Вудской конференции Объединенных Наций по валютно-финансовым вопросам 1944 г., наиболее существенный вклад в разработку

концепции МВФ внесли глава британской делегации Джон Кейнс и сотрудник Минфина США Гарри Уайт [3, с. 57]. Окончательный вариант соглашения был подписан в декабре 1945 г., когда МВФ официально начал свою работу. Другим важнейшим финансовым институтом стал Всемирный банк, который, наряду с МВФ, является крупнейшей финансовой организацией, созданной по итогам Бреттон-Вудской конференции 1944 г., в котором Великобритания также заняла одно из ключевых мест. В контексте решения насущных экономических задач британское правительство приняло активное участие в проекте США «план Маршалла» и получило самую большую долю финансирования среди всех европейских стран [4]. Эффективное восстановление британской экономики, опыт военного и политического взаимодействия с Америкой, вступление в 1949 г. в НАТО на этапе его создания и в дальнейшем в ситуации углубления холодной войны и кризисов биполярного противостояния во многом предопределило сближение внешнеполитического курса Великобритании с США. Эта ориентация в значительной мере и обусловила ее отказ от участия в интеграционных экономических процессах в Западной Европе.

Таким образом, в послевоенное десятилетие роль Великобритании определялась ее статусом страны – участницы антигитлеровской коалиции, победительницы и активной создательницы политической и экономической модели послевоенного мироустройства.

-
1. *Сэмпсон Э.* Новая анатомия Британии. М., 1975.
 2. Пятое заседание Совета Безопасности ООН 30 января 1946 г. // Организация Объединенных Наций : сборник резолюций за 1946 год. URL: <http://daccess-dds-ny.un>. (дата обращения: 12.12.2015).
 3. *Фишер В.* Европа: экономика, общество и государство : 1914–1980. М., 1999.
 4. План Маршалла как счастливый билет для Европы. URL: <http://mybank.ua> (дата обращения: 12.12.2015).

**Факторы британской политики евроинтеграции
в 1970-е гг.**

Factors of British European integration policy in 1970s

В статье на основе анализа отечественной и англоязычной литературы исследованы факторы формирования британской политики накануне вступления и в начальный период ее членства в Европейском экономическом сообществе. Показана специфика британской внешней политики, ее воздействие на трансформацию европейских интеграционных структур и образований. Сделан вывод о том, что европейская политика Великобритании была обусловлена как внутренними, так и внешними факторами, что выражалась в выжидательном поведении Лондона в европейских переговорах, оппозиции инициативам ЕЭС. Наиболее яркими проявлениями британской политики в Европе стали решение не присоединяться к сообществам на этапе зарождения европейского объединения, внутрипартийный раскол, сопровождавший ратификацию заявки на вступление в сообщество в 1971 г., пересмотр условий членства в ЕЭС и референдум 1975 г., бюджетные прения, недовольство аграрной, торговой и валютной политикой. Основной причиной этого являлась экономическая, политическая, институциональная и культурная специфика Великобритании, что вызвало многочисленные кризисы в отношениях с европейскими партнерами.

Ключевые слова: внешняя политика, евроинтеграция, Великобритания, Европейское экономическое сообщество.

The article, based on an analysis of domestic and studied English literature factors shaping British policy before the introduction in the period of its membership in the European Economic Community. The specificity of British foreign policy, its impact on the transformation of European integration structures. The article concludes that the European policy of the United Kingdom was due to both internal and external factors, which is reflected in the behavior of expectant London in European negotiations, the opposition initiatives EEC. The most striking manifestations of the British policy in Europe was the decision not to join the community at the inception stage of European unification, internal party split, accompanying the ratification of the application for entry into the

Community in 1971, the revision of the conditions of membership of the EEC and the referendum of 1975, the budget debate, the agrarian discontent, trade and monetary policy. The main reason is economic, political, institutional and cultural specificity of the UK, which caused numerous crises in relations with European partners.

Keywords: foreign policy, European integration, United Kingdom, European Economic Community, the European integration.

Изучение факторов британской политики в период ее членства в Европейском экономическом сообществе позволяет выявить влияние Великобритании на эволюцию данной организации во время ее первого расширения. Кроме того, важно проследить специфику британской внешней политики, а также ее воздействие на трансформацию европейских интеграционных структур и образований. Важность анализа политики Великобритании заключается и в рассмотрении проблемы вхождения Великобритании в Европейское экономическое сообщество (ЕЭС) как многовекторного процесса, включающего элементы противостояния, активного участия и стремления занять лидирующие позиции в соответствии с национальными интересами страны.

В отечественной исторической и политической науке имеется комплекс научной литературы по политике Великобритании в отношении европейской интеграции. Периоду 1970-х гг. посвящены труды А. А. Громыко, А. А. Журкова, В. Н. Зуева, Г. В. Колосова, А. А. Лебедева, И. П. Фаминского, Е.С. Хесина, А. О. Чубарьяна и др. Западная литература по теме британской политики евроинтеграции представлена публикациями таких авторов, как Р. Холден, С. Фелл, С. Ладлэм, М. Смит, Г. Маркс, М. Р. Стинберген, Ст. Джордж, Д. Гоулэнд, А. Тернер, лорд М. Бэлофф, Д. Янг, А. Мэй, А. Милворд и др. В публикациях данных авторов выявлены факторы, обусловившие подход Великобритании к вопросам евроинтеграции. Исследователями раскрыты особенности своей страны как европартнера. Значительное место в исследованиях отведено теме деятельности британских правительственных кабинетов в данном направлении, а также позициям лидеров Лейбористской и Консервативной партий. Существенным вкладом англоязычных авторов в изучение ис-

тории Британии в европейской интеграции является исследование мотивов участников объединительных организаций исходя из их зачастую противоречивых национальных интересов и стратегических задач. В трудах отмечены такие аспекты «особого места» Соединенного Королевства, как его островное географическое положение, вызвавшее оторванность от Европейского континента, и его имперское прошлое, проявляющееся в повышенной амбициозности.

Политика евроинтеграции Великобритании в 1970-х гг. формировалась в рамках внешнеполитических курсов, проводимых кабинетами премьер-министров Э. Хита, Г. Вильсона и Д. Каллагана. Специфика ее обусловлена особенностями Британии как европартнера, что проявилось в предпринятых мерах британских правительств, а также в позициях лидеров Лейбористской и Консервативной партий.

Одним из важнейших факторов британской евроинтеграции являлось особое место Соединенного Королевства. Кроме того, британские лидеры были заинтересованы в сохранении своего влияния в колониях и в Содружестве Наций.

Другим значимым фактором политики Великобритании в отношении евроинтеграции во 1970-х гг. были тесные отношения Лондона с Вашингтоном, что традиционно воспринималось политической элитой Туманного Альбиона как возможность участвовать в решении глобальных мировых проблем в качестве одного из ведущих игроков. Однако это нередко осложняло отношения Британии с Брюсселем, поскольку у государств, расположенных по разные стороны Атлантики, политические задачи совпадали далеко не всегда.

Важную роль в европейской политике Великобритании играли и ее отношения со странами – лидерами европейской интеграции – Германией и Францией. Конфликт между стремлением быть на ведущих позициях в Европе в сочетании с отстаиванием своих интересов во многом ослабил позиции Лондона в объединенной Европе.

Большое влияние на политику европейской интеграции оказала история вступления Англии в ЕЭС. Первые успехи в развитии Европейского сообщества, а также признаки заката Британской империи способствовали тому, что в

1961 г. премьер министром и лидером Консервативной партии Г. Макмилланом была подана первая заявка на членство в общем рынке. Эта попытка закончилась неудачей, поскольку французский президент Ш. де Голль наложил вето на решение о вступлении новых членов. При этом застой в английской экономике середины 1960-х гг. еще больше усилил намерение британского руководства вступить в ЕЭС, поскольку доля Англии в промышленном производстве Европы в тот период уменьшилась почти вдвое [1, с. 57]. Дальнейшее ослабление страны грозило поставить ее в подчиненное положение в Западной Европе. В 1967 г. премьер-министр Великобритании Г. Вильсон представил вторую заявку на присоединение к Сообществу, но Ш. де Голль вторично воспользовался правом вето. Ситуация изменилась после того, как в 1969 г. де Голля сменил Ж. Помпиду, снявший вето с Англии в связи с улучшением ее финансовой ситуации. В 1970 г. к переговорам приступило правительство консерваторов, решившее задачу интеграции.

В 1972 г. в Брюсселе «большая шестерка» подписала Договор о присоединении с Великобританией, Данией, Ирландией и Норвегией, после этого британская палата Общин приняла Билль о европейских сообществах, и 1 января 1973 г. Великобритания вступила в ЕЭС, знаменуя его первое расширение [2, с. 19]. Согласно договору о вступлении в ЕЭС, Британия заплатила взнос в бюджет сообщества в размере 100 млн фунтов стерлингов, приняла аграрные положения ЕЭС, отказалась от преференций на рынках содружества и от роли фунта стерлингов в качестве резервной валюты [3, с. 82].

Знаменательно, что вскоре после вступления в силу договора о присоединении Великобритании к ЕЭС новое лейбористское правительство потребовало его пересмотра. Уже в апреле 1974 г. Дж. Каллаган на заседании совета министров ЕЭС сделал официальное заявление, в котором содержались требования о пересмотре размера британского взноса в бюджет «общего рынка». Также лейбористы добивались изменения условий участия Великобритании в общей сельскохозяйственной политике и в финансировании сообщества. Они выражали сомнение в целесообразности валютной интеграции и настаивали на сохра-

нении своих предпочтений в торговле со странами Британского Содружества, в частности с Новой Зеландией, а также о возможности внесения, когда это необходимо, изменений в региональную и финансовую политику ЕЭС [4, с. 187].

Во многом закономерно, что пришедшие в 1974 г. к власти лейбористы под руководством Г. Вильсона совершили «разворот на 180°» в своей европейской политике. Они инициировали переговоры по пересмотру согласованных консерваторами условий членства Великобритании в ЕЭС. Помимо разрешения бюджетных вопросов, целью повторных переговоров являлось торможение дальнейшей интеграции для сохранения национального контроля над экономикой.

Следующим шагом правительства лейбористов стало объявление референдума по вопросу членства в ЕЭС, дата проведения которого была назначена на июль 1975 г. В условиях его подготовки настрой левого крыла лейбористской партии против членства в ЕЭС и сама идея референдума использовались Вильсоном для удержания Великобритании в сообществе.

Успешное завершение в марте 1975 г. переговоров и одобрение новых условий британским парламентом позволили Вильсону получить поддержку членства Великобритании в ЕЭС. В июне 1975 г. в Британии состоялся первый в ее истории национальный референдум, результатом которого стал положительный исход – 67,2 % голосов за продолжение членства в ЕЭС [5, с. 46].

В 1976 г. после смены Бреттон-Вудской валютной системы, основанной на золотом стандарте, Ямайской системой плавающих курсов возобновились усилия ЕЭС по стабилизации обменных курсов, однако Великобритания предпочла остаться наблюдателем и справляться собственными силами. В результате в 1979 г. в Европейской валютной системе (ЕВС), привязывающей курсы европейских валют к единой европейской валюте (ЭКЮ), приняло участие восемь из девяти государств – членов ЕС. Для Великобритании, переживавшей высокую инфляцию, присоединение к ЕВС стало бы рискованным с экономической точки зрения шагом. Но кабинет Д. Каллагана руководствовался политической логикой: на европейском уровне было озвучено намерение со временем присо-

единиться к системе, и это несколько разрядило напряженность в отношениях с континентальными партнерами [6, с. 60].

При анализе основных факторов политики Великобритании в отношении евроинтеграции 1970-х гг. отметим, что период членства Великобритании в ЕЭС совпал по времени с так называемым вторым этапом европейской интеграции. Решение вопросов британской европолитики осуществлялось ее премьер-министром Эдвардом Хитом (1970–1974) – лидером Консервативной партии, чьей заслугой стала координация переговоров по присоединению Великобритании к ЕЭС. Далее страной руководили лидеры Лейбористской партии Гарольд Вильсон (1974–1976) – сторонник интеграции и Джеймс Каллаган (1976–1979), также приверженец участия Британии в Европейском сообществе.

Необходимо подчеркнуть, что с момента присоединения к ЕЭС Британия стала одним из наиболее проблемных его членов. Действия островного государства обеспечили ему имидж «неудобного партнера», что свидетельствовало о противоречиях национальных интересов и стратегических задач участников интеграционной организации. С самого начала пребывания в ЕЭС Великобритания выступила в роли «партнера поневоле». За 20 лет она не выдвинула ни одной крупной инициативы, которая стала бы вехой в развитии интеграции. Наоборот, всякий раз, когда с такими инициативами выступали ее партнеры, Великобритания «ставила палки в колеса». Правда, в результате Великобритании обычно приходилось принимать те решения, о которых ранее договаривались другие государства – члены ЕЭС.

Специфика европейской политики Соединенного Королевства была обусловлена как внутренними, так и внешними факторами, что выражалось в выжидательном поведении Лондона в европейских переговорах, оппозиции инициативам ЕС, восприятию интеграции как угрозы национальным интересам страны. Наиболее яркими проявлениями британской политики в Европе стали решение не присоединяться к сообществам на этапе зарождения европейского объединения, внутрипартийный раскол, сопровождавший ратификацию заявки на вступление в ЕЭС в 1971 г., пересмотр условий членства в ЕЭС и референ-

дум 1975 г., бюджетные прения, недовольство аграрной, торговой и валютной политикой. Основной причиной этого являлась экономическая, политическая, институциональная и культурная специфика Великобритании, что вызвало многочисленные кризисы в отношениях с европейскими партнерами.

1. *Громыко А. А.* Из истории вступления Англии в ЕЭС // Новая и новейшая история. 1980. № 3. С. 54–72.
2. *Simon Y.* Terms of Entry: Britain's Negotiations with the European Community. L., 1973.
3. Европейский Союз: прошлое, настоящее, будущее : Документы Европейского Союза. М., 1999. Т. 5.
4. *Russell H.* The Making of New Labor's European Policy, Palgrave. 2001.
5. *Хесин Е. С.* Великобритания // МЭМО. 2001. № 8. С. 42–56.
6. *Knutson K.* Britain's Functional Approach to Integration. Ph D. Faculty of the Graduate School University of Missouri-Columbia, 2000.

УДК 351.746.1(478)+332.012.2(478)

М. А. Шаламов

*Уральский федеральный университет,
Екатеринбург*

Проблема Приднестровского конфликта в контексте региональной безопасности

Problem of the Transnistrian conflict in the context of regional security

Статья посвящена кризисной ситуации вокруг непризнанной Приднестровской Молдавской Республики. Отражены особенности и проблемы конфликта на территории Молдовы в свете усилившейся фактической блокады Приднестровья, ухудшения возможностей экономических связей и транспортного сообщения с Россией, а также возросших угроз социально-политической дестабилизации в данном регионе. Показано, что отсутствие серьезных успехов в решении приднестровского конфликта способно поставить под угрозу всю региональную безопасность на юго-востоке Европы.

Ключевые слова: непризнанная республика, социально-экономическая блокада, региональная безопасность, конфликт в Приднестровье.

The article is devoted to a crisis situation around the unrecognized Transnistrian Moldavan Republic. In article features and problems of the frozen conflict in the territory of Moldova in the light of the amplified actual blockade of Transnistria, deterioration of opportunities of economic relations and transport connection with Russia, and also the increased threats of socio-political destabilization are reflected in this region. Absence of serious achievements in the solution of the Transnistrian conflict is capable to threaten all regional security on Southeast of Europe.

Keywords: unrecognized state, social and economic blockade, regional security, Transnistrian conflict.

В настоящее время в значительной степени возросла региональная напряженность на юго-востоке Европы, что прежде всего обусловлено влиянием украинского кризиса и усилением антироссийского вектора внешней политики Украины и Молдовы. Так, нарастающая социально-экономическая блокада Приднестровья со стороны официального Кишинева и Киева создает условия не только для ухудшения внутренней политической ситуации и социальной напряженности в непризнанной республике, но и бросает вызов внешнеполитическим интересам России в данном регионе. Именно поэтому сегодня трудно переоценить роль политической стабильности в непризнанной Приднестровской республике, которая является передовым рубежом русской цивилизации на юго-востоке Европы.

Весомым стабилизирующим фактором, препятствующим возможной «разморозке» приднестровского конфликта, остается пребывание в Приднестровье российских миротворцев. Эффективные действия российского военного контингента делают его безусловным гарантом сохранения стабильности в Приднестровье, а миротворческие силы пользуются заслуженным авторитетом и доверием среди населения непризнанной республики. Так, по данным кафедры социологии Приднестровского госуниверситета, более 90 % жителей Приднестровья считают, что нынешний формат миротворческой операции должен

быть сохранен [1]. В свою очередь, официальный Кишинев при поддержке европейских партнеров уже неоднократно пытался изменить формат миротворческой операции. Молдова периодически настаивает на скорейшем и безоговорочном выводе российских войск и вооружений с территории республики [2].

В свою очередь, уход именно российских миротворцев из Приднестровья сегодня явно не соответствует интересам России в данном регионе и никоим образом не будет способствовать сохранению баланса стабильности на Юго-Востоке Европы.

Так или иначе, несмотря на определенные сложности, у официального Тирасполя и Кишинева, а также международных посредников и наблюдателей в приднестровском урегулировании не остается иной альтернативы, кроме как последовательная выработка формулы решения конфликта, не вызывающей серьезных взаимных разногласий. В противном случае тлеющие очаги враждебности, подобные приднестровскому, таят в себе значительный деструктивный потенциал, который может угрожать архитектуре евроатлантической безопасности в целом [3].

-
1. *Виноградов Д.* Российские миротворцы в Приднестровье // РИА Новости – информационное агентство [официальный сайт]. URL: <http://ria.ru/ocherki/20120731/713502217.html> (дата обращения: 19.12.2015).
 2. Речь президента Республики Молдова в Ашхабаде // Президентура Республики Молдова [официальный сайт]. URL: <http://www.presedinte.md> (дата обращения: 19.12.2015).
 3. *Сучков М.* Будущее ОБСЕ: новое время, прежние вызовы // РСМД [официальный сайт]. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=6237#top-content (дата обращения: 20.12.2015).

Научное издание

70 лет Ялтинской конференции
стран антигитлеровской коалиции

Материалы

международной научной конференции

Екатеринбург, 24 декабря 2015 г.

70th Anniversary of Yalta Conference

Collection of articles

of the International scientific conference

Yekaterinburg, December 24th, 2015

Электронное издание:

<http://elar.urfu.ru>

(Электронный архив УрФУ)

Редактор *Е. В. Березина*

Корректор *Е. В. Березина*

Компьютерная верстка *В. В. Сермягина*

Ответственный за выпуск *Д. Д. Шакирзянова*

Подписано к использованию 31.03.2013.

Гарнитура Times. Усл. печ. л. 13,4.

Объем издания 1,52 Мб.

Издательство Уральского университета

620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Тел.: +7 (343) 350-56-64, 350-90-13.

Факс: +7 (343) 358-93-06.

E-mail: press-urfu@mail.ru

